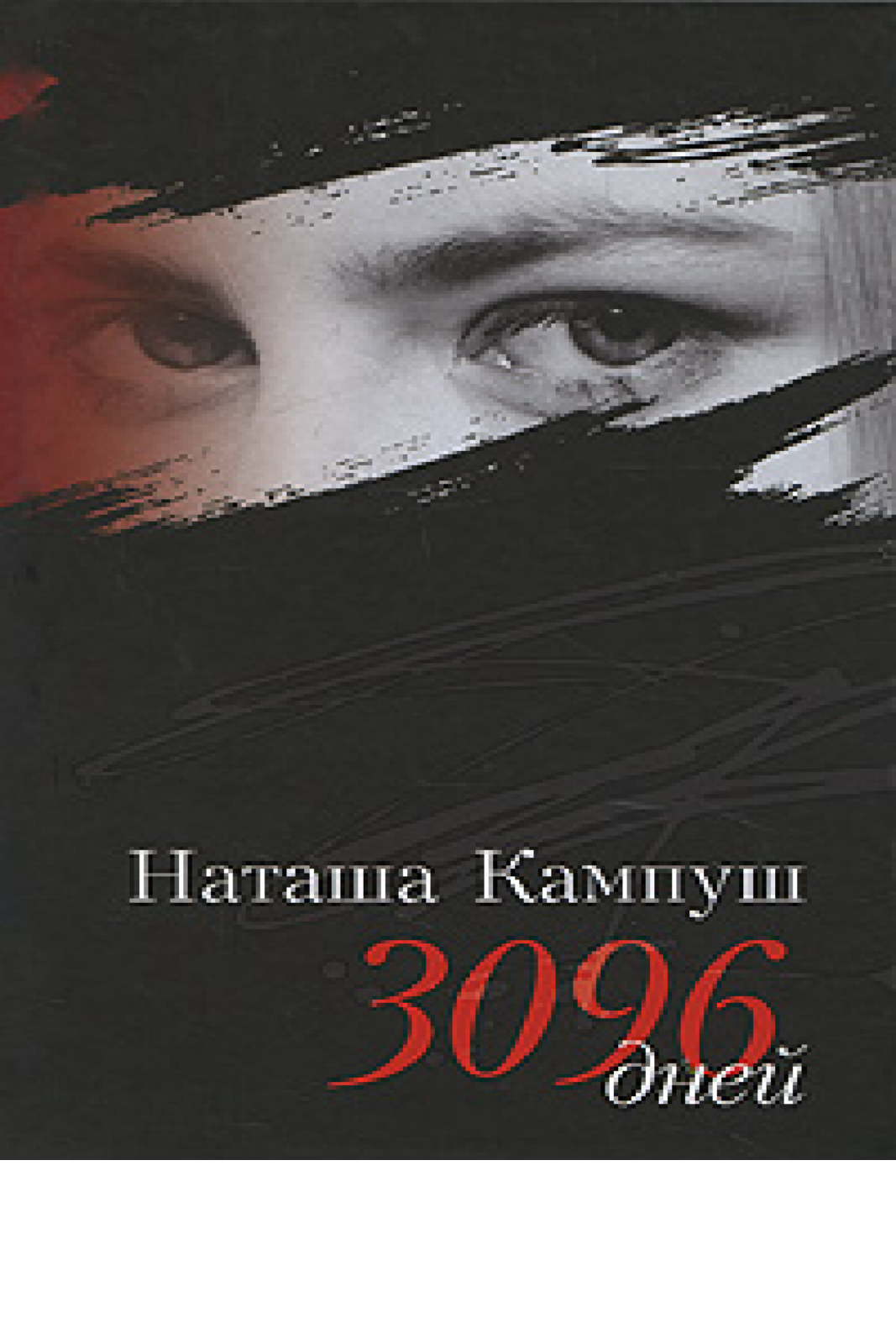

Наташа Кампуш

3096
дней

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Громкая история Наташи Кампуш, описанная в этой книге, всколыхнула всю Европу. В самом центре континента, в маленькой и чинной Австрии маньяк похитил 10-летнюю девочку и 8 лет держал ее в заточении. Вся австрийская полиция была поставлена на ноги. Девочку искали даже в соседних странах, но безрезультатно. Никто и предположить не мог, что все эти годы она провела в подвальной камерке два на три метра и высотой 160 сантиметров. История закончилась чудом — пленница сумела бежать, а похититель, поняв, что вот-вот за ним придут полицейские, покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд.

Девушка решилась открыть всю правду о своей жизни в заточении, рассказать о пережитых детских страхах, слезах и отчаянии, а также о неоднозначных отношениях с похитителем Вольфгангом Приклопиллом.

- Н. Кампуш, Х. Гронемайер, К. Мильборн
 - ХРУПКИЙ МИР
 - НУ ЧТО ЖЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ?
 - НАПРАСНАЯ НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ
 - ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННАЯ
 - ПАДЕНИЕ В НИКУДА
 - ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА И ГОЛОД
 - МЕЖДУ БЕЗУМИЕМ И ИДЕАЛЬНЫМ МИРОМ
 - НА САМОМ ДНЕ
 - СТРАХ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ
 - КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ
 - Эпилог
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12

- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48

Н. Кампуш, Х. Гронемайер, К. Мильборн Наташа Кампуш. 3096 дней

Психическая травма — это несчастье бессильных. Травма возникает в тот момент, когда господствующая сила берет верх, делая жертву беспомощной. Если эта сила — сила природы, мы называем ее катастрофой. Если эту силу применяют другие люди, мы говорим об акте насилия. Травмирующие события выключают социальную сеть, дающую человеку чувство контроля, принадлежности к системе отношений и смысл.

Юдит Херманн, «Шрамы насилия»^[1]

ХРУПКИЙ МИР

Мое детство на окраине Вены

Мать закурила сигарету и глубоко затянулась. «На улице уже темно. С тобой могло что угодно случиться!» — она укоризненно покачала головой.

Последние февральские выходные 1998 года мы с отцом провели в Венгрии. Там, в маленькой деревеньке неподалеку от границы, он купил себе дачу. Это была самая настоящая развалюха, с отсыревших стен которой осыпалась штукатурка. Несколько лет отец занимался ее ремонтом, а закончив, обставил красивой старой мебелью, так что дом стал обжитым и почти уютным. Несмотря на это, поездки туда не доставляли мне особого удовольствия. В Венгрии отец обзавелся большим количеством друзей, с которыми часто проводил время в веселых пирушках, благо высокий обменный курс шиллинга позволял ему это. Каждый вечер он таскал меня с собой по пивнушкам и барам, где я была единственным ребенком и молча сидела в окружении мужчин, отчаянно скучая.

И в этот раз, как и во все предыдущие, я была вынуждена поехать на дачу против собственной воли. Время здесь тащилось черепашими шагами, и я злилась, что еще слишком мала и зависима, чтобы иметь право решать за себя. Даже воскресная поездка в термальный бассейн, находящийся неподалеку, не вызвала у меня большого воодушевления. Когда я бесцельно шаталась по залам бассейна, меня остановила одна знакомая: «Пойдем со мной, выпьем вместе лимонада!» Я кивнула и охотно последовала за ней в кафе. Она была актрисой и жила в Вене. Я восторгалась ею — такое спокойствие и надежность она излучала, и, кроме того, имела именно ту профессию, о которой я тайно мечтала. Через некоторое время я набралась мужества и выпалила: «Знаешь, я бы тоже хотела стать актрисой. Как ты думаешь, у меня получится?» Она лучезарно улыбнулась мне: «Конечно, у тебя получится, Наташа! Ты будешь замечательной актрисой, если ты этого действительно хочешь!»

Мое сердце бешено заколотилось. Я не думала, что мои слова будут приняты всерьез, абсолютно уверенная, что меня поднимут на смех, как это уже не раз случалось. «Когда придет время, я тебе охотно помогу», — пообещала она мне и обняла за плечи.

На обратном пути к бассейну я весело скакала и напевала про себя: «Я могу все! Надо только очень хотеть и твердо верить в свои силы». Мною овладело почти забытое чувство легкости и

беззаботности.

Но моя эйфория продлилась недолго. Уже давно перевалило за полдень, а отец даже не думал покидать бассейн. Когда мы наконец вернулись на дачу, он и тут не стал проявлять особой поспешности, а наоборот, решил «прилечь на минутку».

Я нервно поглядывала на часы — мы обещали маме вернуться домой не позже семи, ведь на следующий день мне в школу. Я знала, что если мы вовремя не приедем в Вену, разразится скандал. Пока отец храпел на диване, время неумолимо утекало. Когда он наконец проснулся и мы отправились в путь, уже стемнело. Надутая, я сидела на заднем сиденье машины и за весь путь не произнесла ни слова. Мы не успеем вовремя, мать будет в бешенстве — все чудесное, что произошло со мной сегодня в бассейне, было уничтожено одним ударом. Как обычно, я окажусь между двух фронтов. Взрослые вечно все разрушают.

Отец купил на заправке шоколадку, и я почти целиком засунула плитку в рот.

Только в половине девятого, с опозданием в два с половиной часа, мы подъехали к нашему дому в Реннбанзидлунге.^[2]

«Я тебя выпущу здесь, беги быстрее домой! Я люблю тебя», — сказал отец и поцеловал меня в щеку.

«И я тебя», — пробормотала я, как обычно, на прощание. Пересекла темный двор и отперла входную дверь. В прихожей рядом с телефоном лежала записка от матери: «Я в кино, буду позже». Оставив сумку, я немного поколебалась, а затем приписала внизу, что подожду ее у соседки этажом ниже. Когда мать через некоторое время забрала меня домой, она была вне себя:

«Где твой отец?» — накинулась она на меня.

«Он не пошел со мной, он посадил меня перед домом», — тихо пробормотала я. В том, что мы опоздали, и что отец не удосужился проводить меня до дверей, моей вины не было. Но, несмотря на это, я чувствовала себя виноватой.

«Черт побери! Вы опаздываете на несколько часов, а я сиди и переживай. Как он мог оставить тебя одну в темном дворе? Посреди ночи? С тобой же могло что-то случиться! Но я тебе скажу одно — своего отца ты никогда не увидишь. С меня хватит, я больше этого терпеть не собираюсь!»

* * *

К моменту моего рождения 17 февраля 1988 года у моей 38-летней матери уже были две взрослые дочери. Моя старшая

сводная сестра родилась, когда матери исполнилось 18, а вторая появилась на свет всего через год после этого. Стоял конец 60-х годов. На плечи матери свалились заботы о двух маленьких детях, с которыми ей приходилось справляться в одиночку — сразу после рождения второго ребенка мать развелась с отцом обеих девочек. Ей было нелегко доставать средства на пропитание для своей маленькой семьи. За многое приходилось бороться, действуя прагматично и жестко даже по отношению к самой себе, и она шла на все, чтобы прокормить своих детей. В ее жизни не оставалось места для сентиментальности и нерешительности, развлечений и легкомыслия. И вот, в 38, когда обе девочки выросли и с плеч наконец свалился груз забот и обязанностей по воспитанию детей, я заявила о себе. Мать меньше всего ожидала, что может еще раз забеременеть.

Семья, в которой я появилась на свет, была, в общем-то, опять на грани развала. Я все перевернула вверх дном: на свет божий снова вытаскивались детские вещи, а распорядок дня перестраивался под нужды младенца. Несмотря на то, что все были рады моему появлению и баловали меня как маленькую принцессу, все же в детстве я иногда чувствовала себя лишней, как пятое колесо в телеге. Свое место в мире, где все роли давно распределены, я сначала должна была завоевать.

До моего появления на свет родители жили вместе уже три года. Их знакомство произошло благодаря одной клиентке моей матери. Мать, будучи профессиональной портнихой, зарабатывала себе и дочерям на хлеб тем, что обшивала и переделывала одежду для дам по всей округе. Одной из них была женщина из Зюссенбруна под Веной, которая вместе с мужем и сыном владела булочной и маленькой бакалейной лавкой. Сын, Людвиг Кох, иногда сопровождал ее на примерки и всегда оставался несколько дольше, чем положено, чтобы поболтать с моей матерью. Та сразу влюбилась в молодого, статного булочника, который доводил ее до смеха своими веселыми историями. Со временем он все чаще стал задерживаться у нее и обеих девочек в доме большой муниципальной общины на севере Вены. Здесь город нерешительно запустил свои щупальца в равнины Мархфельда,^[3] еще не решив, чем он хочет стать. Это была местность без центра и лица, как наспех собранная мозаика. Тут не было порядка и законов, всем правил случай. Промышленные зоны и фабрики стояли прямо посреди неводеланных полей, по некошеной траве которых носились своры собак из близлежащих поселков. Между тем центры бывших деревушек еще боролись за свою независимость, которая медленно «отшелушивалась» от них, как краска от маленьких

домиков Бидермайера.^[4] Реликты прошедших времен, вытесненные бесчисленными общинами — утопиями социального строительства, как бы разбросанные широким жестом по зеленым лугам, были предоставлены сами себе. В самом крупном из этих поселений я и росла.

Община на Реннбанвеге, рожденная в чертежах на кульмане и возведенная в 1970 годы, воплощает в камне фантазию архитекторов, мечтавших создать новые условия обитания для новых счастливых людей будущего, которые будут жить в современных городах-сателлитах с четкими линиями, торговыми центрами и прекрасным транспортным сообщением с Веной.

На первый взгляд казалось, что эксперимент удался. Комплекс состоит из 2400 квартир, где живет около 7000 человек. Большие дворы, разделяющие высотные корпуса друг от друга, затенены высокими деревьями. Детские площадки отделяются большими газонами от круглых бетонированных арен. Можно себе четко представить картину, как архитекторы любовно расставляли на своей модели миниатюрные фигурки играющих детей и мамочек с колясками, в уверенности, что они создали совершенно новый вид социума. Квартиры, насаженные друг на друга вплоть до 15-этажных башен, оснащены балконами и современными ванными комнатами и по сравнению с душными однообразно-стандартными домами города просторны и хорошо распланированы.

Но с самого начала община стала пристанищем переселенцев, желание которых жить в городе так и не осуществилось целиком: рабочие из различных земель страны — Нижней Австрии, Бургенланда и Штирии, мигранты, которым ежедневно приходилось выносить маленькие стычки с остальными жильцами из-за кухонных запахов и шумно играющих детей, все прибывали и прибывали. Атмосфера в округе постепенно накалялась, стены домов все чаще покрывались националистическими и антиэмигрантскими надписями. В торговом центре разместились магазины дешевых товаров, а на широкой площади перед ним уже днем толкались подростки и безработные, которые топили свое разочарование в жизни в алкоголе.

Сейчас общину отремонтировали, высотные корпуса отливают пестрыми цветами и наконец достроено метро. Но во времена моего детства Реннбанвег был настоящей социальной пороховой бочкой. По ночам пересекать территорию считалось опасным, да и днем было не очень приятно проходить мимо групп хулиганов, болтающихся во дворах и выкрикивающих в спины проходящих женщин сальные двусмысленности. Моя мама всегда спешила пересечь дворы и пролеты быстрым шагом, крепко держа

мою руку в своей. Несмотря на то, что она была бойкой и острой на язык женщиной, она ненавидела хамство, расцветшее здесь буйным цветом. Как могла, она пыталась защитить меня и объясняла, почему она против моих прогулок во дворе и почему считает соседей вульгарными. Естественно, будучи ребенком, я сначала не могла этого понять, но все-таки в основном слушалась маминых наставлений.

Я до сих пор живо вспоминаю, как маленькой девочкой я снова и снова собиралась с духом, чтобы все же спуститься во двор и там поиграть. К этому я готовилась часами, обдумывая, что сказать другим детям, надевала и снова снимала одежду. Выбирала игрушки для песочницы, но швыряла их обратно в ящик; долго думала над тем, какую из кукол лучше взять с собой, чтобы привлечь внимание девочек. Когда я все же выходила во двор, то меня хватало всего на несколько минут: я никак не могла побороть чувство отчужденности. Недоброжелательное отношение моих родителей к этому социуму впиталось в меня настолько, что община навсегда осталась для меня чужой. Чаще всего я уходила в мир своих мечтаний, лежа на кровати в детской. Эта комната с розовыми стенами, светлым ковровым покрытием и узорчатыми занавесками, сшитыми матерью, которые оставались задернутыми даже днем, служила для меня защитой от внешнего мира. Здесь я строила большие планы и часами думала о том, куда заведет меня мой жизненный путь. Я знала наверняка, что в любом случае не собираюсь пускать корни здесь, в нашем районе.

* * *

В первые месяцы моей жизни я была центром внимания всей семьи. Сестры окружали новорожденную заботой, как будто репетировали на будущее. Одна кормила и пеленала меня, а вторая укладывала в детский рюкзачок и ехала со мной в центр города, где фланировала по шумным торговым улицам туда-сюда. Прохожие останавливались, чтобы полюбоваться моей широкой улыбкой и красивыми платьицами. Мама, слушая рассказы сестры об этом, гордо улыбалась. Она самозабвенно заботилась о моей внешности и с раннего детства наряжала в дорогие красивые вещи, которые шила для меня долгими вечерами. Для этого она выбирала особенные ткани, листала модные журналы в поисках новейших выкроек, а мелочи покупала в бутиках. Все части туалета тщательно подбирались одна к другой, вплоть до носочков. В сердце городского микрорайона, где многие женщины

выбегали в супермаркет прямо в бигуди, а большинство мужчин бродило в спортивных штанах из болоньи, я выглядела как маленькая модель. Внимание, которое мать уделяла моей внешности, было не только актом ее протеста против нашего окружения, но и способом выражения любви ко мне.

При ее решительном и энергичном характере проявление чувств по отношению к себе и другим давалось ей с большим трудом. Она не относилась к типу женщин, которые постоянно таскают ребенка на руках и сюсюкают с ним. Показывать слабость — как слезы, так и экзальтированные проявления любви, она считала стыдным. Ранняя беременность заставила ее быстро повзрослеть, и с течением времени она научилась противостоять всем невзгодам. Она не позволяла никаких «слабостей» себе и не выносила их у других. Ребенком я часто наблюдала, как одним усилием воли она преодолевала простуды, и зачарованно смотрела, как она недрогнувшей рукой вынимала из посудомоечной машины дымящуюся паром посуду. «Индейцы не знают боли», — это было ее кредо, означающее, что определенная жесткость не только не мешает, а наоборот, иногда помогает выжить в этом мире.

Отец же в этом смысле был ее абсолютной противоположностью. Когда мне хотелось поласкаться, он принимал меня с распростертыми объятиями и с удовольствием играл со мной. Конечно, если не спал. Именно в то время, когда он еще жил с нами, чаще всего я видела его спящим. Обычно по вечерам отец любил уходить из дому, чтобы провести вечер с обильной выпивкой в кругу своих друзей. Соответственно, в работе от него было мало толку. Унаследовав булочную от отца, он так и не проникся любовью к своей профессии. Самым большим мучением для него был ранний подъем. До полуночи он слонялся из одного бара в другой, и когда в два часа ночи звонил будильник, с трудом продирали глаза. Вернувшись после доставки выпечки клиентам, он по нескольку часов храпел на диване. Его огромный, как гигантский шар, живот мощно поднимался и опадал перед моими замороженными детскими глазами. Я любила играть с ним спящим — пристраивала на его щеке плюшевого медведя, украшала голову отца бантами и лентами, надевала ему чепчик и даже красила ногти лаком. Проснувшись после обеда, он начинал кружить меня в воздухе и, как волшебник, неожиданно извлекал из рукавов разные сладкие сюрпризы.

После чего снова исчезал в барах и кафе города.

Но самую важную роль в моей жизни в то время играла моя бабушка, делившая вместе с отцом заботы о булочной. Ее дом был и моим домом, и там я чувствовала себя очень уютно. Хотя она и жила всего в нескольких минутах езды на машине от нас, мне казалось, что в другом мире. Зюссенбрунн — одна из старых деревень на северной окраине Вены, сельский дух которой не смог сломить даже все ближе подступающий город. В спокойных переулках стояли коттеджи с садами, где тогда еще выращивали овощи. Дом моей бабушки, с находящейся в нем маленькой бакалейной лавочкой и пекарней, выглядел точно так же, как и во времена монархии.

Бабушка родилась в Вахау, в семье виноделов, в живописнейшей части устья Дуная, где на солнечных склонах возделывается виноград. Как было принято в то время, она с раннего детства начала помогать родителям по хозяйству. О своей юности в этой местности, представленной в фильмах Ханса Мозера^[5] 50-х годов как гнездо любовной идиллии, она вспоминала с грустью и ностальгией. И это при том, что вся ее жизнь в этом сказочном месте состояла только из работы, работы и еще раз работы. Как-то на пароме, перевозящем людей с одного берега Дуная на другой, она познакомилась с пекарем из Шпитца. Недолго думая, девушка воспользовалась случаем вырваться из своей, расписанной по минутам, жизни и вышла замуж. Она была на 24 года моложе Людвиг Коха-старшего, и многим не верилось, что к алтарю их привела любовь. Но о своем муже — моем дедушке, с которым мне так и не довелось познакомиться, бабушка всегда говорила с большой нежностью. Он умер вскоре после моего рождения.

Даже после многих лет жизни в городе бабушка оставалась деревенской женщиной со своими причудами. Она носила шерстяные юбки, поверх которых надевала цветастые фартуки, волосы завивала в кудри и распространяла вокруг себя запахи кухни и «Францбрандвайн»,^[6] которые обволакивали меня, стоило мне зарыться лицом в ее юбку. Мне даже нравился постоянно сопровождающий ее легкий «аромат» алкоголя. Бабушка оставалась истинной дочерью виноделов и во время каждой трапезы, как воду, запросто выпивала большой стакан вина, при этом никогда не выказывая даже намека на опьянение.

Бабушка и в городе оставалась верна своим привычкам — готовила на старой дровяной печке и чистила кастрюли старомодной проволочной щеткой. С особой трогательностью она заботилась о своих цветах. На большом дворе позади дома стояли бесчисленные горшки, чаны и старое корыто для замеса теста, установленное на бетонных плитках. Весной и летом все это

превращалось в маленькие фиолетовые, желтые, белые и розовые цветущие островки. В примыкающем к дому фруктовом саду росли абрикосы, вишни, сливы и много смородины. Этот мир составлял огромный контраст с нашим поселением на Реннбанwege.

В годы моего раннего детства бабушка олицетворяла для меня домашний очаг. Я часто оставалась у нее ночевать, лакомилась шоколадом и нежилась с ней на старой софе. После обеда я ходила в гости к своей здешней подружке, в саду которой родители установили маленький бассейн, или каталась с другими детьми на велосипеде по деревенским улицам, с любопытством оглядывая окрестности, по которым можно было свободно передвигаться. Позже, когда родители открыли неподалеку магазин, я садилась на велосипед и за пару минут добиралась до дома бабушки, чтобы ошарашить ее своим внезапным появлением. Часто она не слышала моих звонков и стука в дверь, сидя под гудящим сушуаром. Тогда я перелезала через забор, прокрадывалась с заднего крыльца в дом и очень веселилась, видя ее испуг. С бигуди в волосах она, смеясь, гоняла меня по кухне: «Ну, погоди, вот я тебя поймаю!» И приговаривала меня к штрафу в виде садовых работ. Я обожала это наказание — вместе с ней обрывать темно-красные вишни с деревьев или осторожно ощипывать кисти смородины.

Бабушка не только подарила мне кусочек беззаботного и счастливого детства, но и научила меня находить место для чувств в этом не допускающем эмоций мире. Почти всегда, когда я бывала у нее в гостях, мы ходили на маленькое кладбище, расположенное за околицей, почти посреди обширного поля. Могила дедушки с блестящим черным камнем в изголовье находилась в самом конце кладбища, рядом с засыпанной новым щебнем дорогой, идущей вдоль кладбищенской стены. Летом, когда солнце нещадно палило, согревая могилы, здесь стояла тишина — слышен был только стрекот сверчков, птичий гомон над полями, да изредка звук проезжающей по магистрали машины. Раскладывая на могильном камне свежие цветы, бабушка тихо плакала, а я каждый раз по-детски принималась ее утешать: «Ну не плачь, бабушка! Дедушка хотел бы видеть твою улыбку!» Позже, уже школьницей, я поняла, что женщинам моей семьи, постоянно прячущим свои эмоции от других, было необходимо иметь такое место, где они могли бы дать волю своим чувствам — защищенный от чужих глаз уголок, который принадлежит только им.

Когда я стала чуть старше, послеобеденные посиделки у бабушкиных подруг, с которыми она часто встречалась на

кладбище, постепенно наскучили мне. Насколько, будучи ребенком, я любила, когда старые дамы, пичкая меня пирожными, расспрашивали обо всем, так со временем сидение в старомодных гостиных с темной мебелью и кружевными салфеточками, где ничего нельзя было трогать руками, пока дамы, захлебываясь, хвастались своими внуками, перестало доставлять мне удовольствие. Бабушка очень обижалась на мое «отречение». «Тогда я найду себе другую внучку!» — объявила она мне однажды. Но когда она действительно начала одаривать мороженым и сладостями другую маленькую девочку, каждый день забегавшую в ее лавку, это ранило меня до глубины души.

Вскоре это разногласие было разрешено, но с той поры мои посещения Зюссенбрунна стали реже. У моей матери и без того всегда были достаточно напряженные отношения со свекровью, поэтому ее не особенно огорчило то, что я стала реже ночевать у бабушки. И как часто бывает со всеми внуками и их бабушками, когда я пошла в школу, мы немного отделились друг от друга. Но бабушка навсегда осталась для меня незыблемой скалой в бурном прибое, потому что она дала мне с собой жизненный запас надежности и чувство безопасности, которых мне так не хватало дома.

* * *

За три года до моего рождения родители открыли маленький продовольственный магазин с пристроенной к нему закусочной в микрорайоне Марко-Поло,^[7] всего в 15 минутах езды на машине от Реннбанвега. В 1988 году они приобрели еще одну бакалейную лавку на Прёбстельгассе в Зюссенбрунне, находящуюся всего в паре сотен метров от дома моей бабушки, на главной улице местечка. В одноэтажном угловом доме цвета увядшей розы, со старомодной дверью и прилавком с 60-х годов они продавали выпечку, деликатесы, газеты и специальные журналы для водителей грузовиков, которые делали здесь, на выездной магистрали перед Веной, свою последнюю остановку. На полках лежала целая куча повседневных мелочей, которые покупают у бакалейщика даже те, кто уже давно отоваривается в супермаркетах: стиральный порошок в маленьких коробках, макароны, супы в пакетиках, а также сладости. На заднем дворе стоял старый, покрашенный в розовый цвет дом, служащий холодильным складом.

Оба этих магазина рядом с домом моей бабушки позже стали центром моего детского мира. Я часто проводила вечера после

садика или школы в магазине на Марко-Поло, и пока моя мать занималась бухгалтерией или обслуживала клиентов, вместе с другими детьми играла в прятки или скатывалась кувырком с небольших холмов, которые согласно архитектурному решению были специально насыпаны для катания на санках. Этот район был меньше и спокойнее нашего, там я могла безбоязненно передвигаться и легко знакомиться и общаться с другими детьми. Из магазина можно было наблюдать за гостями в кафе: домохозяйки, мужчины, закончившие работу, и другие посетители, которые уже с утра начинали свой день с того, что выпивали кружку пива и к ней заказывали тост. Такие закусочные относятся к вымирающему виду, постепенно исчезающему в городах. Благодаря старой традиции, в них сохранилась непринужденная домашняя атмосфера, где можно засидеться далеко за полночь, попивая дешевое разливное вино и запросто общаясь с другими посетителями. Эти заведения являются важной нишей для многих простых людей.

В обязанности отца входило обслуживание пекарни и доставка выпечки. Обо всем остальном заботилась моя мать. Когда мне было около 5 лет, отец начал брать меня с собой в поездки по доставке товара. На нашем автофургоне мы проезжали пригороды и деревни, останавливались у гостиниц, баров и кафе, у киосков с хот-догами и маленьких магазинчиков. Поэтому весь северный берег Дуная я знала гораздо лучше, чем кто-либо из моих ровесников, а времени в барах и кафе провела намного больше, чем подобает в этом возрасте. Я безумно наслаждалась временем, проводимым с отцом, и чувствовала себя очень взрослой, принимаемой всерьез. Но эти поездки по питейным заведениям имели также и свои негативные стороны.

«Какая хорошая девочка!» — эти слова я слышала, должно быть, тысячу раз. Они оставили неприятный отпечаток в моей памяти, несмотря на то, что меня хвалили и я находилась в центре внимания. Чужие люди щипали меня за щеки и дарили шоколадки. Кроме того, я ненавидела, когда кто-то вытаскивал меня на яркий свет рампы против моего желания, вызывая во мне глубокое чувство стыдливости.

В данном случае таким человеком был мой отец, который хвастался мной, как украшением, перед своими клиентами. Очень общительный, он любил распустить перья перед публикой, и его маленькая дочка в отутюженном платье была для этого идеальным аксессуаром. У него было такое количество друзей повсюду, что даже мне, ребенку, было понятно, что все эти люди не могут быть ему действительно близки. Большинство из них просто пили за его счет, многие одалживали деньги. Дабы

утолить свою жажду дешевой популярности, он охотно оплачивал чужие счета.

В этих пригородных забегаловках я сидела на слишком высоких для меня стульях, слушая разговоры взрослых, которые только в первый момент проявляли ко мне интерес. В основном это были безработные и неудачники, проводившие свои дни за кружкой пива, стаканом вина и игрой в карты. Многие из них раньше имели профессию — были учителями или чиновниками, но в какой-то момент выпали из обоймы. Сейчас это называется «Burnout».^[8] Тогда же это было обыденностью пригорода.

Редко кого интересовало, а что такая маленькая девочка потеряла в этом кабаке — большинство считало это нормальным, и все они были преувеличенно дружелюбны со мной. Тогда отец с уважением говорил: «Моя взрослая девочка», и нежно похлопывал меня по щеке. Если же кто-то угощал меня конфетами или лимонадом, то от меня ожидалось проявление благодарности. «Поцелуй дядю! Поцелуй тетю!» Я сопротивлялась такому тесному контакту с посторонними, на которых злилась за то, что они крадут внимание отца, по праву принадлежащее мне. Эти поездки были похожи на контрастный душ: сейчас я в центре внимания, мной гордо хвастаются и одаривают конфетами, а через минуту обо мне забывают напрочь, до такой степени, что, попади я под машину, никто бы и не заметил. Такие резкие колебания между интересом и полным пренебрежением ко мне в этом легкомысленном мирке задевали мое самолюбие. Я научилась привлекать к себе всеобщее внимание и удерживать его как можно дольше. Только сейчас я понимаю, что это влечение к сцене, мечта об актерстве, лелеемая мной с раннего детства, зародились во мне не случайно. Таким образом, я имитировала поведение своих, склонных к самовыражению родителей, а также вырабатывала способы выживания в мире, где тобой или восхищаются, или вовсе не замечают.

* * *

В скором времени этот контрастный душ из внимания и пренебрежения, так ранящий мое самолюбие, обрушился на меня и в моей семье. Постепенно по миру моего раннего детства пошла трещина, сначала такая маленькая и незаметная, что я могла ее просто игнорировать или списывать на собственную раздражительность. Но вскоре щель увеличилась до таких размеров, что в нее рухнуло все семейное здание. Когда отец заметил, что перегнул палку, было слишком поздно — мать уже

давно приняла решение о разводе. Он продолжал «пышную» жизнь короля окраин, кочуя из бара в бар и покупая себе большие, импозантные машины — «Мерседесы» или «Кадиллаки», чтобы вызвать восхищение у друзей. Деньги на них брались в долг. Даже если он давал мне несколько шиллингов на карманные расходы, то быстро возвращал их себе обратно, одалживая их у меня, чтобы купить сигарет или выпить где-то чашечку кофе. Под дом моей бабушки он набрал столько кредитов, что его пришлось заложить. К середине 90-х годов у него накопилось такое количество долгов, что вся семья оказалась под угрозой разорения, и моей матери пришлось перекупить бакалейную лавку на Прёбстельгассе и магазин в общине Марко-Поло. Однако трещина вышла далеко за рамки финансовых проблем. Мать была сыта по горло мужем, любящим пропустить стаканчик, но не знающим, что такое ответственность.

Мучительно-долгий процесс развода родителей перевернул всю мою жизнь. Вместо того, чтобы окружить меня заботой и вниманием, обо мне просо забыли. Родители часами громко ругались, поочередно запираясь в спальне. Пока там находился один, другой бесновался в гостиной. Когда я боязливо высывалась из своей комнаты, они заталкивали меня обратно, закрывали дверь и продолжали ссору. Я чувствовала себя как в клетке и больше не понимала окружающий мир. Зажимая подушкой уши, я пыталась заглушить звуки перебранки и перенестись в безоблачное детство, но это удавалось не часто. Я не могла понять, почему мой обычно такой искрометный затейник-папа выглядит беззащитным и потеряннным и больше не достает из волшебных рукавов маленькие сюрпризы, чтобы меня развеселить. Неисчерпаемый запас конфет вдруг иссяк.

Как-то раз после очередной дикой ссоры моя мать ушла из дому и не появлялась несколько дней. Этим жестом она всего лишь желала показать отцу, каково это, когда от супруга днями нет ни слуху ни духу — для него одна-две ночи вне дома были в порядке вещей. Но я была слишком мала, чтобы понять истинную причину этого, и очень боялась — ведь в этом возрасте ощущение времени совсем другое. Поэтому отсутствие мамы показалось мне вечностью. Я не знала, вернется ли она когда-нибудь назад. Глубоко во мне обосновалось чувство, что я никому не нужна и покинута. Так началась новая фаза моего детства, в которой для меня самой не было места и я больше не чувствовала себя любимой. Из самодостаточной маленькой личности я все больше и больше превращалась в забитую девочку, потерявшую доверие к своим близким.

В это тяжелое время я пошла в детский сад. Гнет навязанной мне чужой воли, который я ребенком с трудом выносила, достиг своего апогея.

Мать устроила меня в частный садик неподалеку от нашего дома. С самого начала я почувствовала себя настолько ложно понятой и плохо принятой, что начала его ненавидеть. Этому положил начало случай, произошедший в первый же день. Гуляя во дворе сада вместе с другими детьми, я увидела тюльпан, очаровавший меня своей красотой. Я захотела его понюхать и, наклонившись над ним, осторожно потянула к себе. Воспитательница же подумала, что я хочу сорвать цветок, и резко шлепнула меня по руке. Я возмущенно закричала: «Я все расскажу маме!» Но этим же вечером поняла, что с того момента, как мать переложила ответственность за меня на кого-то другого, она больше не является моей поддержкой. Когда я рассказала об инциденте, уверенная, что она встанет на мою защиту и на следующий день сделает замечание воспитательнице, она ответила, что это всего лишь детский сад, в котором нужно придерживаться правил. И вообще: «Я не собираюсь вмешиваться в то, в чем не принимала участия». Эти слова стали стандартным ответом на все мои жалобы, если возникали проблемы с воспитательницами. Когда же меня задирали дети, и я рассказывала ей об этом, слышала в ответ краткое: «Так ответь им тем же!» Мне пришлось учиться преодолевать сложности в одиночку. Время в детском саду стало для меня временем испытаний. Я ненавидела жесткие правила. Я ненавидела послеобеденное время, когда вынуждена была ложиться отдыхать с другими детьми, хотя не чувствовала себя уставшей. Воспитательницы добросовестно выполняли свою работу, не выказывая, однако, особого интереса к нам. Приглядывая за нами одним глазком, они читали романы и газеты, болтали или красили ногти.

Я с трудом находила общий язык с детьми, чувствуя себя среди них еще более одинокой, чем раньше.

«К факторам риска, особенно при вторичном энурезе, относятся потери в широком смысле, как, например, расставания, разводы, случаи смерти, рождение в семье брата или сестры, крайняя бедность, правонарушения родителей, лишения,

пренебрежение и недостаточная поддержка ребенка в эволюции его развития» — так описываются в энциклопедии причины проблемы, с которой я боролась в то время. Из развитого ребенка, быстро отказавшегося от подгузников, я превратилась в девочку, страдающую недержанием мочи. Детский энурез стал моим позорным клеймом. Мокрые пятна на постельном белье — источником бесконечных брани и глумления.

Когда я в очередной раз обмочилась, мать отреагировала распространенным в то время способом. Считалось, что это преднамеренное действие, от которого ребенка можно отучить насильно, с помощью наказаний. Она шлепнула меня по попе и сердито спросила: «За что ты так со мной поступаешь?» Она ругалась, впадала в отчаяние и бессилие. А я по ночам продолжала мочиться в постель. Мать где-то достала прорезиненную клеенку и подложила ее мне в кровать. Это было очень унижительно. Из разговоров подруг моей бабушки я знала, что каучуковые подстилки и специальное постельное белье предназначаются для больных и старых людей. Я же, наоборот, хотела, чтобы ко мне относились как к взрослой девочке.

Этот кошмар все не прекращался. Мать будила меня по ночам, чтобы сводить в туалет. Если же я все-таки успевала «испортить» постельное белье, то она с руганью меняла простыни и пижаму. Иногда я просыпалась в сухой постели, очень гордая собой, но мать быстро сбивала с меня радужную пену. «Ты просто не можешь вспомнить, что я ночью снова тебя переодевала, — ворчала она, — ты посмотри, на что похожа твоя пижама!» Это были упреки, которым я ничего не могла противопоставить. Мать окатывала меня презрением и осыпала насмешками. Когда мне захотелось постельное белье «Барби», она высмеяла меня — мол, все равно ты его обсикаешь. От стыда мне хотелось провалиться сквозь землю.

В итоге она начала контролировать, сколько жидкости я потребляю. Я всегда была водохлебкой и пила часто и много. Но с этого времени утоление жажды стало строго регламентированным. Днем мне разрешалось пить немного, а вечером совсем ничего. Чем больше мне запрещали пить, тем больше усиливалась моя жажда, так что я уже не могла думать ни о чем другом. Каждый глоток и каждый поход в туалет проходили под наблюдением и комментировались. Но только когда мы были одни, не на людях. Иначе что они могут подумать?

В детском саду моя болезнь приняла новые формы — я стала мочиться уже и днем. Дети насмехались надо мной, а воспитательницы еще больше подзадоривали их, выставяя меня перед всей группой на посмешище. Они, видимо, полагали, что с

помощью издевок могут лучше контролировать мой мочевой пузырь. Но с каждым новым унижением ситуация все больше ухудшалась. Каждый поход в туалет и стакан воды стали для меня пыткой. Меня заставляли, когда я не хотела, и запрещали, когда мне было необходимо. Так, в детсаду мы должны были спрашивать разрешения выйти в туалет. В моем случае каждая просьба сопровождалась комментарием: «Ты же только что там была. Почему тебе нужно опять?» И наоборот — перед прогулками, едой или тихим часом меня гнали в туалет и внимательно надзирали за этим. Как-то раз, заподозрив меня в том, что я снова обмочилась, воспитательницы заставили меня продемонстрировать детям мое белье.

Каждый раз, когда мы с матерью выходили из дома, она брала с собой сумку со сменной одеждой. Этот сверток только усиливал мой стыд и неуверенность в себе, еще раз подчеркивая убежденность взрослых в том, что я непременно обмочусь. И чем больше они были в этом уверены, насмехаясь надо мной, тем чаще оказывались правы. Я не могла вырваться из этого замкнутого круга и в начальных классах школы, оставаясь осмеянной, униженной и вечно жаждущей «ссыкушкой».

* * *

После двух лет ссор и нескольких попыток примирения мой отец окончательно съехал от нас. Мне тогда было 5 лет, и из жизнерадостной малышки я превратилась в забитое, замкнутое существо, потерявшее любовь к жизни и разными способами протестовавшее против этого: иногда я уходила в себя, иногда кричала, на меня нападали приступы рвоты или отчаянных рыданий от боли и недопонимая. Неделями меня мучил гастрит.

Процесс развода отнял много сил у моей матери, но, пряча боль и неуверенность, она шла дальше, стиснув зубы, и того же требовала от меня. Она не могла понять, что это не по плечу такой маленькой девочке, как я. Если я позволяла себе выразить свои эмоции, она реагировала агрессивно. Обвиняла в слюнтяйстве и то осыпала похвалами, то угрожала наказаниями, если я не успокаивалась.

Моя ненависть к непонятной для меня ситуации постепенно оборачивалась против человека, который после ухода отца постоянно находился рядом, — к моей матери. Не раз я была настолько обижена на нее, что собиралась уйти из дома — упаковывала свои вещи в спортивный рюкзак и прощалась с ней. Но она знала, что дальше дверей я не уйду, и, иронично

улыбаясь, провожала меня словами: «О'кей! Успеха!» В другой раз я собрала всех кукол, подаренных ею, вынесла их из детской в коридор и выложила в ряд. А мать только спокойно наблюдала, как я решительно изгоняю ее из своего маленького царства. Разумеется, эти маневры не привели к решению настоящей проблемы. С разводом родителей я потеряла собственную точку опоры и больше не могла рассчитывать на людей, на которых раньше могла положиться.

К этому прибавилась бытовая форма насилия — пренебрежение, не настолько жестокая, чтобы считаться истязанием, но постепенно убивающая во мне чувство самоуважения. Когда люди думают о насилии, совершаемом в отношении детей, они обычно представляют себе систематические жестокие побои, приводящие к увечьям. В моем детстве ничего подобного не было. Вместо этого было вербальное подавление и эпизодические пощечины в духе «старорежимного воспитания» — именно это сочетание показывало мне, что, будучи ребенком, я слабее. Вести себя подобным образом мою мать побуждала не злоба и не холодный расчет, а мимолетные вспышки гнева, которые гасли как искра, едва появившись. Она поднимала на меня руку, когда испытывала стресс или когда я делала что-то не так. Она терпеть не могла, когда я ныла, приставала к ней с вопросами или ставила под сомнение какие-либо из ее разъяснений, — и в этих случаях она тоже «давала мне леща».

В то время и в этой местности такое отношение к детям не было исключением из правил. Наоборот, моя жизнь была намного «легче» жизни соседских детей. Во дворе мне часто приходилось наблюдать, как матери орали на своих детей, швыряли их на землю и осыпали побоями. Такого моя мать себе никогда не позволяла, и ее привычка давать мне мимоходом затрецины ни у кого не вызывала недоумения. Даже если она била меня по лицу в общественном месте, никто не вмешивался. Но моя мать не могла позволить себе ссору на людях, так как считала себя выше этого, ведь с ее точки зрения явное насилие было прерогативой женщин низшего сословия. Мои же слезы каждый раз осушались, а горящие щеки охлаждались перед тем, как покинуть дом или выйти из машины.

Вместе с тем мать пыталась загладить вину и облегчить свою совесть подарками. Она соревновалась с отцом, кто купит мне более красивое платье или составит более интересную программу на выходные. Но не подарки нужны были мне в тот период, а кто-то, кто дал бы безусловную поддержку и любовь. Мои же родители были на это не способны.

Насколько я тогда осознала, что от взрослых ожидать помощи не приходится, показывает один случай, произошедший со мной в младших классах. Мне только исполнилось 8 лет, и мы с классом поехали в школьный загородный дом в Штирии. Я не была спортивным ребенком и редко участвовала в активных играх, в которых остальные дети проводили свое время. И вот я отважилась присоединиться к ним на игровой площадке. Острая боль пронзила мою руку, когда я сорвалась со шведской стенки и ударилась о землю. Я хотела подняться, но рука отказала, и я повалилась на спину. Веселый смех одноклассников, толпящихся вокруг площадки, глухо отзывался в моих ушах. Мне хотелось кричать от боли, слезы катились по моим щекам, но я не выдавила из себя ни звука. Только когда ко мне подошла одноклассница, я тихо попросила ее позвать учительницу. Девочка побежала к ней. Но учительница отправила ее обратно, велев передать, что если мне что-то надо, я сама могу к ней подойти. Я сделала попытку подняться, но при первом же движении боль в руке снова вернулась. Беспомощная, я осталась лежать на полу. Только через некоторое время учительница из другого класса помогла мне встать. Крепко стиснув зубы, я не проронила ни слезинки, ни слова жалобы. Мне не хотелось никого обременять своими проблемами. Позже моя классная руководительница все-таки заметила, что со мной что-то не так. Предположив, что при падении я получила сильный ушиб, она разрешила мне провести вечер в комнате у телевизора. Ночью я лежала в своей кровати в общей спальне и еле могла дышать от боли. Но так и не попросила о помощи. Только на следующий день, когда мы находились в зоопарке Херберштайн, классная руководительница все же сообразила, что я действительно серьезно пострадала, и отвела меня к врачу. Тот сразу отправил меня в больницу в Граце. Оказалось, что у меня перелом руки.

Мать приехала забирать меня из клиники вместе со своим сожителем. Новый мужчина в ее жизни оказался старым знакомым — моим крестным.

Я его не любила. Путь в Вену был сплошным мучением. Три часа подряд друг моей матери брюзжал и ругался, что из-за моей неуклюжести они должны предпринять такую дальнюю поездку на машине. Мать, правда, попыталась разрядить обстановку, но ей это не удалось — поток упреков не прекращался. Я сидела на заднем сиденье и потихоньку плакала. Мне было стыдно, что я упала, мне было стыдно за проблемы, которые я всем создала. «Не создавай проблем! Не возражай! Не закатывай истерик!

Большие девочки не плачут!» — эти лозунги, слышанные мною в детстве тысячи раз, помогали мне полтора дня выносить боль в сломанной руке. И теперь, на автобане, они настойчиво вклинивались между тирадами друга моей матери.

Моя учительница получила тогда дисциплинарный выговор за то, что сразу не отвезла меня в больницу. И это действительно так — она пренебрегла своими обязанностями по надзору. Но большая доля вины за такое пренебрежение со стороны взрослых все же лежала на мне. К тому времени моя самооценка упала так низко, что мне и в голову не пришла мысль обратиться за помощью.

* * *

В то время я встречалась с отцом только по выходным или когда он изредка брал меня с собой в поездки. После развода с матерью он также заново влюбился. Его подруга была милой, но какой-то флегматичной. Как-то раз она задумчиво сказала: «Я знаю, почему ты такой сложный ребенок. Твои родители тебя не любят». Я громко протестовала, но эта фраза намертво засела в ранимой детской душе. Возможно, она права? Ведь она взрослая, а взрослые всегда правы.

Эта мысль не покидала меня несколько дней.

Где-то с девяти лет я начала «заедать» свои разочарования. Худенькой я не была никогда, да и выросла в семье, где еда всегда играла большую роль. Моя мать относилась к тому типу женщин, которые могли есть сколько угодно, не поправляясь при этом. Не знаю, с чем это было связано — то ли с нарушением функции щитовидной железы, то ли с ее активной натурой: она ела бутерброды с салом и торты, свиное жаркое и булки с ветчиной, при этом не прибавляя ни грамма в весе и не чувствуя усталости, и часто хвасталась этим перед другими. «Я могу есть все, что хочу», — сладко пела она, держа в руке жирный бутерброд. Я унаследовала от нее необузданность в еде, но не способность быстро сжигать калории. В отличие от матери, отец был таким толстым, что мне каждый раз было стыдно появляться с ним на людях. Его живот был огромным и туго надутым, как у женщины на восьмом месяце беременности. Когда отец лежал на диване, его живот горой вздымался вверх, и я часто, похлопывая по нему рукой, спрашивала: «Когда же родится малыш?» Отец в ответ на мою шутку только добродушно смеялся.

На его тарелке всегда высились горы мяса, а к ним полагалось несколько больших кнедлей, утопающих в целом море

соуса. Он поглощал еду огромными порциями, но продолжал есть дальше, несмотря на то, что давно утолил голод.

Если мы на выходные совершали загородные прогулки — сначала вместе с мамой, позже с подругой отца, все крутилось вокруг еды. В то время, когда другие семьи поднимались в горы, катались на велосипедах или посещали музеи, мы преследовали только кулинарные цели. Это могло быть открытие нового хойригера,^[9] поездки по сельским постоялым дворам, посещение старой крепости — но не ради исторической экскурсии, а чтобы принять участие в рыцарском обеде: штабеля мяса и кнедлей, которые брались и отправлялись в рот прямо руками, а к ним полные кружки пива — это были поездки на вкус моего отца.

Да и в обоих магазинах в Зюссенбрунне и в Марко-Поло, которые моя мать получила после развода, я постоянно была окружена едой. Когда мать забирала меня после продленки и приводила к себе на работу, я убивала скуку с помощью деликатесов: мороженое, мармелад, шоколад, маринованный огурец. Мать не могла противиться этому — она была слишком занята, чтобы обращать внимание на то, что я в себя запихиваю.

И вот я начала систематически переедать. Съедала за один раз целую упаковку «Баунти», запивая ее большой бутылкой «Колы», после этого добавляла плитку шоколада, и так до тех пор, пока мой живот не был набит до отказа. Но как только чувство сытости немного проходило, я ела дальше. В последний год перед моим похищением я так набрала в весе, что из помпушечки превратилась в настоящую толстуху. Дети меня дразнили еще больше, а я компенсировала одиночество все большим количеством еды. К моему десятому дню рождения я весила 45 кг. А успокаивающие слова матери расстраивали меня еще больше: «Я все равно тебя люблю, неважно, как ты выглядишь». Или: «Некрасивого ребенка стоит только одеть в красивую одежду». Если я обижалась, она смеялась и утешала: «Не принимай это всерьез, детка, не будь такой чувствительной». Быть «чувствительной» — хуже всего, этого допустить нельзя. Сейчас я каждый раз удивляюсь, открывая для себя, какой положительный смысл может нести слово «чувствительность». Во времена моего детства оно являлось оскорблением для людей, позволяющих себе быть слишком мягкими в этом жестком мире. Позже жесткость, унаследованная мной от мамы, возможно, спасла мне жизнь.

* * *

Неумеренно потребляя сладости, я проводила часы в

одиночестве у телевизора или в своей комнате с книжкой в руках. Из реальности, которая не обещала ничего, кроме унижений, мне хотелось сбежать в другие миры. У нас дома было много телевизионных каналов, и никто особенно не интересовался, что я смотрю. Я без разбора переключала программы с одной на другую, смотрела все подряд: детские передачи, известия и криминальную хронику — они вызывали у меня страх, но все равно их содержание я впитывала как губка. Летом 1997 года во всех СМИ обсуждалась одна тема: в Зальцкаммергут раскрыли группу педофилов. Дрожа от страха и отвращения, я все же не отрывалась от экрана — семь взрослых мужчин заманили нескольких мальчиков, соблазнив их деньгами, в специально оборудованную узкую комнату одного из домов, чтобы там заниматься с ними сексом, снимая происходящее на видео, которое разойдется по всему миру.

Следующий страшный случай, произошедший в Верхней Австрии 24 января 1998 года, потряс всю страну. С адреса анонимного абонентского ящика отсылались видео, на которых были запечатлены издевательства над девочками от 5 до 7 лет. На одной из кассет можно было даже рассмотреть преступника, который завлек семилетнюю соседскую девочку в мансарду и там жестоко изнасиловал.

Еще более страшное впечатление произвела на меня информация о серийных убийствах девочек, происходящих в Германии. Насколько я помню, только во времена моей начальной школы не проходило и месяца без сообщений о похищенных, изнасилованных или убитых девочках. Новости не скрывали ни одной детали драматических поисков и полицейских расследований. Я видела поисковых собак, рыщущих в лесах, и водолазов, разыскивающих в озерах и прудах трупы исчезнувших девочек. Я внимательно слушала ужасающие рассказы родных: как девочки исчезали с игровых площадок или не возвращались домой из школы. Как родители в отчаянии разыскивали их повсюду, пока не постигали ужасную правду, что больше никогда не увидят своих детей живыми.

Случаи, о которых тогда вещали все СМИ, имели такой резонанс, что мы обсуждали их в школе. Учителя разъясняли нам, каким образом мы можем защитить себя при нападении. Нам показывали фильмы, демонстрирующие, как оказывать сопротивление насилию на нескольких примерах. В одном случае это были домогательства старшего брата к сестре, а в другом — отца к сыновьям, которые смогли сказать «нет!», насильнику. И учителя в школе, и родители дома постоянно предупреждали нас: «Никогда не иди с незнакомцем! Не садись в незнакомую

машину! Не принимай сладостей от чужих! Если что-то покажется странным, лучше перейди на другую сторону улицы!»

Даже сегодня, когда я читаю список случаев, произошедших во время моей учебы в начальной школе, они потрясают меня так же, как и тогда:

Ивонна (12 лет) при сопротивлении насильнику убита в июле 1995 года на озере Пинновер (Бранденбург).

Анетта (15 лет) из Мардорфа на Штайнхудском озере, в 1995 году найдена на кукурузном поле раздетой, изнасилованной и убитой. Убийца не найден.

Мария (7 лет) похищена в ноябре 1995 года из Хальденслебена (Саксония-Анхальт), изнасилована и брошена в пруд.

Эльмедина (6 лет) похищена в феврале 1996 года из Зигена, изнасилована и убита.

Клаудиа (11 лет) похищена в мае 1996 года в Гревенброхе, изнасилована и сожжена.

Ульрика (13 лет) 11 июня 1996 года не вернулась с прогулки на коляске, запряженной пони. Труп был найден через два года.

Рамона (10 лет) бесследно исчезла 15 августа 1996 года из торгового центра г. Йена. Ее труп был найден в 1997 под Айзенахом.

Натали (7 лет) была похищена 20 сентября 1996 года в Эпфахе (Верхняя Бавария) 29-летним мужчиной по пути в школу, изнасилована и убита.

Ким (10 лет) похищена из Фарель (Фризия) в январе 1997 года, изнасилована и убита.

Анне-Катрин (8 лет) найдена убитой 9 июня 1997 года недалеко от дома родителей в Зеебек (Бранденбург).

Лорен (9 лет) в июле 1997 года была изнасилована и убита 20-летним мужчиной в подвале родительского дома в Пренцлау.

Дженнифер (11 лет) 13 января 1998 года в Ферсмольде под Гютерсло была изнасилована и задушена собственным дядей, заманившим ее в машину.

Карла (12 лет) 22 января 1998 года подверглась нападению по пути в школу в Вильхермсдорфе под Фюртом, изнасилована и брошена без сознания в пруд. Через пять дней умерла, не выходя из комы.

Но особенно меня тронули случаи с Дженифер и Карлой. После ареста дядя Дженифер признался, что хотел изнасиловать девочку в машине. Когда же она начала сопротивляться, он задушил ее, а труп спрятал в лесу. Эти сообщения вызывали во мне дрожь. Психологи, дававшие интервью на телевидении, советовали не сопротивляться насилию, чтобы не подвергать

опасности свою жизнь. Еще ужаснее были телевизионные материалы об убийстве Карлы. До сих пор перед моими глазами стоит картина, как репортеры у пруда в Вильхермсдорфе вещают в свои микрофоны, что по состоянию грунта, который был сильно взрыхлен, можно установить, как отчаянно девочка сопротивлялась смерти. По телевизору показывали траурную литургию. С застывшими от ужаса глазами я сидела, уставившись в экран. Все эти девочки были моими ровесницами. Только одно успокаивало меня, когда я разглядывала их фотографии в новостях, — я не была светловолосым хрупким созданием, которым отдавали предпочтение насильники. Тогда я не имела понятия, насколько я ошибалась.

НУ ЧТО ЖЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ?

Последний день свободы

Я попыталась закричать. Но не смогла издать ни звука. Мои голосовые связки просто отказали. Все во мне было сплошным криком. Беззвучным криком, который никто не мог услышать.

На следующий день я проснулась в плохом настроении. Меня душила досада, что мать сорвала на мне гнев, предназначавшийся отцу. Но больше всего меня мучило то, что мне навсегда запрещено с ним встречаться. Это было одним из тех спонтанных опрометчивых решений, которые взрослые принимают в минуты гнева, обрушивая их на головы детей и не задумываясь о том, какую боль это приносит им, бессильным против жестокого приговора.

Я ненавидела это чувство бессилия, чувство, напоминающее о том, что я всего лишь ребенок. Мне хотелось поскорее стать взрослой, надеясь, что тогда мои стычки с матерью больше не будут так задевать меня за живое. Мне хотелось научиться глотать обиды, а вместе с ними и этот глубоко засевший во мне страх, вызываемый у детей ссорами с родителями. В день моего 10-летия первый и несамостоятельный отрезок моей жизни остался в прошлом. Магическая дата, которая бы документально подтвердила мою независимость, приблизилась: еще 8 лет, и я смогу покинуть родительский дом и выбрать себе профессию. Тогда я больше не буду зависеть от решений взрослых, для которых мои потребности значат меньше, чем их глупые ссоры и мелочная ревность. Еще 8 лет, которые я хочу использовать для того, чтобы подготовиться к независимой жизни.

Несколько недель назад я уже сделала один важный шаг к этому: убедила мать отпускать меня в школу одну. До этого момента, хотя я уже ходила в 4-й класс, она всегда довозила меня на машине до самой школы. Путь занимал меньше пяти минут. Каждый день, вылезая из машины и целуя на прощание мать, я испытывала чувство неловкости перед другими детьми. Они могли видеть мою слабость. Долгое время я пыталась убедить мать в том, что мне пора научиться самой преодолевать путь в школу. Этим я хотела доказать не столько родителям, сколько самой себе, что я больше не маленький ребенок и могу справиться со своим страхом. Моя неуверенность в себе постоянно изводила меня. Она ждала меня еще в подъезде, шла по пятам во дворе и нападала, когда я бежала по улицам нашего района. Я ощущала себя такой беззащитной и крохотной. И

ненавидела себя за это. В тот день я твердо решила, что попробую стать сильной. Он должен был стать первым днем моей новой жизни и последним — моей прошлой.

Сейчас это, может быть, звучит несколько цинично — ведь в этот день моя прошлая жизнь, как я и хотела, действительно осталась позади. Правда, совсем не так, как это рисовалось в моем воображении.

Я решительно откинула одеяло и встала. Как всегда, мать подготовила вещи, которые я должна была надеть в школу — платье с джинсовым верхом и юбкой из серой в клеточку фланели. В нем я чувствовала себя бесформенной, скованной, как будто одежда пыталась удержать меня в том состоянии, из которого я хотела побыстрее вырасти. Я неохотно влезла в платье и прошла на кухню. На столе лежали приготовленные мамой для школы бутерброды, завернутые в бумажные салфетки с логотипом кафе в Марко-Поло и ее именем. Когда пришло время выходить из дому, я надела красную куртку и закинула за плечи свой пестрый рюкзак. Погладила кошек и попрощалась с ними. После чего открыла дверь в подъезд и вышла из квартиры. Спустившись вниз по лестнице, на последнем пролете я остановилась в нерешительности. В памяти возникла фраза, которую мать повторяла много раз: «Нельзя уходить, унося в себе злость на другого. Неизвестно, придется ли еще раз встретиться!» Она бывала несправедливой, импульсивной, порой давала волю рукам, но при прощании всегда была очень нежной. Могу ли я просто так уйти, не сказав ни слова? Я было повернула назад, но чувство обиды, не прошедшее с вечера накануне, взяло верх. Я не вернусь, чтобы ее поцеловать, я накажу ее своим молчанием. Кроме того, ну что же может случиться?

«Ну что же может случиться?» — пробормотала я вполголоса. Серые плиты подъезда отразили эхом эти слова. Я снова развернулась и начала спускаться по лестнице. Ну что же может случиться? Этим словам я придала силу мантры, повторяя их при выходе на улицу и по дороге к школе — через дворы между корпусами домов. Мантры, направленной против страха и нечистой совести, что я ушла, не попрощавшись. С ней я вышла за пределы общины, бежала вдоль ее бесконечной стены, ждала на перекрестке. Мимо прогрохотал трамвай, набитый спешащими на работу людьми. Мужество покидало меня. Все окружающее вдруг показалось мне слишком огромным. Мысли об очередной ссоре с матерью и боязнь окончательно запутаться в хитросплетениях отношений между моими рассорившимися родителями и их новыми партнерами, которые меня не признавали, не покидали меня. Желание восстать против этого уступило место

уверенности, что мне еще предстоит не одна схватка за место в этом клубке. И что у меня никогда не получится изменить свою жизнь, если даже зебра перехода кажется мне непреодолимой преградой.

Я заплакала и почувствовала, как во мне растет непреодолимое желание просто исчезнуть, раствориться в воздухе. Провожая взглядом несущиеся мимо меня машины, я представляла, как сделаю шаг вперед и буду сбита одной из них. Она протащит меня еще пару метров, и я буду мертва. Мой рюкзак останется лежать рядом со мной, а куртка будет похожа на красный сигнал на асфальте, кричащий: посмотрите только, что вы сделали с этой девочкой! Мать, рыдая, выскочит из дому, казня себя за все ошибки, совершенные ею. Так бы и было. Определенно.

Конечно же я не бросилась ни под машину, ни под трамвай. Я никогда не хотела привлекать к себе слишком много внимания. Вместо этого я набралась духу, пересекла улицу и пошла вдоль Реннбанвега по направлению к моей школе на Бриошивеге.

Дорога вела несколькими спокойными переулками, где стояли маленькие домики 50-х годов со скромными палисадниками. В местности, потесненной индустриальными постройками и районами панельных домов, они выглядели анахронично и успокаивающе одновременно. Завернув на Мелангассе, я вытерла с лица следы слез и, понуро опустив голову, медленно двинулась дальше.

Теперь я не помню, что заставило меня тогда поднять голову. Звук? Птица? В любом случае мой взгляд упал на белый пикап. Он стоял на парковочной полосе на правой стороне дороги и почему-то смотрелся странно неуместно на этой спокойной улочке. Я увидела стоящего перед машиной мужчину. Худой, невысокого роста, он как-то бесцельно смотрел вокруг блуждающим взглядом, как будто чего-то ждал, но не знал, чего именно.

Я замедлила шаги и внутренне оцепенела. Мой вечный страх, с которым я никак не могла совладать, моментально вернулся, руки покрылись гусиной кожей. Первый импульс был — перейти на другую сторону улицы. В моей голове быстрой чередой промелькнули картины и отрывки фраз: «не разговаривай с незнакомыми мужчинами...», «не садись в чужую машину...» Похищения, изнасилования, множество историй, рассказывающих о пропавших девочках, все то, что я видела по телевизору. Но если я действительно хочу стать взрослой, я не должна поддаваться этому чувству. Я должна собраться с духом и идти дальше. Ну что же может случиться? Школьный путь был моим

испытанием, и я его выдержу.

Сейчас я не могу сказать, почему при взгляде на эту машину в моей душе сработала сигнализация: может быть, это была интуиция, а может, повлиял переизбыток информации обо всех случаях сексуального насилия, посыпавшейся на нас после «случая Гроера».^[10] В 1995 году кардинала уличили в сексуальных домогательствах к мальчикам, а реакция Ватикана вызвала настоящую шумиху в средствах массовой информации и привела к сбору подписей против церкви в Австрии. К этому прибавились сообщения обо всех похищенных и убитых девочках, о которых я узнавала из немецкого телевидения. Но вполне возможно, что любой мужчина, встретившийся мне в необычной ситуации на улице, вызвал бы у меня страх. Быть похищенным в моих детских глазах представлялось чем-то реальным, но все же в глубине души я верила, что такое может случиться только по телевизору. Но никак не в моем близком окружении.

Когда я подошла к мужчине на расстояние около двух метров, он посмотрел прямо на меня. Страх испарился: эти голубые глаза и длинные волосы могли принадлежать студенту из старого фильма 70-х годов. Его взгляд был каким-то отстраненным. «Это несчастный человек», — подумала я. От него веяло такой незащищенностью, что во мне возникло спонтанное желание предложить ему помощь. Это звучит наивно, как детская убежденность в том, что все люди — добрые. Но когда этим утром он первый раз поднял на меня глаза, то показался потерянным и очень ранимым.

Да. Я выдержу этот экзамен. Я пройду на расстоянии, которое допускает узкий тротуар, мимо этого человека. Мне не нравилось сталкиваться с людьми вплотную, и я хотела попытаться пройти по меньшей мере так, чтобы не задеть его. Дальнейшее произошло очень быстро. В тот момент, когда я, опустив глаза, поравнялась с мужчиной, он резко обхватил меня за талию, приподнял и закинул через открытую дверь в машину. Для моего похищения потребовалось одно-единственное движение — как будто это было балетное па, которое мы отрепетировали вместе. Хореография кошмара.

Закричала ли я? Думаю, нет. Но все во мне превратилось в один сплошной крик, рвущийся наружу, но застрявший в горле: немой крик, как будто в ночном кошмаре, когда хочется кричать, но невозможно выдавить ни звука; когда хочется бежать, но ноги перестают слушаться, как будто увязая в глубоком песке. Сопротивлялась ли я? Попыталась ли помешать его идеальной инсценировке? Наверное, ведь на следующий день у меня был синяк под глазом. Я не могу вспомнить боль от удара, но помню

парализующее чувство незащитности. Мое похищение не составило преступнику большого труда. Он был 1,72 метра, а я только 1,50. Я была толстой и не особо поворотливой, а тут еще тяжелый рюкзак, сковывающий движения. Все заняло всего несколько секунд. Что меня похитили и я, скорее всего, должна умереть, стало мне ясно в тот момент, как дверь машины захлопнулась за мной. Перед моими глазами проплыли картины траурной церемонии по Дженифер, которую в январе изнасиловали и убили при попытке к бегству. Картины тревоги родителей за изнасилованную Карлу, найденную без сознания в пруду и умершую через неделю после этого. Тогда я задавалась вопросом: умереть, и что потом? Есть ли боль незадолго перед этим? И действительно ли виден свет?

Картины чередовались со сбивчивыми мыслями, кишащими в голове. «Неужели это действительно происходит? Со мной?» — спрашивал один голос. «Что за бредовая идея похищать ребенка, ничего не выйдет!» — говорил другой. «Почему я? — молил третий. — Я же маленькая и толстая и не подхожу под шаблон похитителей детей».

Голос похитителя вернул меня к реальности. Он приказал мне сесть на пол грузового отсека и не шевелиться. Попробуй я послушаться, узнаю, что почем. После этого он залез на переднее сиденье автофургона и тронул машину с места. Между водительской кабиной и грузовым отсеком не было перегородки, и сзади я могла его видеть. И я могла слышать, как он нервно набирает номер в своем автотелефоне. Но, похоже, ему не удавалось дозвониться. В это время мысли в моей голове продолжали стучать дальше: «Потребуется ли он выкуп? Кто ему заплатит? Куда он меня привезет? Что это за машина? Сколько сейчас времени?» Стекла автофургона, кроме узкой полоски на верхней части окна, были затонированы. С пола я не могла видеть, где мы едем, и не смела поднять голову настолько, чтобы посмотреть в переднее стекло. Поездка казалась мне долгой и бесцельной, вскоре я потеряла чувство времени и пространства. Только верхушки деревьев и столбы электропередачи давали ощущение, что мы едим по кругу. Говорить. Ты должна с ним говорить. Но как? Как говорят с преступниками? Преступники не вызывают уважения, вежливое обращение показалось мне неуместным. Итак, «ты». Форма обращения, предназначенная, собственно, для людей, которые мне близки.

Я спросила первое, что мне пришло в голову: размер его ноги. Это я почерпнула из таких телевизионных передач, как «Дело номер ХУ не раскрыто». Нужно описать преступника как можно точнее, тут важна каждая мельчайшая деталь. Естественно,

ответа не последовало. Вместо этого мужчина грубо приказал сидеть смирно, тогда со мной все будет в порядке. Не знаю до сих пор, как мне хватило мужества послушаться его приказа. Наверное потому, что я была уверена, что все равно умру, что хуже быть просто не может. «Меня изнасилуют?» — был следующий вопрос. В этот раз я получила ответ. «Для этого ты слишком мала, — сказал он, — на такое я никогда не пойду». И снова начал набирать номер. Положив трубку, буркнул: «Сейчас я отвезу тебя в лес и передам другим».

Тогда я умываю руки». Это предложение он повторил несколько раз, быстро и нервно: «Сейчас я отвезу тебя в лес и передам другим. Тогда я умываю руки. Мы больше никогда не увидимся». Если он хотел нагнать на меня страху, то это ему удалось: от сообщения, что меня передадут «другим», у меня перехватило дыхание. От ужаса я оцепенела. Дальнейших слов не требовалось, я знала, о чем речь: тема детской порнографии месяцами не сходила с экранов и страниц газет. Начиная с прошлого лета не было ни одной недели, когда бы не говорилось о преступниках, похищающих детей, а потом насилующих их и снимающих все это на видео. Внутренним взором я четко видела: группа мужчин, которые затаскивают меня в подвал, хватают за разные части тела, в то время, пока другие снимают происходящее на камеру. До этого момента я была уверена, что скоро умру. То, что мне угрожало сейчас, было во сто раз хуже.

Я не знаю, как долго мы ехали, пока не остановились в одном из сосновых лесов, которых полно за Веной. Похититель заглушил мотор и снова начал звонить. Похоже, что-то шло не так. «Они не приходят, их здесь нет!» — ругался он. При этом выглядел испуганным и затравленным. Вполне возможно, это был просто трюк — этим он хотел объединиться со мной против этих «других», которым должен был меня передать, но они просто «кинули» его. А может, он вообще их придумал, чтобы увеличить мой страх и парализовать мою волю?

Похититель вылез из машины и приказал мне оставаться на месте. Я молча подчинилась. Не из такой ли машины хотела бежать Дженифер? Как представляла она себе эту попытку? И какую ошибку при этом совершила? В моей голове все смешалось. Если бы он не заблокировал дверь, я бы, возможно, смогла ее открыть. И что тогда? Два шага, и он рядом со мной. Я не умела быстро бегать. Я не имела понятия, в каком лесу мы находимся и в каком направлении мне мчаться. А еще здесь были «другие», которые хотели меня забрать, они могли оказаться поблизости. Я живо представляла, как они меня преследуют, хватают и швыряют на землю. И я видела себя трупом, присыпанным землей под

сосной.

Я вспомнила родителей. После обеда мама придет, чтобы забрать меня из продленки, а воспитательница скажет: «Наташи сегодня вообще не было!» Мать придет в отчаяние, а я не смогу ее утешить. Мое сердце разрывалось, когда я представляла, как она там стоит, а меня нет.

Ну что же может случиться? Этим утром я ушла, не сказав ни слова прощания, не поцеловав маму. «Неизвестно, придется ли еще раз встретиться!»

* * *

Слова похитителя «они не придут!» заставили меня вздрогнуть. После этого он залез в кабину, запустил мотор и поехал прочь. В этот раз по фронтонам и крышам домов, которые я могла рассмотреть сквозь узкую щель в боковом окне, я поняла, куда он направляет машину: обратно к городу и потом по выездному автобану в направлении Гензерндорфа. «Куда мы едем?» — все же спросила я. «В Штрасхоф»,^[11] — откровенно ответил похититель.

Когда мы пересекали Зюссенбрунн, я испытала глубокую тоску. Мы миновали бывший магазин моей мамы, который она только недавно продала. Всего три недели назад по утрам она сидела здесь за письменным столом и занималась бумажными делами. Я так живо представила ее перед собой, что мне захотелось закричать, но когда мы выехали в переулок, ведущий к дому моей бабушки, из меня вырвался только слабый стон. Здесь я пережила самые счастливые моменты своего детства.

Машина заехала в какой-то гараж и остановилась. Похититель приказал мне оставаться лежать на полу и заглушил мотор. После этого вылез из машины, принес синее одеяло, накинул его на меня и крепко запеленал меня в него. Я еле могла дышать, вокруг царила абсолютная темнота. Когда он поднял меня с пола, как упакованную посылку, и вытащил из машины, на меня напала паника. Мне нужно выбраться из одеяла. Я хочу в туалет.

Когда я попросила его поставить меня на пол и отвести в туалет, то не узнала собственный голос — под толстой тканью он был глухим и чужим. Преступник немного помешкал, после чего все же развернул одеяло и повел меня по коридору к маленькому гостевому туалету. Из коридора мне удалось бросить короткий взгляд в прилегающие к нему комнаты. Обстановка выглядела благородно и дорого — еще одно подтверждение того, что я стала

жертвой преступления: во всех криминальных фильмах, которые я видела, у уголовников всегда были большие дома с шикарной обстановкой.

Похититель остался ждать у дверей туалета. Я быстро повернула ключ и вздохнула с облегчением. Но моя радость продлилась всего несколько секунд — в помещении не было окон, я попала в западню. Единственный путь на свободу вел через эту дверь, за которой я не могла прятаться вечно. Тем более что похитителю ничего не стоило ее выбить.

Когда я через несколько минут вышла из туалета, похититель опять закутал меня в одеяло: темнота, спертый воздух. Он поднял меня, и я почувствовала, что меня несут по многочисленным ступеням вниз — в подвал? Спустившись, он положил меня на пол, протащил немного вперед, потянув за одеяло, и снова взвалив на плечи, двинулся дальше. Пока он опустил меня на землю, прошла целая вечность. Потом я услышала удаляющиеся шаги.

Затаив дыхание, я прислушалась. Ни звука. Абсолютно ничего не слышно. Все равно я не сразу решилась осторожно выбраться из одеяла. Вокруг меня царила беспросветная тьма. Пахло пылью, затхлый воздух был на удивление теплым. Под собой я почувствовала холодный голый пол. Я свернулась калачиком и начала тихо скулить. Собственный голос в этой тишине прозвучал так странно, что я испуганно замолчала.

Сколько времени я пролежала так, я не знаю. Сначала я еще пыталась считать секунды и минуты. «Двадцать одна, двадцать две...» — бормотала я, стараясь выдержать паузу длиной в секунду. Загибая пальцы, я фиксировала минуты, но сбивалась снова и снова, чего не могла себе позволить, особенно сейчас. Я должна сконцентрироваться, запомнить каждую деталь! Но очень быстро я потеряла счет времени. Темнота накрыла меня черной пеленой, запах вызывал тошноту. Похититель вернулся и вкрутил принесенную с собой лампочку в патрон в стене. Яркий свет, вспыхнувший внезапно, ослепил меня, но не принес облегчения: теперь я видела, где нахожусь. В комнате, обитой деревом, маленькой и пустой, с прибитым к стене крючками голым топчаном. В углу торчал унитаз без крышки, а на стене висел двойной умывальник из нержавеющей стали.

И это логово преступной банды? Секс-клуб? Покрытые светлым деревом стены скорее напоминали сауну и породили у меня цепочку мыслей: сауна в подвале — растлитель детей — преступник. Я увидела толстых потеющих мужчин, обступающих меня в этой узкой комнате. В моем детском представлении сауна в подвале была местом, куда заманивают жертв, чтобы там

изнасиловать. Но тут не было ни печки, ни лохани, обычно находящихся в сауне.

Похититель велел мне встать, отойти на небольшое расстояние и не трогаться с места. После этого начал разбирать деревянный топчан и вытаскивать крюки из стены, к которой он был прикреплен. При этом уговаривал меня голосом, которым люди обычно разговаривают с животными — успокаивающим и мягким. Я не должна бояться, все будет хорошо, если я буду делать то, что мне приказано. Иногда он окидывал меня гордым взглядом. Так хозяин смотрит на свою кошку или ребенок на новую игрушку. Взглядом, полным предвкушения и одновременно растерянности — что же я с этим могу сотворить?

Через некоторое время моя паника начала потихоньку спадать, и я решилась с ним заговорить. Я умоляла его отпустить меня: «Я никому ничего не расскажу. Если ты меня сейчаспустишь, никто ничего не заметит. Я просто скажу, что сбежала. Если ты не оставишь меня на ночь, ничего не случится». Я пыталась ему втолковать, что он допускает большую ошибку, что меня уже ищут и, конечно же, найдут. Я призывала к его чувству ответственности, умоляла о сочувствии. Но все было напрасно. Он безоговорочно дал мне понять, что эту ночь я проведу в заточении.

Представь я тогда, что эта комната станет моим прибежищем и одновременно тюрьмой на целых 3096 ночей, не знаю, как бы я себя повела. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что одно только сознание того, что я должна эту первую ночь провести в подвале, запустило механизм, несущий, с одной стороны, спасение, а с другой — угрозу. Все то, что до сих пор казалось невероятным, теперь стало реальностью: я была заперта в подвале злодея, откуда, по крайней мере сегодня, я не смогу вырваться. По моему миру прошел толчок, слегка сдвинувший реальность. Я понимала, что произошло, но вместо того чтобы впасть в отчаяние или восстать против сложившейся ситуации, я покорила неизбежности. Взрослый человек понимает, что он теряет частицу себя, вынужденный смириться с ситуацией, казавшейся до этого выше любого понимания. Земля, на которой он крепко стоял и ощущал себя личностью, вдруг уходит у него из-под ног. И все-таки это единственно правильная реакция на подобную ситуацию — смириться и приспособиться к ней. Она оставляет шанс выжить. Ребенок в подобном случае действует интуитивно. Я была напугана, я не пыталась защищаться, а начала устраиваться — пока хотя бы на одну ночь.

Мне до сих пор трудно понять, как вместо паники во мне сработал определенный прагматизм. Как я сумела понять, что

мои мольбы ничего не дадут и все дальнейшие слова отскочат от этого чужого мужчины, как от стенки? Как я смогла инстинктивно почувствовать, что должна смириться с ситуацией, дабы выдержать эту бесконечную ночь в подвале?

Закончив с демонтажом нары, Похититель спросил меня, в чем я нуждаюсь. Абсурдная ситуация, как будто я решила провести ночь в отеле, но забыла свои туалетные принадлежности. «Расческу, зубную щетку, зубную пасту и чашку для полоскания. Стаканчика от йогурта будет достаточно». У меня получалось. Он объяснил мне, что должен съездить в Вену и забрать для меня матрас из своей квартиры.

«Это твой дом?» — спросила я, но не получила ответа.

«Почему ты не поселишь меня в своей венской квартире?»

Он объяснил, что это слишком опасно — тонкие стены, внимательные соседи, я могу закричать.

Я поклялась не издать ни звука, если только он отвезет меня в Вену. Но это не помогло.

В тот момент, когда он, пятясь, покинул комнату и запер дверь, моя стратегия выживания дала сбой. Я все бы отдала, чтобы он не уходил или взял меня с собой — все, только бы не оставаться одной.

* * *

Я сидела на корточках на полу, руки и ноги непривычно занемели, язык прилипал к небу. Мои мысли крутились вокруг школы, как будто я искала временную структуру, которая могла бы мне вернуть точку опоры, давно потерянную. Какой сейчас идет урок? Закончилась ли уже большая перемена? Когда заметили, что меня нет? И когда они поймут, что я больше не приду? Сообщат ли об этом моим родителям? И как те будут реагировать?

При мысли о родителях из моих глаз полились слезы. Но я же должна оставаться сильной, не терять контроль над собой. Индейцы не знают боли, и вообще, завтра наверняка все это будет позади. Родители, пережив шок от моего исчезновения, снова сойдутся и окружают меня любовью. Я видела их сидящими за обеденным столом, как они гордо и любовно расспрашивают меня, как смогла я вынести все это. Я представила свой первый день в школе. Будут ли меня высмеивать? Или, может, рассматривать как чудо, дивясь тому, что я вырвалась на свободу, в то время как другие, с которыми случилось подобное, были найдены мертвыми в пруду или в лесу. Я рисовала картины,

какое чувство триумфа и одновременно смущения испытаю, когда все обступят меня и начнут свои бесконечные расспросы: «Тебя освободила полиция?» Найдет ли меня полиция вообще? Как она меня найдет? «Как тебе удалось сбежать?» «Откуда у тебя взялось мужество на побег?» Есть ли у меня вообще мужество на побег?

Во мне снова проснулась паника: я понятия не имела, как выбраться отсюда. В фильмах преступники всегда оказывались побежденными. Но как? Может, мне даже придется его убить? Я читала в газете, что удар ножом в печень — смертельный. Но где находится печень? Смогу ли я попасть точно? И где я возьму нож? Способна ли я вообще на такое — убить человека — я, маленькая девочка? Мне нужно спросить совета у Бога. Можно ли в моей ситуации убить человека, если нет другого выхода? Не убий. Я пыталась вспомнить, обсуждали ли мы эту заповедь на уроке религии, и есть ли в Библии исключения. Но не вспомнила ни одного.

Глухой звук вывел меня из задумчивости. Похититель вернулся.

Он принес тонкий, около восьми сантиметров, поролоновый матрас и бросил его на пол. Тот выглядел как будто был взят из солдатской казармы или снят с садового лежака. Стоило мне на него сесть, как весь воздух вышел из тонкой подстилки, и я почувствовала под собой только жесткость пола. Похититель принес все, о чем я просила. Даже печенье. Песочное печенье с толстым слоем шоколада на нем. Мое любимое, которое мне запрещалось есть, так как я была слишком толстой. Меня захлестнула волна безграничной тоски и воспоминаний о нескольких унижительных моментах.

Взгляд, брошенный на меня со словами: «Ну уж это ты есть не будешь, ты и так слишком пухленькая». Стыд, когда мою руку удерживали, в то время, как другие дети брали печенье. И счастье, когда шоколад медленно таял во рту.

Когда Похититель раскрыл пачку, мои руки начали дрожать. Я очень хотела съесть печенье, но от страха и нервного возбуждения во рту совсем пересохло. Я понимала, что не смогу проглотить ни кусочка. Похититель держал упаковку перед моим носом до тех пор, пока я все же не вытащила одну печенюшку и не раскрошила ее на маленькие кусочки. При этом отлетели крошки шоколада, которые я сразу запихала в рот. Больше я съесть не смогла.

Через пару минут Похититель отвернулся и двинулся к моей школьной сумке, лежащей на полу в углу комнаты. Когда он поднял ее и собрался уходить, я начала умолять его оставить мне сумку — страх потерять единственную личную вещь в этой

пугающе-чуждой среде выбил последнюю почву из-под моих ног. На его лице отразились смешанные чувства: «А вдруг у тебя там спрятан передатчик, чтобы позвать на помощь?» — промолвил он. «Ты специально морочишь мне голову и притворяешься наивной! Ты гораздо хитрее, чем хочешь это показать!»

Неожиданная смена настроения напугала меня. Что я сделала не так? И что за передатчик может быть в моей сумке, в которой нет ничего, кроме пары книг, карандашей и бутербродов? Тогда я еще не научилась правильно реагировать на его странное поведение. Сейчас я понимаю, что эти слова были первым признаком его психического заболевания и паранойи. В то время еще не было никаких радиоприемников, которые можно было бы дать детям с собой, чтобы определять их местонахождение. Да и сейчас, когда такие возможности появились, это все еще является большой редкостью. Но тогда, в 1998 году, Похитителю представлялось реальной опасностью, что я прячу в своей сумке такое фантастическое средство связи. Настолько реальной, что его больное воображение сковывал страх перед маленьким ребенком, который может разрушить мир, существующий только в его голове.

Его поведение менялось с быстротой молнии: в какой-то момент казалось, что он хочет сделать мое заключение в своем подвале наиболее приятным. Но через секунду он уже видел во мне, маленькой беззащитной девочке, у которой не было ни оружия, ни тем более рации, — врага, угрожающего его жизни. Я стала жертвой сумасшедшего и пешкой в игре его больного воображения. Но тогда я этого не знала. Я не разбиралась в психических заболеваниях — маниях, бредовых состояниях, создающих в больных людях новую реальность. Я относилась к нему как к обычному взрослому человеку, чьи мысли и мотивы я, ребенок, не могла разгадать.

Просьбы и мольбы не помогли. Похититель взял мой рюкзак и направился к двери. Она отворялась внутрь моего застенка, и с этой стороны свободно болталась только круглая ручка, которую можно было вытащить из дерева без особого усилия, стоило только потянуть за нее.

Когда дверь за ним захлопнулась и щелкнул замок, я заплакала. Я была совершенно одна, заперта в голом помещении где-то под землей. Без моего рюкзака, без моих бутербродов, которые мама всего несколько часов назад сделала для меня. Без моих салфеток, в которые они были завернуты. Было ощущение, что я утратила часть себя, что разорвана моя связь с мамой и прошлой жизнью. Я свернулась калачиком на матрасе в углу комнаты и продолжала плакать. Казалось, деревянные стены

надвигаются ближе и ближе, а потолок вот-вот обрушится на меня. Я часто и коротко дышала, мне не хватало воздуха, страх охватывал меня все больше. Это было кошмарное чувство.

Став взрослой, я часто думала о том, как смогла пережить этот момент. Ситуация была такой ужасной, что уже в начале моего плена я могла сломаться. Но человеческий разум способен на невозможное — он приводит в действие чувство самосохранения, чтобы не капитулировать в ситуации, не поддающейся никакой логике.

Теперь я вспоминаю, какие внутренние перемены произошли со мной. Разум десятилетней девочки вернулся на уровень четырех- или пятилетнего ребенка. Ребенка, принимающего мир таким, каков он есть; где точкой опоры является не логическое восприятие реальности, а маленькие ритуалы детских буден, необходимые для ощущения нормальности. Необходимые, чтобы не сломаться. Моя ситуация настолько вышла за рамки нормальности, доступной пониманию, что я неосознанно вернулась на этот уровень: я чувствовала себя маленькой, зависимой и свободной от ответственности. Этот человек, заперший меня здесь, внизу, был единственным взрослым, а значит, единственным авторитетом, знающим, как поступать. Нужно просто следовать его указаниям, и все будет в порядке. Тогда все пойдет как всегда: вечерний ритуал — рука мамы на одеяле, ее поцелуй перед сном, легкие удаляющиеся шаги и мягкий свет ночника, заботливо оставленного родным человеком.

Интуитивное возвращение к поведению маленького ребенка стало вторым важным изменением во мне, произошедшим в тот первый день заточения. Это была отчаянная попытка создать в этой безвыходной ситуации свой крошечный островок доверия. Когда Похититель еще раз вернулся в подвал, я попросила его остаться со мной, помочь мне устроиться на ночь и рассказать сказку. Я даже была не против поцелуя перед сном, как это делала мама, прежде чем тихо закрыть за собой дверь моей детской. Все, что угодно, лишь бы сохранить иллюзию нормальности. И он подыграл мне. Из школьной сумки, спрятанной где-то в помещении, он достал книжку со сказками и рассказами, уложил меня на матрас, накрыл тонким одеялом и сел на пол. После чего начал читать: «Принцесса на горошине. Часть 2». Сначала он без конца запинаясь, выглядел смущенным, тихим голосом рассказывая о принцах и принцессах. Напоследок поцеловал меня в лоб. На секунду я почувствовала себя лежащей в собственной мягкой постельке в моей безопасной детской. Он даже оставил гореть свет.

Как только дверь захлопнулась, мираж исчез, как лопнувший

мыльный пузырь.

В эту ночь я не сомкнула глаз. Я крутилась с боку на бок в платье, которое не захотела снимать на ночь. Это нелепое платье было последним, что осталось мне от прошлой жизни.

НАПРАСНАЯ НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ

Первые недели в заточении

«Австрийские органы власти заняты поисками исчезнувшей девочки, 10-летней Наташи Кампуш. В последний раз ребенка видели 2 марта. Ее след был потерян по дороге в школу. Предположительно девочку, одетую в красную куртку, затащили в белую машину».

«Дело номер ХУ не раскрыто», 27 марта 1998 г.

Я уже давно слышала Похитителя, прежде чем увидела его в моем застенке на следующий день. Тогда я еще не знала, насколько хорошо защищен вход в подвал, но по медленно приближающимся звукам могла понять, что ему требуется много времени, чтобы в него попасть.

В тот момент, когда он вошел в пятиметровое помещение, я стояла в углу, не отрывая глаз от двери. В этот раз он показался мне еще моложе, чем в день похищения: тщедушный мужчина с юношескими чертами лица, каштановые волосы, разделенные аккуратным пробором — прямо образцовый ученик из пригородной гимназии. Мягкое выражение лица на первый взгляд не предвещало ничего плохого. Но приглядевшись повнимательнее, можно было заметить легкий налет ненормальности, скрытый за невинным и приличным фасадом, по которому немного позже пойдут глубокие трещины.

Я сразу же накинулась на него с вопросами: «Когда ты меня отпустишь?», «Зачем ты меня здесь держишь?», «Что ты сделаешь со мной?» Он отвечал односложно и внимательно наблюдал за каждым моим движением. Так не выпускают из поля зрения пойманное животное: он ни разу не повернулся ко мне спиной, а я не должна была приближаться к нему ближе чем на метр.

Я попыталась ему угрожать: «Если ты меня сейчас же не отпустишь, получишь огромные неприятности! Полиция уже давно меня ищет, обязательно найдет и скоро будет тут! Тогда тебя отправят в тюрьму! Ты же этого не хочешь?», «Отпусти меня, и все будет в порядке», «Пожалуйста, ну ты же меня отпустишь?»

Он пообещал, что вскоре выпустит меня. И посчитав, что ответил на все мои вопросы, повернулся к двери, вышел и запер дверь снаружи. Я напряженно прислушивалась в надежде, что он передумает и вернется. Ничего не произошло. Я была полностью

отрезана от внешнего мира. Сюда не проникало ни звука. Сквозь щели стенных панелей не пробивалось ни лучика света. Воздух был спертый, и как бы покрывал меня липкой пленкой, которую невозможно с себя содрать. Единственным звуком был шум вентилятора, гнавшего воздух по трубе на крыше через гараж в мою тюрьму. Это было истинной пыткой: день и ночь крошечное пространство заполняло непрерывное жужжание, со временем становящееся невыносимым и резким, и я зажимала уши руками, чтобы избавиться от него. Когда вентилятор перегревался, то начинал издавать вонь, а лопасти деформировались. Зудящий звук становился медленнее, а к нему присоединялось: «Цок. Цок. Цок». А между ними снова жужжание. Были дни, когда этот мучительный звук заполнял не только все углы комнаты, но и каждую клеточку моего мозга.

В первые дни Похититель оставлял гореть свет круглые сутки. Я сама попросила его об этом, так как боялась одиночества в кромешной тьме, в которую погружался подвал, как только он выкручивал лампочку. Но постоянное яркое освещение было ненамного лучше. От него болели глаза, и я впала в искусственное состояние бодрствования, из которого больше не выходила: даже когда я накидывала на голову одеяло, чтобы приглушить свет, мой сон был беспокойным и поверхностным. Страх и слепящий свет позволяли мне находиться только в состоянии легкой дремы, каждый раз пробуждаясь от которой, я думала, что сейчас стоит светлый день. Но в искусственном освещении герметично запертого подвала не было никакой разницы между днем и ночью. Теперь я знаю, что изводить заключенных постоянно горящим электрическим светом — одна из пыток, применяемых раньше, а в некоторых странах актуальных и по сей день. При экстремальном и длительном освещении растения вянут, а животные погибают. Для людей же это подлое истязание более действенно, чем физическое насилие: при сильном нарушении биоритмов и структуры сна истощенное тело как будто парализует, а мозг уже через несколько дней не может нормально функционировать. Точно таким же жестоким и эффективным является метод обработки постоянными шумами, от которых нельзя избавиться. Как звук постоянно жужжащего и кокающего вентилятора.

Я чувствовала себя заживо замурованной в подземном сейфе. Моя камера была не совсем прямоугольной формы, где-то 2.70 метра в длину, 1.80 метра в ширину и около 2.40 метра в высоту. Одиннадцать с половиной кубических метров застоявшегося воздуха. Неполные пять квадратных метров пола, по которому я металась как тигр в клетке — туда-сюда, от одной стены к другой.

Шесть маленьких шажков туда и шесть шагов обратно определяли длину. Четыре шага туда и четыре обратно — ширину. Двадцатью шагами я могла измерить всю темницу по периметру. Ходьба только на время заглушала мою панику. Стоило мне остановиться, а звук моих шагов по полу замирал, она сразу возвращалась. Меня тошнило, я боялась сойти с ума. Ну что же может случиться? Двадцать один, двадцать два... шестьдесят. Шесть вперед, четыре влево. Четыре вправо, шесть назад. Чувство безнадежности все больше охватывало меня. В то же время я понимала, что не имею права позволить страху себя сломить, что я должна что-то делать. Я брала бутылки из-под минеральной воды, в которых Похититель приносил мне свежую питьевую воду, и колотила ими изо всех сил по обшивке стен. Сначала ритмично и энергично, пока не отказывали руки. Потом это была уже только дробь отчаяния, в которую вплетались мои крики о помощи. До тех пор, пока бутылка не выпадала из рук.

Никто не приходил. Никто меня не слышал, скорее всего даже сам Похититель. Обессиленная, я падала на матрас и каталась по нему, как маленький зверек. Мои крики переходили в тихие всхлипывания. Слезы хотя бы на короткое время немного облегчали мое отчаяние и успокаивали меня. Это напоминало мне мое детство, когда я плакала из-за малейшей ерунды и сразу же забывала причину своих слез.

* * *

Накануне вечером моя мать обратилась в полицию. Когда я не появилась дома в обычное время, она сначала позвонила в продленку, а потом в школу. Никто не мог объяснить ей мое исчезновение. На следующий день полиция начала мои поиски. Из старых газет я знаю, что сотня полицейских с собаками обыскивала местность вокруг моей школы и дома. Но не нашлось ни одной зацепки, чтобы ограничить радиус поисков. Прочесывались все задние дворы, боковые улочки и скверы, а также и берег Дуная. К поискам были привлечены вертолеты, во всех школах вывешены плакаты. Каждый час поступали сведения от людей, которые якобы видели меня в различных местах. Но ни одно из этих свидетельств не привело ко мне.

В первые дни моего заточения я постоянно пыталась представить, что сейчас делает моя мама.

Как она повсюду ищет меня, но с каждым днем ее надежда тает все больше и больше. Мне так ее не хватало, что это чувство утраты, казалось, разорвет мою душу. Я бы все отдала за то,

чтобы она с ее силой и энергией оказалась рядом со мной. Позже, когда я ознакомилась с публикациями в средствах массовой информации, меня поразило, какой вес при интерпретации моего случая придали нашей с матерью ссоре. Как будто мой уход без прощания мог стать определяющим в наших отношениях. И хотя во время изматывающего развода родителей я чувствовала себя забытой и покинутой, каждому должно быть понятно, что в экстремальной ситуации любой ребенок почти автоматически зовет к себе маму. Я была беззащитной без мамы, отца, а сознание того, что у них нет никаких сведений обо мне, приводило меня в глубокое отчаяние.

Бывали дни, когда тревога о родителях занимала меня больше, чем собственный страх. Я часами размышляла о том, каким образом подать им весточку, что я по меньшей мере жива. Чтобы они не теряли надежду. Чтобы они не прекращали меня искать. Первое время в застенке каждый день, каждый час я ждала, что вот-вот распахнется дверь, и меня спасут. Надежда, что мне не позволят просто так исчезнуть, согревала меня в бесконечные часы в подвале. Но проходил день за днем, а никто не появлялся. Кроме Похитителя.

Задним числом кажется очевидным, что он заранее запланировал похищение: зачем тогда ему надо было годами строить застенок, открывающийся только снаружи и по размеру предназначенный как раз для того, чтобы там мог выжить один человек?

Но как я не раз убеждалась за годы заточения, Похититель все же был боязливым человеком, страдающим паранойей, убежденным в том, что в этом жестоком мире люди охотятся за ним. Поэтому вполне возможно, что эта темница была задумана как бункер, как убежище от ядерного взрыва или третьей мировой войны, а еще от всех тех, кто, как он думал, преследовал его.

Какой из этих вариантов соответствует действительности? На этот вопрос больше никто не сможет ответить. Бывший коллега Похитителя по работе Эрнст Хольцапфель допускает обе этих возможности. В протоколе зафиксированы его слова, что Похититель как-то расспрашивал его, каким образом можно установить в комнате такую шумоизоляцию, чтобы при работе перфоратора звук не разносился по всему дому. Однако в отношениях со мной Похититель вел себя не как человек, годами готовившийся к похищению ребенка и наконец осуществивший долго лелеемое желание. Напротив, создавалось впечатление, будто какой-то малознакомый человек неожиданно подбросил ему своего нежеланного отпрыска, а он понятия не имеет, что ему делать и как обходиться с этим маленьким существом и его

потребностями.

В первые дни моего заточения Похититель относился ко мне, как к малышке. Частично это устраивало и меня — ведь внутренне я опустилась на эмоциональную ступеньку ребенка дошкольного возраста. Он приносил мне любую еду, которую я просила. Я в свою очередь вела себя как в гостях у дальней родственницы, которую можно убедить в том, что шоколад — прекрасная еда. В первое же утро он спросил меня, что я хочу на завтрак. Мне захотелось фруктового чая с рогаляком. И действительно, через некоторое время он вернулся с термосом, полным чая из шиповника, и бриошем из известнейшей в округе кондитерской. Логотип на бумажном пакете подтвердил мои подозрения, что меня держат в заточении где-то в районе Штрасхофа. В другой раз я попросила соленую соломку с горчицей и медом. И этот «заказ» был сразу же исполнен. Казалось странным, что этот мужчина исполняет все мои желания после того, как отнял у меня все.

Его привычка обходиться со мной как с маленьким ребенком все же имела и свои отрицательные стороны. Он чистил для меня каждый апельсин и засовывал дольку за долькой в рот, как если бы я не могла есть сама. Когда я как-то попросила у него жвачку, он резко отказал — из страха, что я могу ею подавиться. По вечерам он разжимал мне рот и чистил зубы как трехлетнему ребенку, который сам не в состоянии держать зубную щетку. Через пару дней он грубо схватил мою руку, и, крепко держа ее, обрезал мне ногти.

Я чувствовала себя откинутой на годы назад, лишенной последних остатков человеческого достоинства, которые я еще пыталась сохранить в этой ситуации. С другой стороны я добровольно опустилась на эту ступень, чтобы обеспечить себе хоть какую-то безопасность. Потому что в первые же дни я смогла почувствовать на себе все колебания паранойи Похитителя, обращался ли он со мной как с несмышленищем, или же как с достаточно самостоятельным человеком.

Я вошла в эту роль, и когда Похититель снова пришел в подвал, чтобы передать мне еду, я делала все, чтобы он остался. Я просила. Я умоляла. Я боролась за его внимание, за то, чтобы он занимался и играл со мной. Одиночество в застенке сводило меня с ума. В результате уже через несколько дней я сидела с собственным похитителем в собственной тюрьме и играла в «Уголки», «Мельницу» и «Человек, не сердись». Эта ситуация представлялось мне, как сцена из абсурдного фильма: никто во всем мире не мог бы себе представить, чтобы жертва похищения делала все для того, чтобы поиграть с похитителем в «Человек, не

сердись». Но «весь мир» больше не был моим миром. Я была всего лишь ребенком, совсем одна, и рядом находился единственный, способный спасти от отчаянного одиночества человек — тот самый, приведший меня к этому одиночеству.

Мы с Похитителем сидели на одной циновке, кидали и тянули кубики. Я внимательно смотрела на узор игровой доски, на маленькие пестрые фигурки и внутренне пыталась «отключить» пространство вокруг нее, чтобы представить преступника старшим другом, великодушно тратящим свое время на игру с ребенком. Чем больше мне удавалось втянуться в игру, тем дальше отступала паника. Я знала, что она притаилась в углу, в постоянной готовности к прыжку. Когда я была недалеко от победы, я специально допускала ошибку, чтобы отодвинуть грозящее мне одиночество.

В эти первые дни присутствие Похитителя давало мне чувство уверенности, что самое страшное меня минует. Так как при каждом посещении он говорил о предполагаемом заказчике, которому уже в день моего похищения так отчаянно пытался дозвониться, то я, как и прежде, предполагала, что это связано с детской порнографией. Он же все время повторял рассказ о людях, которые могут прийти, чтобы меня фотографировать, ну и «делать со мной кое-что еще», что только подтверждало мою теорию. Мысли о том, что в преподносимой им истории что-то не клеится и что никакого сомнительного заказчика вообще не существует, все же иногда мелькали в моей голове. Скорее всего, он просто выдумал соучастников, чтобы еще больше запугать меня. Но я не могла этого знать наверняка, и даже если история о них была полной выдумкой, он добился своей цели — я жила в постоянном страхе, что в один момент в подвал ворвется свора злых мужчин и нападет на меня.

Картины и обрывки сообщений, выуженных мной из выпусков СМИ последних месяцев, объединялись в один, все более устрашающий сценарий. Стараясь их оттеснить, я в то же время представляла, что преступники могли бы сделать со мной. Как вообще такое можно проделать с ребенком? Какие предметы пошли бы в ход? Происходило бы все здесь, в подвале, или же они отвезли бы меня на какую-нибудь виллу, в сауну или мансарду, как в последнем случае, описанном в новостях?

Когда я была одна, то старалась расположиться так, чтобы не терять из виду дверь. По ночам я спала тревожно, как загнанный зверь — в полглаза и в постоянной боевой готовности — чтобы мужчины, которым я должна быть передана, не смогли застать меня врасплох, беззащитной и спящей. Каждую секунду я проводила в напряжении, переполненная адреналином и страхом,

от которого в этой маленькой комнате негде было укрыться. Этот ужас перед предполагаемыми «заказчиками» превращал мужчину, утверждавшего, что похитил меня по их заказу, в мою опору, заботливую и дружескую. Пока я у него, ожидаемый ужас не случится.

* * *

Через несколько дней после похищения мой застенок начал наполняться различными вещами. Сначала Похититель принес мне свежую одежду. У меня же осталось только то, что было на мне — белье, колготки из «Palmers», платье, куртка. Обувь он сжег, чтобы уничтожить возможные следы. Это были туфли на толстой платформе, подаренные мне на мое десятилетие. Когда я в тот день вошла в кухню, на столе стоял торт с десятью свечками, а рядом — коробка, завернутая в пеструю оберточную бумагу. Я набрала в легкие воздуха и задула свечи. После этого оторвала клейкую ленту и сорвала бумагу. За несколько недель до дня рождения я прожужжала матери все уши, чтобы она — пожалуйста! пожалуйста! купила мне такие же туфли, какие носят все остальные. Она категорически отказалась. Эта обувь не для детей, на такой платформе невозможно нормально ходить. И вот они стоят передо мной — балетки из черной замши с тонкими ремешками вокруг лодыжки на толстой, волнистой платформе из каучука. Это блаженство! Эти туфельки, которые сразу увеличивают меня на три сантиметра, конечно же, облегчат мне путь в самостоятельную жизнь. Последний подарок мамы. А он его сжег. Этим он не только лишил меня еще одного связующего звена с моей прошлой жизнью, но и символа уверенности в себе, которую мне должна была придать эта обувь.

И вот Похититель дал мне свой старый свитер и футболку цвета хаки, видимо, сохранившиеся еще со времен его службы в армии. Так мне стало легче переносить ночной холод, просачивающийся снаружи. Спасением от холода, охватившего мою душу, была одна из моих собственных вещей, всегда надетая на мне. Подвешенная на металлических пружинах сетка кровати, на которой я теперь спала, при каждом движении тихо скрипела. Этот звук сопровождал меня днем и ночью в течение целого полугода. Из-за того, что я сильно мерзла — в комнате вряд ли было больше 15 градусов, Похититель втащил в крошечную комнату большую, тяжелую электропечь. А еще он принес назад мои школьные вещи. Сумку, по его словам, он сжег вместе с обувью.

Первое, что пришло мне при этом в голову, отправить сообщение родителям. Я взяла карандаш и бумагу и начала писать письмо, потратив несколько часов на то, чтобы его правильно и осторожно сформулировать. И даже придумала возможность сообщить, где я нахожусь, так как знала, что спрятана где-то в Штрасхофе, в котором жили родители мужа моей сестры. Я надеялась, что одного намека на их семью будет достаточно, чтобы направить родителей и полицию на верный след.

Как доказательство того, что письмо написано именно мной, я приложила к нему фотографию из пенала. Это было фото, сделанное прошлой зимой, где я на катке, закутанная в толстую куртку. Улыбка на лице, раскрасневшиеся щеки. Моментальный снимок из далекого прошлого, из мира с веселым детским смехом, поп-музыкой, льющейся из потрескивающих динамиков, и океаном холодного свежего воздуха. Мира, в котором вечером после катка можно понежиться в горячей ванне и выпить чашку какао, сидя перед телевизором. Несколько минут я пристально всматривалась в фотографию, впитывая в себя каждую деталь, чтобы навсегда сохранить в памяти ощущение этого дня. Я же понимала, что должна бережно хранить каждое счастливое воспоминание, чтобы вернуться к нему в самые тяжелые моменты. После этого я вложила фото в письмо, из другого листа бумаги смастерила конверт и в наивной надежде стала ожидать прихода Похитителя.

Когда он наконец пришел, я постаралась сохранять спокойствие и доброжелательность. «Ты должен отправить это письмо моим родителям, чтобы они знали, что я жива!» Он открыл конверт, прочитал написанные мной строчки и отказал. Я просила и молила его не оставлять моих родителей в дальнейшем неведении, взывала к его совести — должна же она у него быть! «Ты не можешь быть таким злым человеком!» — растолковывала я ему. Как он поступил — очень плохо, но доставлять страдания моим родителям еще хуже. Я постоянно выискивала новые аргументы, зачем и почему, и заверяла его, что из-за одного письма ничего не случится. Он же сам его прочитал и знает, что я не выдала его ни единым словом. Похититель произнес долгое «не-ет», и вдруг уступил. Он уверил меня, что pošлет письмо по почте моим родителям. Это было совершенно наивно, но мне так хотелось в это верить. Я легла на свой «садовый» матрас и грезилa, как родители открывают письмо, как находят мою скрытую наводку и освобождают меня. Терпения, еще немного терпения, и кошмар останется позади.

На следующий день мои фантастические ожидания

развалились как карточный домик. Похититель пришел в подвал, показал мне раненый палец и рассказал, что «кто-то» во время ссоры вырвал у него письмо, и он поранился, пытаясь его отнять. Он дал понять, что речь шла о «заказчиках», которые не хотели допустить мой контакт с родителями. Таким образом, фиктивные злодеи из порно-банды приобрели угрожающую реальность. И в то же время мой похититель выступал в роли защитника, ведь он же действительно хотел выполнить мое желание и даже пострадал за это. Теперь я знаю, что он и не собирался отправлять письмо, а просто сжег его, как и все остальные вещи, отобранные у меня. Но тогда я хотела ему верить.

* * *

В течение первых недель Похититель делал все, чтобы ничем не разрушить образ мнимого защитника. Он даже выполнил мою большую просьбу — принес и установил компьютер. Это был старый Commodore C64 с маленьким объемом памяти. А к нему — несколько дискет с играми, которыми я могла отвлечься. Самой любимой была игра «Mampf-Spiel»: нужно было провести маленького человечка через подземный лабиринт, избегая встречи с монстрами и собирая премиальные бонусы — несколько измененная версия «Распап». Я проводила время за игрой, часами пожирая пункты. Иногда, когда Похититель находился здесь, мы вместе играли на разделенном мониторе друг против друга. Тогда он часто позволял мне, ребенку, выигрывать. Сегодня я вижу в этой игре аналогию с моей собственной ситуацией в подвале, куда в любое время могли ворваться монстры, встречи с которыми нужно было избежать. Мои пункты, как и сам компьютер, были призом за примерное поведение.

Когда мне надоедало играть в «Mampf», я переходила к игре «Space-Pilot», где нужно было лететь в космосе и обстреливать чужие космические корабли. Третьей на моем C64 была стратегическая игра с названием «Кайзер»: в ней нужно было управлять страной и выступать войной против других, чтобы стать кайзером. Эту игру Похититель любил больше всего. С воодушевлением он посылал народы на войну, заставляя их голодать или рабски работать до тех пор, пока это служило укреплению его власти и не грозило сокращением его рати.

Пока что это происходило в виртуальном мире.

Однако вскоре все изменилось, и мой похититель показал свое другое лицо.

«Если ты не сделаешь, как я сказал, я оставлю тебя без света».

«Если ты не будешь послушной, мне придется тебя связать».

Но ведь в этой ситуации я не имела ни малейшего шанса «быть непослушной», и не понимала, что он имеет в виду. Порой, чтобы вывести его из себя, хватало одного резкого движения. Или же, если он требовал, чтобы я неподвижно смотрела в землю, а я осмеливалась поднять глаза, что не укладывалось в его представление о моем «правильном поведении» и усугубляло его паранойю. В таких случаях он осыпал меня бранью и обвинял в том, что я вожу его за нос, играю роль. Эти срывы были следствием его подозрительности — нет ли у меня все же какой-то возможности связаться с внешним миром. Ему не нравилось, когда я настаивала на своей точке зрения, что он поступает со мной несправедливо. Ему хотелось слышать признательность, когда он что-то приносил. Похвалу за усилия, которые он должен был ради меня прилагать, как в случае, когда он притащил тяжелую печку в мой застенок. Все чаще он начал требовать от меня проявления благодарности, а я, как могла, пыталась ему в этом отказать: «Я тут только потому, что ты меня запер». В душе же я, естественно, могла только радоваться, когда он приносил мне еду или другие необходимые предметы.

Сейчас, став взрослой, я удивляюсь, что мой страх и приступы паники, собственно, не были связаны с личностью Похитителя. Может быть, такое отношение объяснялось его неприметной внешностью, неуверенностью в себе или же той стратегией, которую он разработал в этой невыносимой ситуации с целью внушить мне, что только он, единственный и незаменимый, может обеспечить мою безопасность. Больше всего меня страшила сама темница под землей, глухие стены и запертые двери, а также иллюзорные «заказчики». Временами казалось, будто мой Похититель только играет роль преступника, случайно оказавшись участником этого спектакля. В моей детской фантазии я представляла, что он как-то раз просто решил стать преступником и совершить что-нибудь злое. Я никогда не сомневалась, что его поступок был преступлением, подлежащим наказанию, но четко отделяла его от человека, совершившего его. Абсолютно точно, злодей — была только роль.

«С этого момента ты должна будешь готовить для себя сама». Как-то утром в первую неделю моего заточения Похититель принес в подвал тумбочку из темной плотной фанеры. Он пододвинул ее к стене, установил на ней плитку и маленькую духовку и подключил их к электричеству. После этого снова исчез. Вернулся с кастрюлей из нержавеющей стали и полным пакетом с продуктами быстрого приготовления: банками с фасолью и гуляшом, упакованными в пестрые картонные коробки

белыми пластиковыми мисочками, которые разогреваются на паровой бане. После этого объяснил, как пользоваться плиткой.

Я была рада вернуть себе хоть маленькую часть самостоятельности. Но как только я вывалила фасоль из банки в маленькую кастрюльку и поставила ее на плитку, то растерялась, не зная, какую температуру надо установить и через какое время еда будет готова. Я еще никогда ничего не готовила, и это показалось мне непосильным трудом. А еще мне не хватало мамы.

Оглядываясь назад, я не могу понять, почему Похититель доверил мне, десятилетней, приготовление пищи, хотя сам же видел во мне маленького беспомощного ребенка. Но с тех пор я сама разогревала для себя обед. Похититель приходил в мой застенок каждое утро, а второй раз после обеда или вечером. На завтрак он всегда приносил мне чашку чая или какао, кусок пирога или миску мюсли. В зависимости от того, когда у него было время — в обед или к ужину, он приносил салат из помидоров и бутерброды с колбасой, а иногда горячую пищу, которую делил со мной. Это были макароны с мясом и соусом, рис с мясом — австрийская домашняя еда, приготовленная его матерью. Тогда я не имела понятия, откуда это берется и чем он вообще живет. Есть ли у него семья, знающая обо мне, с которой он проводит уютные вечера в гостиной, в то время как я лежу на своем тонком матрасе в подвале? Или же в доме живут «заказчики», которые посылают его ко мне вниз, чтобы обеспечить всем необходимым? И он действительно заботился о том, чтобы я питалась здоровой пищей, постоянно снабжая меня молочными продуктами и фруктами.

Как-то раз Похититель принес парочку порезанных на четвертинки лимонов, и в моей голове зародилась идея. Это был детский и наивный план, но в тот момент он показался мне гениальным: я хотела притвориться больной, что заставило бы Похитителя отвести меня к врачу. От бабушки и ее подруг я часто слышала историю о времени русской оккупации восточной Австрии, как женщины избегали насилия и вывоза, встречавшихся тогда сплошь и рядом. Один из трюков — измазать лицо красным вареньем, чтобы это выглядело как заразная кожная болезнь. Другой же был связан с лимонами.

Когда я осталась одна, то срезала своей линейкой тонюсенькую полосочку лимонной мякоти и, смешав ее с кремом, тщательно приклеила себе на руку. Это выглядело отвратительно — как будто у меня действительно гнойное воспаление. Когда Похититель вернулся, я протянула к нему руку, изображая сильную боль. Я хныкала и умоляла его обязательно показать

меня врачу. Он пристально посмотрел на меня и одним движением содрал лимонную корку с моей руки.

В этот день он оставил меня без света. Лежа в темноте, я ломала голову над другими возможностями все-таки заставить его меня отпустить. Но так ни до чего и не додумалась.

* * *

У меня оставалась единственная надежда — на полицию. Тогда я еще твердо верила в свое освобождение и надеялась, что оно произойдет до того, как Похититель передаст меня своим ужасным поделщикам или найдет кого-то другого, знающего, как поступить с похищенной девочкой. Каждый день я ожидала, что в мой подвал, выломав стены, ворвутся мужчины в униформе. На самом деле в реальном мире основные массированные поиски прекратились еще в четверг, всего лишь через три дня после моего исчезновения. Прочесывание местности не дало положительного результата, и теперь полиция опрашивала людей из моего окружения. Только в СМИ еще ежедневно публиковались обращения, помещалась моя фотография и описание внешности: «Девочка около 145 см, 45 кг, крепкого телосложения. Имеет гладкие русые волосы с челкой и голубые глаза. В момент исчезновения десятилетняя девочка была одета в красную лыжную куртку с капюшоном, платье из голубой джинсовой ткани с рукавами в серо-белую клеточку, светло-голубые колготки и черные замшевые туфли 34-го размера. Наташа Кампуш носит очки в овальной оправе из светло-голубого пластика с желтой носовой дужкой. По словам исполнительных органов она слегка косит. У ребенка был с собой синий синтетический рюкзак с желтым верхом и бирюзового цвета ручкой».

Из актов полиции я знаю, что в течение четырех дней поступило более 130 свидетельских показаний. Меня видели в супермаркете Вены вместе с матерью, одну на автостоянке у автобана, один раз в Вельсе и целых три раза в Тироле. В течение нескольких дней полиция разыскивала меня в Кицбюле. Группа сотрудников полиции отправилась в Венгрию, где кто-то якобы видел меня в Шопроне. Маленькая венгерская деревенька, где я провела предпоследние выходные на даче с моим отцом, систематически прочесывалась здешней полицией. Кто-то из бдительных соседей выдвинул версию, что за домом моего отца наблюдают — предположительно, я после выходных не отдала свой паспорт родителям и могла сбежать сюда. Некий мужчина

позвонил в полицию и потребовал за меня выкуп в миллион шиллингов. Мошенник и обманщик, один из многих, последовавших за ним.

Через шесть дней после похищения, руководитель расследования поделился со СМИ: «Как в Австрии, так и в Венгрии полицейские с розыскными листовками ищут Наташу и не собираются сдаваться. Но надежды, что ребенка найдут живым, к сожалению, почти не осталось». Ни одно из показаний свидетелей не навело на горячий след.

При этом полиция не последовала единственным показаниям, действительно выводящим на меня: уже во вторник, следующий после моего похищения день, позвонила двенадцатилетняя девочка и рассказала, что видела, как на Мелангассе в белый автофургон с затемненными стеклами посадили ребенка. Но сначала полиция не приняла эту информацию всерьез.

В своем застенке я ничего не знала о том, что снаружи уже смирились с мыслью о моей смерти. Я была абсолютно убеждена, что большие розыскные мероприятия идут полным ходом. Лежа на своем тоненьком матрасе и уставившись на голую лампочку, торчащую из-под белого потолка, я представляла, как полиция беседует с каждым из моих одноклассников, и проигрывала в мыслях любой возможный ответ. Я видела перед собой воспитательниц из продленки, как они снова и снова описывают, когда и где видели меня в последний раз. Я размышляла, кто из множества соседей в Реннбанзидлунге мог наблюдать за мной, когда я выходила из дома. Кто-то мог увидеть момент похищения и белый автофургон на Мелангассе.

Я упорно продолжала надеяться, что Похититель все же потребует выкуп и после передачи денег выпустит меня на свободу. Каждый раз, разогревая еду на плитке, я осторожно вырывала из упаковки кусочки картона с фотографиями блюд и прятала их в карман платья. Из фильмов я знала, что для получения выкупа преступник иногда должен предъявить доказательства того, что его жертва еще жива, чтобы получить выкуп. Я же была к этому готова: картинки являлись подтверждением того, что я ежедневно получаю еду. Для меня же они служили доказательством, что я еще существую.

На всякий случай от рабочей поверхности плиты, где я готовила, я отколола маленький кусочек фанеры, который тоже спрятала в карман. Теперь-то точно все пойдет как надо. Я представляла, как Похититель после получения выкупа вывозит меня в незнакомое место и оставляет там одну. Только после этого он сообщит моим родителям, где я, и они заберут меня оттуда. Мы оповестим полицию, и я передам им кусочек фанеры.

Тогда им останется только обыскать все гаражи в Штрасхофе на наличие подвальных застенков. Последним доказательством станет рабочая доска с отколотым от нее кусочком.

Я сохраняла в памяти каждую малейшую деталь облика Похитителя, чтобы после освобождения суметь его описать. При этом в основном фокусировала внимание на его внешности, которая в общем-то ничего о нем не говорила. При своих посещениях застенка он носил старые футболки и спортивные штаны «Adidas» — одежду, удобную для того, чтобы протиснуться сквозь узкий проход, ведущий к моей темнице.

Сколько ему было лет? Если сравнивать с членами моей семьи, то моложе моей матери, но старше сестер, которым тогда уже было за тридцать. Хотя он выглядел очень молодо, я как-то ляпнула с бухты-барахты: «Тебе 35». О том, что я попала в точку, я узнала несколько позже.

Но я все-таки я выведала его имя — чтобы сразу же его забыть. «Смотри, так меня зовут!» — сказал он как-то, устав от моих бесконечных вопросов, и быстро сунул мне под нос визитную карточку. «Вольфганг Приклопил» — стояло на ней. «Разумеется, это не мое имя!» — добавил он сразу и засмеялся. Я поверила. Чтобы опасный преступник носил такое банальное имя, как Вольфганг, казалось совершенно неправдоподобным. Фамилию расшифровать было не так просто — она была сложной и трудно запоминающейся для ребенка. «А может быть, меня зовут Хольдапфель», — кинул он напоследок, закрывая за собой дверь. Тогда это имя мне ничего не сказало, но сегодня я знаю, что Эрнст Хольцапфель был чуть ли не лучшим другом Вольфганга Приклопила.

* * *

Чем ближе приближалось 25 марта, тем больше я нервничала. С первого дня моего похищения я ежедневно спрашивала Приклопила о дате и времени, чтобы окончательно не потерять ориентацию. В моей жизни не существовало дня и ночи, и хотя снаружи начиналась весна, я дрожала от холода, как только отключала отопление. Как-то утром Похититель ответил: «Понедельник, 23 марта». Уже три недели у меня не было ни малейшего соприкосновения с внешним миром. А через два дня моя мама будет праздновать день рождения.

Эта дата приобрела для меня высокий символический смысл: если я пропущу ее и не смогу поздравить мать с днем рождения, то мое заточение превратится из временного кошмара в

бесконечную ужасную реальность. До этого я пропустила всего лишь несколько дней в школе. Но нельзя позволить себе отсутствовать дома в такой важный семейный праздник! «Это был тот день рождения, на котором не было Наташи», — слышала я голос матери из будущего, рассказывающий это своим внукам. Или еще хуже: «Это был первый день рождения, на котором не было Наташи».

Меня страшно мучило, что я ушла из дома после ссоры с камнем за пазухой и теперь не могла даже поздравить ее с днем рождения и сказать, что я вовсе этого не хотела и что очень ее люблю. Мне хотелось немного растянуть время, и я лихорадочно пыталась придумать, как же послать ей сообщение. Вдруг в этот раз получится. Не так, как с письмом. Я откажусь от малейших скрытых намеков на мое местонахождение. Только дать знать, что я жива — это все, чего я хотела.

Во время следующей совместной трапезы я так долго уговаривала Похитителя, пока он не согласился на завтра принести мне кассетный магнитофон. Я могла записать сообщение для моей мамы!

Я собрала все свои силы, чтобы мой голос на кассете звучал как можно беззаботнее: «Дорогая мама, у меня все хорошо. Не беспокойся обо мне. Поздравляю с днем рождения. Я очень по тебе скучаю». Несколько раз приходилось начинать сначала, так как по моим щекам текли слезы, а я не хотела, чтобы мама слышала мои всхлипывания.

Когда я закончила, Приклопил взял пленку и заверил меня, что позвонит матери и проиграет ее. Ничего в мире я больше так не хотела, как верить ему. Для меня было огромным облегчением, что моей матери больше не придется так безумно обо мне беспокоиться.

Эту пленку она никогда не прослушала.

Для Похитителя обещание проиграть ее моей матери было только важным шахматным ходом, чтобы сохранить свое господство надо мной и продолжить манипулировать мной, потому что вскоре он поменял стратегию и больше не говорил о заказчиках, а только о похищении ради выкупа.

Он снова и снова повторял, что вступил в контакт с моими родителями, но мой выход на свободу их, видимо, не особо интересует. «Твои родители тебя совсем не любят». «Они не хотят, чтобы ты возвращалась». «Они рады, что наконец избавились от тебя». Эти слова причиняли мне боль, как кислота, вылитая на открытую рану ребенка, который и раньше чувствовал себя нелюбимым. Все же я ни разу не поверила его словам, что родители отказываются меня освободить. Я знала, что у них не

очень много денег, но была убеждена в том, что они сделают все, чтобы их как-нибудь раздобыть. «Я знаю, что родители меня любят, они всегда говорили мне об этом», — мужественно оспаривала я коварные утверждения Похитителя, которому «было очень жаль, что он до сих пор не получил ответа».

Но сомнения, посеянные в моей душе еще до заточения, дали ростки.

Он постоянно подрывал мою веру в семью, а вместе с этим и важный фундамент моей и без того уже пошатнувшейся уверенности в себе. Моя вера в то, что семья стоит за моей спиной и делает все возможное для моего освобождения, медленно испарялась. Проходил день за днем, но никто не приходил, чтобы выпустить меня на волю.

* * *

Почему именно я стала жертвой этого похищения? Почему он выбрал и заточил именно меня? Эти вопросы мучили меня еще тогда, и продолжают занимать мои мысли до сих пор. Причина этого преступления была настолько непостижима, что я отчаянно искала ответ, надеясь, что похищение имело какой-то смысл, ясную логику, которые, возможно, до сих пор были скрыты от меня. Это должно быть чем-то большим, чем просто случайное нападение на меня. Мне даже сейчас больно от мысли, что я была лишена юности из-за случайного настроения или психического расстройства одного-единственного мужчины.

От самого же преступника я не получила ответа на этот вопрос, хотя без конца капала ему на мозги. Как-то раз он ответил: «Я увидел тебя на одной школьной фотографии и выбрал». Но и эти свои слова он сразу же взял назад. Позже он скажет: «Ты выскочила на меня, как бродячая кошка. А кошку можно взять к себе». Или: «Я тебя спас. Ты должна быть мне благодарна». Но в конце моего заточения он был самым откровенным: «Я всегда мечтал о рабыне». Но до этих слов должны были пройти годы.

Я так никогда и не узнала, почему он похитил именно меня. Потому что было проще выбрать меня жертвой? Приклопил вырос в том же районе Вены, что и я. В то время, когда отец во время своих рабочих туров таскал меня с собой по забегаловкам, Похититель был молодым человеком чуть за двадцать и вращался в той же среде, что и мы. В начальной школе я постоянно поражалась, сколько людей меня радостно приветствуют, помня по походам с моим отцом, который охотно демонстрировал меня

в моих нарядных выглаженных платьях. Может быть, он был одним из тех мужчин, которым я тогда запомнилась?

Вполне возможно, что могли быть и другие люди, обратившие на меня внимание. Правдой могла оказаться и история с порно-мафией. Тогда и в Австрии, и в Германии было полно таких группировок, которые не гнушались похищать детей для своих жестоких опытов. И обнаружение потайного помещения в доме Марка Дютру^[12] в Бельгии, который постоянно похищал и насиловал девочек, как раз произошло два года назад. Как бы то ни было, я до сих пор не знаю, действовал ли Приклопил в одиночку или же совершил это преступление по заказу подельников, как он утверждал вначале. И сейчас я пытаюсь избавиться от этих мыслей: невыносимо думать, что настоящие виновники все еще гуляют на свободе. Но во время моего плена, несмотря на утверждения Приклопила, ничего не говорило о присутствии соучастников.

Я тогда составила для себя четкое представление, как должна выглядеть жертва похитителя: это была светловолосая маленькая девочка, тоненькая, почти прозрачная, которая, как ангел, невинно и беспомощно, скользила по жизни. Я представляла ее существом с шелковистыми волосами, к которым непременно хотелось прикоснуться. Чья красота так оглушала мужчин с больной психикой, что толкала их на преступление — только бы завладеть ею. Я же в отличие от нее не была блондинкой и чувствовала себя толстой и неуклюжей. А в утро моего похищения особенно. Я никак не подходила под свое собственное представление о внешности похищаемой девочки.

Сейчас я понимаю, насколько далека была от истины. Наоборот, чаще всего это незаметные дети с заниженной самооценкой, которых выискивают преступники для своих жестоких экспериментов. Когда речь идет о похищениях или сексуальном насилии, красота вовсе не является основным критерием. Различные исследования показывают, что большему риску стать жертвой преступления подвержены физически или психически неполноценные дети или дети из неблагополучных семей, где нет особенно близких привязанностей. Первыми в «списках» как раз стоят подобные мне, какой я была тем утром 2 марта — запуганной, излучающей страх, со следами недавних слез. Я неуверенно преодолевала дорогу в школу нерешительными и мелкими шагами. Может быть, он это заметил. Может, увидел, какой потерянной я себя чувствую, и спонтанно решил сделать меня своей жертвой.

Не найдя для себя объяснения, почему именно я стала жертвой, сидя в своем подвале, я начала искать вину в себе.

Сцена ссоры с матерью накануне вечером крутилась передо мной бесконечной кинолентой. Меня приводила в ужас мысль, что похищение стало наказанием за то, что я была плохой дочерью. За то, что я ушла без единого слова примирения. В моей голове все смешалось. Я выискивала в своем прошлом каждую ошибку, допущенную мною когда-либо. Каждое несправедливое слово. Каждую ситуацию, когда я была невежливой, непослушной или строптивой. Теперь я знаю, что это очень распространенный механизм — когда жертва берет на себя вину за преступление, совершенное против нее. Но тогда это был вихрь, уносящий меня с собой, против которого я не могла устоять.

* * *

Мучительный свет, не дававший мне заснуть в первые ночи, уступил место абсолютной темноте. Когда Похититель вечером выкручивал лампочку и закрывал за собой дверь, я чувствовала себя отрезанной от всего мира: ослепшая, оглохшая от постоянного треска вентилятора, не способная ориентироваться в пространстве, а иногда даже ощущать саму себя. На языке психологов это называется «Sensory Deprivation»^[13] — сенсорная депривация. Отсечение всех органов чувств. Но тогда я понимала, что от этого одиночества в кромешной тьме рискую потерять рассудок.

С тех пор, как Похититель стал оставлять меня одну с вечера до завтрака следующего дня, я находилась в состоянии некоего парения в беспросветной невесомости и могла только лежать, уставившись в темноту. Временами я начинала кричать или барабанить в стены в отчаянной надежде, что меня все-таки кто-нибудь может услышать. Хотя я была предоставлена самой себе и оставалась наедине со своим страхом и одиночеством, я все же пыталась внушить себе мужество и отогнать панику с помощью «рациональных» средств. Это были слова, спасающие меня в то время. Как некоторые часами орудут спицами, вывязывая ажурную кружевную салфетку, так я мысленно сплетала воедино слова и писала самой себе длинные письма или рассказы, которые уже никто и никогда не запечатлеет на бумаге.

В основу сюжетов моих историй легли мечты о будущем. Во всех мельчайших подробностях я представляла себе, какой будет жизнь после моего освобождения. Я стану лучше учиться по всем предметам в школе и преодолею свою неуверенность. Также я решила, что займусь спортом и похудею, чтобы принимать участие в играх вместе с другими детьми. Я мечтала, как,

оказавшись на свободе, перейду в другую школу — ведь я уже ходила в четвертый класс начальной школы^[14] — и как меня примут другие дети. Вызову ли я у них интерес только как жертва похищения? Примут ли они меня как равную себе? Но самыми яркими красками я рисовала встречу с родителями. Как они заключат меня в свои объятия, и как отец поднимет меня вверх и начнет кружить в воздухе. Как я вернусь в прекрасный мир раннего детства, а время ссор и унижений будет навсегда забыто.

Но иногда этих фантазий было недостаточно. Тогда я брала на себя роль моей отсутствующей матери, разделяя себя мысленно на две части и пытаюсь от ее лица оказать себе поддержку: «Представь, что ты в отпуске. Хотя ты и далеко от дома, но ведь оттуда тоже непросто позвонить. Там нет телефона, но отдых не прерывают только из-за одной неважно проведенной ночи. Когда все закончится, ты снова вернешься домой и пойдешь в школу».

Мысленно произнося эти монологи, я отчетливо видела перед собой мать. Я слышала, как она говорит твердым голосом: «Возьми себя в руки, сейчас нет смысла психовать. Ты должна выстоять, и тогда все снова будет хорошо». Да. Если я буду сильной, все снова будет хорошо.

Если же и это не действовало, я пыталась вызвать в памяти состояние защищенности. В этом мне помогала бутылочка «Францбрандвайн», которую я вымолила у Похитителя. Бабушка всегда пользовалась им для втираний. Резкий свежий запах моментально переносил меня в дом в Зюссенбрунне, возвращая забытое теплое чувство безопасности. Когда мозг в одиночку не справлялся, то подключался нос — не потерять связь с самой собой и рассудок.

* * *

Со временем я попыталась привыкнуть к Похитителю. Я интуитивно подстраивалась под него, как подстраиваются под диковинные традиции людей в чужой стране. Сегодня я думаю: мне наверняка помогло то, что я была еще ребенком. Будь я взрослым человеком, вряд ли смогла бы выдержать тот гнет чужой воли и психических пыток, которым я подвергалась в подвале. Но с самого малого возраста дети так устроены, что воспринимают всех взрослых из ближайшего окружения как непререкаемый авторитет, на который стоит ориентироваться и кто устанавливает нормы, что правильно, а что нет. Детям указывают, что надеть и когда идти в постель. Они едят то, что

подается на стол, а сопротивление пресекается. Родители постоянно запрещают им то, что они хотели бы получить. Даже если взрослые забирают у ребенка шоколадку или пару евро, полученных от родственников на день рождения, то ребёнок должен принять это вмешательство как должное и осознавать, что родители поступают правильно. Иначе он может потерпеть неудачу в связи с несоответствием между его собственными желаниями и отказом тех, кого он любит.

Я привыкла следовать указаниям взрослых, даже если мне это было не по нутру. Была бы моя воля, я ни за что не ходила бы после школы в продленку. Особенно в ту, где предписываются даже самые основополагающие физиологические функции — когда можно есть, спать или справить нужду. Также я не ходила бы каждый день после продленки в магазин матери, где заедала скуку мороженым и маринованными огурцами.

Ограничение свободы ребенка, пусть даже на короткое время, не являлось для меня чем-то немыслимым. Хотя мне самой этого испытать не пришлось. Запирать непослушных детей в темный подвал было в то время расхожим способом воспитания во многих семьях. Можно было часто услышать, как бабульки в трамвае ворчали на матерей орущих младенцев: «Вот будь это мой ребенок, я бы заперла его в чулане!»

Дети могут приспособиться к самым неблагоприятным условиям и принимать побои родителей за выражение любви, а в затхлой развалюхе видеть домашний очаг. Моим домашним очагом стал подвал, а единственным близким человеком — Похититель. Вся моя жизнь лопнула по швам, а он оказался этим единственным в том кошмаре, в который она превратилась. Я была зависима от него так, как могут быть зависимы только грудные младенцы от своих матерей: любой знак расположения, любой кусочек еды, свет, воздух — все мое психическое и физическое состояние зависело от одного этого человека, запершего меня в подвальном застенке. А своими утверждениями, что мои родители не отвечают на требования о выкупе, он поработил меня также и эмоционально.

Если я хотела выжить в этом новом мире, то должна была встать на сторону преступника, что кажется непостижимым человеку, никогда не попадавшему в такую экстремальную ситуацию. Но я до сих пор горжусь тем, что сумела сделать шаг навстречу человеку, отнявшему у меня все. Так как этот шаг спас мне жизнь, несмотря на то, что для поддержания такого «позитивного подхода» к Похитителю мне понадобилось много сил и энергии. Потому что он постепенно превращался в рабовладельца и диктатора. Но я никогда не отступала от своего

плана.

Маска благодетеля, желавшего сделать мою жизнь в заточении наиболее приятной, пока держалась. Жизнь и впрямь начала принимать некие будничные формы. Через несколько недель после похищения Приклопил принес в подвал садовый столик, два складных стула и кухонное полотенце, которое я могла использовать как скатерть, а также кое-что из посуды. Когда Похититель приходил к обеду, я накрывала стол полотенцем, ставила на него два стакана и аккуратно раскладывала вилки рядом с тарелками. Не хватало только салфеток — для этого он был слишком жадным. Потом мы садились вместе за складной стол, ели приготовленную заранее пищу и запивали ее фруктовым соком. Тогда он еще не начал экономить, и я наслаждалась тем, что могу пить сколько душе угодно. Создавалось некое подобие уюта, и постепенно я начала радоваться совместным трапезам с преступником. Они скрашивали мое одиночество. Они стали важны для меня.

Эта ситуация была до такой степени абсурдна, что не подходила ни под одну категорию из моей прошлой реальности. Мое внезапное заточение в маленьком темном мирке не подпадало ни под какие обычные стандарты. И мне не оставалось ничего другого, как создать свои собственные. Может быть, я попала в сказку? В место, рожденное в фантазиях братьев Гримм, далекое от любой реальности? Разумеется! Разве Штрасхоф не был давно окружен аурой зла? Ненавистные родители мужа моей сестры жили в одной его части с названием «Серебряный лес». Ребенком я всегда боялась встретиться с ними в квартире моей сестры.

Название места и недоброжелательная атмосфера в этой семье привели к тому, что еще до моего похищения «Серебряный лес», а с ним и Штрасхоф превратились в нечто подобное колдовскому лесу. Да, определенно, я попала в сказку, но не уяснила ее потайной сути.

Единственное, что не совсем вписывалось в сюжет злой сказки, были вечерние водные процедуры. Я не могла вспомнить, читала ли уже что-то подобное. В подвале был только двойной умывальник из нержавеющей стали и холодная вода. Водопровод с горячей водой, который провел Похититель, еще не работал, поэтому он приносил мне вниз пластиковые бутылки с теплой водой. Я должна была раздеться, забраться в один из умывальников, а в другой поставить ноги. В первое время он просто обливал меня теплой водой. Позже мне пришла в голову идея сделать маленькие дырочки в бутылках. Таким образом, появилось нечто вроде душа. Из-за недостатка места Похититель

должен был помогать мне при мытье. Для меня это было непривычно — стоять голой перед ним, совершенно чужим мужчиной. Что творилось тогда у него внутри? Я неуверенно поглядывала на него, но он драил меня, как автомобиль. Его действия не имели ничего общего ни с нежностью, ни с непристойностью. Он обходился со мной как с предметом домашнего обихода, за которым нужно ухаживать, чтобы содержать в исправности.

* * *

Именно в те дни, когда злая сказка уже накрыла собой действительность, полиция наконец решила отреагировать на показания девочки, видевшей мое похищение. 18 марта слова единственной свидетельницы были обнародованы вместе с оповещением о том, что в течение ближайших дней будут опрошены все 700 владельцев белых автофургонов. У Похитителя оставалось достаточно времени для подготовки.

В Страстную пятницу, на 35-й день моего заточения, в Штрасхоф прибыла полиция и потребовала у Вольфганга Приклопила показать машину. Загрузив ее строительным мусором, он объяснил, что использует пикап для ремонтных работ. А 2 марта, сказал Приклопил для полицейского протокола, он провел дома. Свидетелей нет. У Похитителя не было ни малейшего алиби — факт, который еще в течение нескольких лет после моего освобождения старательно скрывался полицией.

Удовлетворившись этим, полицейские не стали осматривать дом, что им якобы радушно предложил Приклопил. Пока я сидела в подвале, надеясь на спасение и пытаясь не сойти с ума, они только пару раз щелкнули «Полароидом» машину, на которой я была похищена, и приложили фотографии к актам по моему делу. Сидя под землей в подвале, я в своих фантазиях представляла поиски так: криминалисты прочесывают все окрестности в поисках следов ДНК или мельчайших кусочков ткани от моей одежды. Но наверху картина выглядела совсем по-другому — ничего подобного полиция делать не стала. Они извинились перед Приклопилом и удалились, не удосужившись более тщательно осмотреть машину и дом.

О том, что Похититель находился на волосок от разоблачения, подожди полиция к делу немного ответственнее, я узнала только после освобождения из темницы. А то, что я больше никогда из нее не выйду, мне стало понятно уже примерно через неделю.

Пасха 1998 года выпала на 12 апреля. В Пасхальное воскресенье Похититель принес мне корзинку с пестрыми яйцами из шоколада и большого пасхального зайца. Воскрешение Христа мы «праздновали» в холодном свете голой лампочки за маленьким садовым столиком в моем затхлом застенке. Я радовалась сладостям и всеми силами пыталась отогнать мысли о внешнем мире и тех Пасхах, которые мы праздновали раньше. Трава. Свет. Солнце. Деревья. Воздух. Люди. Мои родители. В этот день Похититель «признался», что потерял надежду получить за меня выкуп, так как мои родители до сих пор не дали ему ответа. «Видимо, их не очень интересует твоя судьба», — сказал он. А дальше последовал приговор. Пожизненный. «Ты видела мое лицо и знаешь меня слишком хорошо. Теперь я не могу выпустить тебя на свободу. Я никогда не передам тебя твоим родителям, но попытаюсь, насколько возможно, позаботиться о тебе здесь».

В день светлой Пасхи все мои надежды окончательно рухнули. Я плакала и молила его отпустить меня на свободу. «У меня вся жизнь впереди, ты же не можешь запереть меня здесь навсегда. Что будет со школой? Что будет с моими родителями?» Я клялась Богом и всем, что мне свято, что не обмолвлюсь о нем ни одним словом. Но он мне не верил — на свободе я быстро забуду все свои обещания или сдамся под давлением полиции.

Я пыталась втолковать ему, что он же тоже не хочет остаток своей жизни провести рядом с жертвой преступления в подвале, и просила его отвезти меня куда-нибудь очень далеко с завязанными глазами — тогда я точно не смогу найти этот дом и назвать имена, чтобы полиция смогла выйти на его след. Я даже придумывала для него планы бегства. Можно переехать за границу — жизнь в другой стране будет в любом случае лучше, чем рядом со мной, запертой в подвале, и в постоянных заботах обо мне. Я скулила, молила и в конце концов начала орать: «Полиция все равно меня найдет! И тогда тебя посадят. Или расстреляют! А если нет, тогда меня найдут мои родители!» Мой голос сорвался. Прикинул же оставался совершенно спокойным. «Ты их совсем не интересуешь, забыла? А если они даже появятся здесь, я их убью». После этого, пятясь, покинул комнату и запер дверь снаружи.

Я осталась одна.

Только через десять лет, когда уже прошло два года после моего побега, в ходе полицейского скандала, разгоревшегося вокруг ошибок следствия и укрывательства фактов, мне было суждено узнать, что в те Пасхальные дни, не подозревая о том, я второй раз стояла на пороге спасения. В Пасхальный вторник, 14 апреля, полиция опубликовала показания других свидетелей,

которые указывали на то, что утром в день похищения видели автофургон с затемненными стеклами недалеко от общины, где я жила. Номера машины указывали на Гензерндорф.^[15]

Показания же другого свидетеля полиция не обнародовала. В тот же день, 14 апреля, проводник служебно-розыскных собак из венской полиции позвонил в полицейский участок. Дежурный части дословно записал следующие показания:

14.04.1998 г., в 14.45 часов, позвонил неизвестный мужчина и изложил следующие обстоятельства: Относительно выслеживания белого автофургона с затемненными стеклами в районе Гензерндорф в связи с пропажей Кампуш Наташе^[16] в Штрасхофе/Нордбан^[17] есть лицо, которое может быть связано с исчезновением, а также имеет в своем владении белый автофургон марки «Мерседес» с тонированными стеклами. Этого мужчину считают так называемым «чудаком», у которого возникают сложности с окружающим миром и большие проблемы с общением. Он проживает вместе с матерью в Штрасхофе/Нордбан, Гейнештрассе 60 (коттедж), полностью оснащенный сигнализацией. Предположительно, в доме мужчина хранит оружие. Перед территорией дома на Гейнештрассе 60 часто можно увидеть стоящий там белый автофургон марки «Мерседес», номера неизвестны, с полностью затемненными боковыми и задними стеклами. Раньше мужчина работал на фирме «Сименс» в качестве техника по электронной связи, кем может являться и по сегодняшний день. Предположительно мужчина живет вместе со своей пожилой матерью в этом доме и имеет склонность к детям, что касается его сексуальных влечений. Привлекался ли он за это к уголовной ответственности, неизвестно. Имя этого мужчины звонившему неизвестно, он знает его только как жителя округа. Мужчина предположительно 35 лет, имеет светлые волосы, рост около 175–180 см, худого телосложения. Дальнейшие подробности анонимный свидетель привести не мог.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННАЯ

Кошмарный сон становится явью

Норá сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела — полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец. И она все летела: вниз, и вниз. Неужели это никогда не кончится? (...)

«Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!» — сказала Алиса себе довольно строго. Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слез; а как-то раз она, помнится, даже попробовала отодрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет, — подумала бедная Алиса, — да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!»^[18]

Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес»

Одной из первых книг, которые я прочитала в застенке, была «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Книга оставила во мне неприятный, зловещий осадок. Алиса, девочка примерно моего возраста, во сне следует за говорящим Белым Кроликом к его норе. Когда она влезает в нее, то падает в глубину и приземляется в комнате с многочисленными дверями, оказавшись заточенной в промежуточном мире под землей. Дорога наверх закрыта. Алиса находит ключ к самой маленькой дверце и пузырек с волшебным зельем, выпив которое, уменьшается в несколько раз. Стоило ей протиснуться в узкий проход, дверь за ней захлопывается. В подземном мире, в который она теперь вступила, все вверх тормашками: постоянно меняющиеся размеры, говорящие животные, с которыми она там встречается, совершают вещи, не подлежащие никакой логике. Но, по-видимому, это никому не мешает. Все окружающее сошло с ума, вышло из-под контроля. Вся книга — сплошной пронзительный кошмар, в котором законы природы потеряли силу. Нет никого и ничего нормального. Девочка одна в непонятном ей мире, где не

с кем перемолвиться словом. Она должна быть мужественной, запрещать себе слезы и принимать чужие правила игры. Ей приходится посещать бесконечные чайные церемонии шляпника, на которых веселятся всевозможные сумасшедшие гости, принимать участие в жестокой игре в крокет со злой Королевой Червей, в конце которой все остальные игроки приговариваются к смерти. «Голову долой!» — кричит королева и издает безумный смешок.

Алисе удастся вырваться из подземного мира, потому что она просыпается от этого сна. Когда же я после нескольких часов сна открывала глаза, кошмар никуда не пропал. Он был моей реальностью.

Вся книга, изначально носившая название «Приключения Алисы в подземном царстве», как будто в перевернутом виде описывала мое собственное положение. Как и Алиса, я тоже была замурована под землей в помещении, которое Похититель отгородил от внешнего мира множеством дверей. Так же и я была заперта в мире, где все известные мне законы потеряли свою силу. Все, что долгое время было важным в моей жизни, здесь утратило свое значение. Я стала частью больной фантазии психопата, которого не могла понять. Не осталось ни малейшей связи с миром, в котором я жила еще совсем недавно. Ни одного знакомого голоса, ни одного знакомого запаха, которые бы напомнили о том, что жизнь снаружи еще существует. Как же в этой ситуации я могла сохранить связь с реальностью и с самой собой?

Я страстно верила, что, как Алиса, внезапно проснусь в моей старой детской комнате, потрясенная страшным сном, не имеющим никакого отношения к моему «настоящему миру». Но сон, взявший меня в плен, был не моим сном — это был сон Похитителя. Но и он тоже не спал, променяв свою жизнь на осуществление своей ужасной фантазии, из которой и для него самого больше не было выхода.

С этого момента я больше не пыталась убедить Похитителя выпустить меня на свободу. Я поняла, что это не имеет смысла.

* * *

Мир, в котором я теперь жила, сжался до пяти квадратных метров. Если я не хотела сойти с ума, то должна была попробовать его покорить. Не ждать, дрожа, жестокого приказа, как народец карточных персонажей из «Алисы в стране чудес»: «Голову долой!»; не покоряться сдвинувшейся реальности, как все

эти сказочные герои, а попробовать создать для себя в этом мрачном месте потайной уголок, в который, правда, в любое время может проникнуть Похититель, но где я все же смогу укутаться в сотканный из нитей моего внутреннего «я» и моей прошлой жизни защитный кокон.

Я начала устраиваться в своей темнице, превращая тюрьму Похитителя в мой дом, в мою комнату. Для начала я выпросила календарь и будильник. Я находилась в дыре безвременья, где только Похититель был властелином времени. Часы и минуты размазывались в вязкое месиво, облепившее все вокруг. Приклопил как Господь управлял Светом и Тьмой в моем мире. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. Голая лампочка устанавливала, когда мне спать, а когда бодрствовать.

Каждый день я спрашивала Похитителя, какой сегодня день недели и какое число. Я не знала, обманывает ли он меня, но, в общем-то, это не играло никакой роли. Самым важным для меня было чувствовать связь с моей прошлой жизнью «наверху». Был ли это будний, школьный день или выходной. Приближались ли праздники или дни рождения, которые мне хотелось провести вместе с моей семьей. Определять время — этому я тогда научилась — наверное, вообще самый надежный якорь в мире, в котором таится угроза совсем раствориться и исчезнуть. Календарь дал мне возможность немного ориентироваться во времени и освежить воспоминания, к которым у Похитителя не было доступа. Теперь я знала, должны ли дети вставать рано или могут выспаться. Мысленно я прослеживала распорядок дня моей матери. Сегодня она пойдет на работу. А послезавтра, может быть, встретится с подругой. А в выходные выедет со своим другом на пикник. Беспристрастные цифры и обозначения дней недели обрели свою собственную жизнь, дающую мне поддержку.

Так же, если не больше, был важен для меня будильник. Я попросила одну из тех старомодных моделей, в которой переход секундной стрелки сопровождается громким тиканьем. Такой будильник был у моей любимой бабушки. Будучи маленьким ребенком, я ненавидела это громкое тиканье, мешавшее уснуть и проникавшее в мои сны. Теперь я держалась за этот звук так же, как тонущий цепляется за последнюю соломинку, по которой сверху еще поступает немного воздуха. Каждым своим «тик» будильник подтверждал, что время не остановилось, а Земля вертится дальше. В моем подвешенном состоянии — без ощущения времени и пространства, он был моим тикающим мостиком к реальному миру там, снаружи.

Настроившись, я могла так сильно сконцентрироваться на его

звуке, что по меньшей мере на пару минут «выключала» изнурительное жужжание вентилятора, заполнявшее помещение до ощущения физической боли. Когда я по вечерам лежала на своей постели, пытаясь заснуть, тиканье будильника было длинным спасательным канатом, цепляясь за который, я могла перебраться из подвала в свою детскую кровать в бабушкиной квартире. И там я засыпала успокоенная, зная, что в соседней комнате она стережет мой сон. В такие вечера я часто втирала немножко «Францбрандвайн» в руку. Уткнувшись в нее лицом, я втягивала носом его характерный запах, и меня охватывало чувство бабушкиного присутствия. Как и раньше, когда я ребенком прятала лицо в ее фартук. Только так я могла заснуть.

В течение дня я была занята созданием в крошечном помещении максимального уюта. Я попросила Похитителя принести моющие средства, чтобы вытеснить влажный запах подвала и смерти, заполнивший собой всё. Из-за избыточной влажности, образовавшейся только из-за одного моего присутствия, на полу подвала появился тонкий налет черной плесени, делающий воздух еще более затхлым, а дыхание тяжелым. В одном месте ламинат вздулся, потому что от земли поднималась сырость. Это пятно было постоянным и болезненным напоминанием о том, что я, похоже, нахожусь очень глубоко под землей. Похититель принес мне набор красного цвета — совок и щетку, бутылку «Pril», освежитель воздуха и точно такие же тряпки для уборки с запахом тимьяна, какие я раньше всегда видела в рекламе.

И вот каждый день я тщательно выметала все углы застенка и до блеска оттирала пол. Скоблить я начинала от двери. Стена там была ненамного толще, чем сама створка. Оттуда она косым углом вела к той части помещения, где размещались унитаз и умывальник. Я часами могла оттирать средством от налета следы от каждой капельки воды в раковине, пока она не начинала сверкать безупречной чистотой. А унитаз отмывала так, что он становился похож на драгоценный цветок из фарфора, выросший из пола. После этого продолжала мыть от двери в направлении другой части комнаты: сначала вдоль более длинной, а потом более короткой стороны стены, пока не добиралась до противоположного двери узкого простенка. Заканчивая уборку, я отодвигала лежак в сторону и убирала в середине комнаты. Я скрупулезно следила за тем, чтобы использовать не очень много тряпок и жидкости, увеличивающих влажность в помещении.

Когда я заканчивала уборку, в воздухе оставался висеть химический дух — некое подобие свежести, природы и жизни, и я жадно втягивала его в себя. А когда я распыляла немного

освежителя воздуха, то на мгновение забывала обо всем. Хотя запах лаванды не был чем-то необычным, он дарил мне иллюзию цветущих полей. Тогда я закрывала глаза, и картинка с баллончика становилась кулисой, скрывающей от меня стены тюрьмы: в мечтах я бежала вдоль бесконечных сине-лиловых полей лаванды, чувствуя под своими ступнями мягкую землю и вдыхая горьковатый аромат цветов. Теплый воздух был наполнен жужжанием пчел, горячее солнце припекало мои плечи. Надо мной раскинулось глубокое синее небо, бесконечно высокое, бесконечно широкое. Поля тянулись до самого горизонта, не ограниченные ни стенами, ни преградами.

Я мчалась так быстро, что появлялось ощущение, что я вот-вот взлечу. И ничто не сдерживало меня в этой сине-лиловой бесконечности.

Но стоило открыть глаза, как голые стены сразу возвращали меня из моего фантастического путешествия в реальность.

Картины. Мне нужно больше картин, картин из моего мира, которые только я могла создать. Которые не соответствовали бы большой фантазии Похитителя, набрасывающейся на меня из каждого угла комнаты. Постепенно я начала разрисовывать восковыми мелками из моего пенала стены, облицованные плитами из прессованного дерева. Мне хотелось оставить что-то после себя — так заключенные оставляют на стенах своих камер зарубки и царапины. Рисунки, высказывания, насечки на каждый единственный день. Они это делают не от скуки, теперь я это поняла: рисование является одним из методов, позволяющих справиться с чувством бессилия и беспомощности. Это делается ими для того, чтобы доказать себе и другим, которые когда-либо вступят в эту камеру, что они существуют или, по меньшей мере, когда-то существовали.

Мои «наскальные рисунки» имели еще и второе назначение. Этим я создавала себе декорацию, внутри которой могла представить, что я дома. Первым делом я попыталась изобразить на стене подобие прихожей в нашей квартире — на двери в темницу я пририсовала нашу дверную ручку, на стене рядом с ней — маленький комод, до сих пор стоящий у моей матери в коридоре. Я педантично вырисовывала контуры и ручки выдвижных ящиков, пока не закончилась краска, но для иллюзии хватило и этого. Лежа на своей постели и глядя в направлении двери, я могла представить, как она сейчас откроется, в нее войдет мама, поздоровается со мной и положит на комод ключи.

Следующим на стене стало изображение генеалогического древа. Мое имя стояло в самом низу, потом имена моих сестер, их мужей и детей, моей матери и ее друга, моего отца и его подруги,

а на кроне — моих дедушек и бабушек. Для составления этого генеалогического древа мне потребовалось много времени. Оно освободило для меня местечко в этом мире и дало ощущение, что я часть одной семьи, часть одного целого, а не взорванный атом вне реального мира, как я это себе часто представляла.

На противоположной стене я намалевала большую машину. Предполагалось, что это серебряный «Мерседес SL» — мой любимый автомобиль. Такая модель хранилась у меня дома, и я мечтала купить эту машину, став взрослой. Вместо шин она катилась на пышных женских грудях. Такое граффити я как-то увидела на бетонной стене недалеко от дома. Сейчас я не могу сказать, почему выбрала именно этот мотив. По-видимому, мне хотелось чего-то жесткого, предположительно взрослого. Уже в последние месяцы в школе я иногда сбивала с толку учителей своими провокационными выходками. Во время перемен между уроками нам разрешалось рисовать мелками на доске при условии, что мы все вовремя сотрем. В то время, как другие дети рисовали цветы или фигуры из комиксов, я царапала «Протест!», «Революция!» или «Долой учителей!» Такое поведение в маленьком классе из двадцати детей, с которыми обращались так бережно, как в детском саду, выглядело вызывающим. Не знаю, с чем это было связано: продвинулась ли я в своем половом созревании немного дальше своих одноклассников или просто хотела щелкнуть по носу тех, кто обычно меня дразнил. В любом случае, маленький мятеж в моем застенке, заключавшийся в этих рисунках, придавал мне силы. Точно так же, как и одно плохое слово, которое я выцарапала в потайном местечке на стене мелкими буквами: «Г...к». Этим я хотела выразить протест, совершить что-то запретное. По-видимому, это совсем не произвело впечатления на Похитителя, так как он ни словом не прокомментировал эту надпись.

* * *

Однако самые важные изменения в моей темнице произошли с появлением телевизора и видеомэгафона. Я постоянно просила об этом Приклопила, и в один прекрасный день он действительно притащил аппаратуру вниз и поставил рядом с компьютером на комод. Спустя недели, в течение которых я соприкасалась с «жизнью» только в одном лице, а именно — в лице Похитителя, с помощью экрана мне удалось впустить в подвал пестрое подобие человеческого общества.

Сначала Приклопил беспорядочно записывал все

телевизионные программы дня подряд. Но скоро ему надоело вырезать новости, в которых все еще иногда упоминалось обо мне. Он делал все возможное, чтобы я не получила и малейшего намека на то, что во внешнем мире обо мне не забыли. В конце концов, важнейшим средством психологического воздействия было его стремление внушить мне, что моя жизнь не интересует никого, в особенности моих родителей, делая меня более уступчивой и зависимой.

Поэтому впоследствии он отбирал только отдельные программы или приносил видеокассеты с фильмами, записанными им еще в начале 90-х годов. Пушистый инопланетянин Альф, обворожительная Дженни, Эл Банди и его «ужасно милая семья», а также Тэйлоры из «Послушай, кто стучит» заменили мне семью и друзей. Каждый день я радовалась новой встрече, наблюдая за ними с таким жадным интересом, как вряд ли какой-нибудь другой телезритель. Каждая грань их отношений друг с другом, каждый отрывок диалогов казались мне в высшей степени увлекательными и интересными. Я анализировала мельчайшие детали окружающей их обстановки, попадавшие в поле моего зрения. Они были единственными «окнами» в другие дома, но порой такими хрупкими и скудно сколоченными, что иллюзия моего доступа в «настоящую жизнь» быстро разваливалась. Наверное, это и было причиной того, почему я позже попала в плен научно-фантастических сериалов, таких как «Звездный путь», «Звездные врата», «Назад в прошлое», «Назад в будущее»... — все, что имело что-то общее с путешествиями в космосе и во времени, очаровывало меня. Герои этих фильмов осваивали целину в неизвестных галактиках. Правда, у них были такие технические возможности, что они запросто могли телепортироваться из щекотливых положений или угрожающих жизни ситуаций.

* * *

В один из дней весны, о наступлении которой я узнала только из своего календаря, Похититель принес в подвал радио. Внутренне я возликовала. Радио, которое действительно сможет проложить мне дорогу в настоящий мир! Новости, милые сердцу утренние передачи, которые я всегда слушала во время завтрака, музыка, а может даже маленький намек на то, что мои родители меня еще не забыли.

«Но по нему ты, конечно, не сможешь ловить никакие австрийские передачи», — брошенным вскользь замечанием

уничтожил мою иллюзию Похититель, подключая аппарат к розетке и настраивая его. По крайней мере, можно было слушать музыку. Когда же диктор делал объявления, я не могла разобрать ни слова — Похититель настроил приемник так, что он ловил только чешские каналы.

Крутя его так и сяк, я часами мучилась над маленьким аппаратом, способным стать моими воротами во внешний мир. В немеркнущей надежде на одно немецкое слово, на знакомую песенку. Ничего. Только речь, которую я не понимала. Звук голоса, дающий мне, с одной стороны, иллюзию, что я не одна, а с другой, усиливающий чувство отчужденности и отрешенности от мира.

Упорно, миллиметр за миллиметром, я прокручивала головку настройки то в одну, то в другую сторону, каждый раз по-новому настраивая антенну. Но кроме этой единственной частоты все остальные издавали только громкие шумы. Позже я получила от Похитителя Walkman.^[19] Рассудив, что у него дома имеется только музыка популярных ранее групп, я попросила принести кассеты «Beatles» и «ABBA». Теперь по вечерам, когда выключался свет, я не должна была лежать в темноте в обнимку со страхом, а могла слушать музыку, пока не сядут батарейки. Одни и те же песни по многу раз.

* * *

Самым лучшим лекарством от скуки и сумасшествия для меня были книги. Первой из них, принесенной Похитителем, был «Летающий класс» Эриха Кэстнера. После этого последовала целая серия классики: «Хижина дяди Тома», «Робинзон Крузо», «Том Сойер», «Алиса в стране чудес», «Книга Джунглей», «Остров сокровищ» и «Кон-Тики». Я проглотила «Веселые книжки» об утках Дональде Дакке и его трех племянниках, жадном дядюшке Дагоберте^[20] и находчивом Даниэле Дюзентрибе. Позже мне захотелось почитать Агату Кристи, о которой я слышала от своей матери. А еще я прочитала целую стопу детективных романов Джерри Коттона и научно-фантастических историй. Романы катапультировали меня в другую действительность и настолько поглощали мое внимание, что я надолго забывала, где нахожусь. Именно это придавало чтению жизненную необходимость. Если телевизор и радио давали ощущение присутствия в подвале других людей, то книги просто позволяли мне покинуть его на несколько часов.

В первое время, когда я еще была десятилетним ребенком,

мне особенно нравились книги Карла Мая. Я проглатывала приключения Виннету и Олда Шеттерхэнда и читала рассказы о «Диком Западе Северной Америки». Песня, которую пели немецкие переселенцы умирающему Виннету, так меня тронула, что я переписала ее слово в слово и с помощью крема «Nivea» приклеила листок на стену. Тогда у меня в подвале не было ни клейкой ленты, ни других клеящих средств. Это была молитва, обращенная к Божьей матери:

Свет дня уходит постепенно,
Вступает горделиво ночь.
Могли б страдания мгновенно
Как день уйти из сердца прочь!
К твоим ногам мольбы кидаю,
Ты вознеси их в небеса,
Мадонна, в них я воспеваю
Тебя и веры чудеса.
Аве, Аве Мария!

Свет веры тает постепенно,
Вступает размышлений ночь.
И юность оказалась тленной,
Мадонна, я прошу помочь
Мне сохранить псалмов напевность
И арфы нежный перезвон,
И даже в старости согбенной
Храните Божественный закон.
Аве, Аве Мария!

Свет жизни тает постепенно,
Вступает смерть в свои права.
Душа уносится из плена
Телесных уз — пора, пора!
К рукам твоим в мольбе горячей
Прильну, бессмертья пригубить,
Мадонна, я умру, а значит,
Теперь я буду вечно жить.
Аве, Аве Мария!

Тогда я так часто читала это стихотворение, шептала и молилась, что до сих пор помню его наизусть. Как будто оно было написано для меня, ведь у меня был украден «свет жизни». И я также в тяжелые моменты не видела другого выхода из своей тюрьмы, кроме смерти.

Зная, насколько я зависима от постоянного снабжения фильмами, музыкой и литературой, Похититель получил в свои руки новый инструмент управления. Лишив меня духовной пищи, он мог легче мной манипулировать.

Всякий раз, когда я, по его мнению, вела себя «ненадлежащим образом», следовало ожидать, что дверь в мир слов и звуков захлопнется, лишив меня даже этих мизерных развлечений. Особенно тяжело было в выходные дни. Обычно Похититель приходил в подвал утром и еще раз после обеда или вечером. Но на выходные я оставалась совсем одна. С послеобеденного времени пятницы, а иногда уже с вечера четверга и до самого воскресенья он не показывался мне на глаза. Он обеспечивал меня двумя дневными порциями еды быстрого приготовления, кое-какими свежими продуктами и минеральной водой, которые привозил из Вены. А также видеокассетами и книгами. На неделе я получала видеокассету с сериалами продолжительностью в два часа, а если очень просила, то и в четыре. Это кажется больше, чем было на самом деле. Я же должна была выдержать в одиночестве 24 часа, прерываемые только посещениями Похитителя. В выходные мне перепало от четырех до восьми часов развлечения, записанного на кассету, и следующий экземпляр книги из серии, которую я читала. Но только в том случае, если я выполняла все его условия. Жизненно важную для меня духовную пищу он приносил только тогда, когда я была «молодцом». Что он подразумевал под словом «молодец», знал только он. Иногда хватало мелочи, чтобы последовали санкции.

«Ты использовала слишком много освежителя воздуха, я его забираю».

«Ты пела».

Ты то, ты это. Что касается видео и книг, он точно знал, где находится болевая точка. Как будто, лишив меня моей настоящей семьи, он взял в заложники и членов моей приемной семьи из романов и сериалов, чтобы лучше манипулировать мной. Мужчина, который в начале моего заточения старался сделать мою жизнь более или менее «приятной» и даже мотавшийся на другой конец Вены за записью радиопьесы Биби Блоксберга, начал меняться на глазах с того момента, как объявил мне, что я никогда больше не выйду на свободу.

С этих пор Похититель стал контролировать меня все жестче и жестче. Я и так с самого начала находилась в полной его власти: запертая в подвале, на пяти квадратных метрах, какое сопротивление я могла оказать? Но чем дольше длилось мое заточение, тем меньше довольствовался он только этим внешним проявлением власти. Теперь он хотел установить тотальный контроль надо всем: каждым жестом, каждым словом и каждым движением.

Все началось с таймера. Похититель с самого начала взял власть над светом и тьмой. Приходя в застенок по утрам, он включал свет, уходя вечером, снова гасил его. А теперь он установил таймер, регулирующий электричество в подвале. Если раньше мне иногда удавалось вымолить продление световой фазы, то теперь я должна была подчиняться непреклонному ритму, не поддающемуся влиянию: в семь утра свет включался. Тринадцать часов в этой крошечной, душной комнате ощущалось некое подобие жизни: возможность видеть, слышать, ощущать тепло, готовить, но всё было искусственным, как из реторты. Ни одна лампочка не может заменить солнце, полуфабрикаты только отдаленно напоминают домашний обед за семейным столом, а плоские фигурки, мелькающие на экране телевизора, являются всего лишь жалким подобием живых людей. Но пока работало электричество, я по меньшей мере могла питаться иллюзией, что кроме моей собственной существует еще другая жизнь.

В восемь часов вечера все отключалось. За несколько секунд я погружалась в полную тьму. Телевизор запинаясь на полуслове в середине серии. Я откладывала в сторону книгу, не дочитав до конца предложения. И если я еще не лежала в постели, то должна была ползти к ней на четвереньках, на ощупь. Лампочка, телевизор, видеомэгаффон, радио, компьютер, плитка, духовка и отопление — все, приносящее жизнь в мою камеру, отключалось. Комнату заполняло только монотонное тиканье будильника и мучительный треск вентилятора. На следующие одиннадцать часов я погружалась в мир собственного воображения, чтобы не свихнуться и держать страх под контролем.

Это было похоже на режим в колонии, строго предписанный извне — без единой секунды отклонения, без оглядки на мои потребности. Это была демонстрация власти. Похититель любил жить по графику. А с помощью таймера навязал его и мне.

В первое время у меня оставался аудиоплеер, работающий на батарейках. С его помощью я какое-то время могла удерживать свинцовую темноту хоть на небольшом расстоянии, невзирая на то, что таймер считал мой лимит на свет и музыку истощенным.

Но Похититель не мог позволить, чтобы аудиоплеер нарушал его божественный завет о Свете и Тьме. Он начал контролировать состояние батареек. Если я, по его мнению, использовала плеер слишком долго или слишком часто, он забирал его до тех пор, пока я не обещала исправиться. Как-то раз он еще не успел закрыть внешнюю дверь подвала, как я уже нацепила наушники плеера и начала громко подпевать «Beatles», устроившись на постели. Видимо, он услышал мой голос и в бешенстве ворвался в комнату. За пение Приклопил оштрафовал меня лишением света и еды. И в последующие дни я должна была засыпать без музыки.

Вторым инструментом контроля стала система внутренней связи. Похититель пришел в мой застенок и, прокладывая кабель, объяснял: «Теперь ты сможешь позвонить наверх и вызвать меня». В первый момент я очень обрадовалась и почувствовала, как с души свалился тяжелый камень страха. Мысли, что я могу попасть в бедственное положение, мучили меня с первого дня заточения. Я ведь часто, особенно по выходным дням, оставалась совсем одна и не могла подать знака даже единственному человеку, знающему, где я, — Похитителю. В голове я проиграла многочисленные ситуации — возгорание кабеля, потоп, внезапный аллергический приступ. Шкурка от колбасы могла привести к мучительной смерти в одиночестве, даже в то время, когда Похититель находился в доме. В конце концов, он приходил, когда хотел. Поэтому домофон показался мне спасительным якорем. Только позже я узнала его настоящее назначение. Система функционирует в двух направлениях. Похититель использовал оба для контроля надо мной. Он еще раз хотел продемонстрировать мне свое всемогущество тем, что получив возможность слышать каждый звук, издаваемый мной, мог потом прокомментировать происшедшее.

Первая версия прибора, установленная Похитителем, по существу состояла из одной кнопки, на которую я должна была нажимать, когда мне что-то было нужно. Тогда наверху, в укромном уголке дома, вспыхивала красная лампочка. Однако он не мог постоянно следить за ней, и не желал каждый раз проводить сложную процедуру отпираания дверей подвала, не зная, что мне вообще надо.

А по выходным он и вовсе не мог спускаться вниз. Только намного позже я узнала, что это было связано с посещениями его матери, которая в субботу оставалась у него ночевать: это был бы слишком длительный и вызывающий подозрение процесс — убирать многочисленные преграды между гаражом и моим застенком.

Вскоре временный прибор был заменен на устройство, по

которому можно было переговариваться. Посредством нажатия кнопки в подвал поступали его команды и вопросы:

«Ты расфасовала еду?»

«Ты почистила зубы?»

«Ты выключила телевизор?»

«Сколько страниц ты прочитала?»

«Ты решила задачи?»

Каждый раз, когда его голос прорезал тишину, я подсказывала от страха. Когда он угрожал наказанием за то, что я не сразу ответила. Или слишком много съела.

«Ты снова слопала все за один раз?»

«Я тебе говорил, что вечером ты можешь съесть только один кусок хлеба?»

Домофон был идеальным устройством, чтобы меня терроризировать. Пока я не обнаружила, что и я могу извлечь из него пользу. Сейчас мне кажется удивительным, как при всей извращенной маниакальной жажде контроля Похититель не догадался, что десятилетняя девочка обязательно попытается исследовать аппарат. Я это сделала уже через пару дней.

На приборе находились три кнопки. Если нажать на «разговор», линия работала в двух направлениях. Это был прием, который он мне показал. Если же приемник настроен на «слушать», то я могла слышать голос Похитителя, а он мой — нет. Третья кнопка называлась «период»: прием происходил с моей стороны, наверху же господствовала тишина.

Постоянная конфронтация с ним научила меня многое пропускать мимо ушей. Теперь в этом мне помогала кнопка: когда я была сыта по горло вопросами, контролем и обвинениями, я нажимала на «период». Мне доставляло глубокое удовлетворение, когда его голос замолкал, и это зависело только от меня, от одного нажатия кнопки. Я любила эту кнопку-«период», помогавшую на короткое время выключать Похитителя из моей жизни. Когда Приклопил разгадал мой маленький фокус с помощью указательного пальца, то сначала растерялся, а потом рассердился и впал в ярость. У него не было возможности часто спускаться в подвал, чтобы наказывать меня, так как каждый раз ему требовалось не меньше часа на открывание множества дверей и засовов. Но было ясно, что он придумает что-нибудь новенькое.

И действительно, долго ждать не пришлось. Похититель разобрал домофон с «полезной» кнопкой. Вместо него в застенке появилось радио марки «Siemens». Он вытащил из прибора все внутренние детали и начал колдовать над ними. Тогда я ничего не знала о Похитителе. Позже мне стало известно, что Вольфганг Приклопил раньше работал электротехником по

информационной связи на «Сименсе». Но то, что он хорошо разбирался в сигнализации, радио и других электроприборах, стало ясно мне еще тогда.

Это перестроенное радио стало для меня ужасным орудием пытки. В нем был встроен микрофон такой мощности, что из моей комнаты он переносил наверх любой малейший звук. Теперь Похититель мог без предупреждения просто «включиться» в мою жизнь и каждую секунду контролировать, следую ли я его указаниям. Выключила ли я телевизор. Работает ли радио. Стучу ли я еще ложкой по тарелке. Дышу ли я. Его вопросы преследовали меня даже под одеялом:

«Ты оставила на завтра банан?»

«Ты снова обожралась?»

«Ты помыла лицо?»

«Ты правильно выключила телевизор?»

Я даже не могла соврать, потому что не знала, как долго он меня уже прослушивает. Если я все же отваживалась солгать или не отвечала мгновенно, он бушевал в динамике, пока в моей голове не начинали стучать молоточки. Или же спускался в подвал и наказывал меня, забирая самое важное: книги, видео, еду. Разве что я смиренно каялась в своих проступках, прося прощения за каждый малейший момент моей жизни в застенке. Как будто могло быть что-то, что я могла от него скрыть.

Другим методом заставить меня почувствовать, что я нахожусь под постоянным контролем, была оставленная им наверху не повешенной трубка домофона. Тогда к звуку громко гудящего вентилятора прибавлялся искаженный невыносимый шум, который врвался в мою тюрьму, заполняя ее целиком и преследуя меня в любом ее уголке. Он здесь. Всегда. Он дышит на другом конце провода. В любую секунду он может заорать, и ты вздрогнешь, даже если постоянно готова к этому. От его голоса нет спасения.

Поэтому и сейчас я не удивляюсь своей детской уверенности в том, что Похититель может меня не только слышать, но и видеть. Ведь я не знала, есть ли в моей тюрьме видеокамеры. Каждую секунду, вплоть до отхода ко сну, я чувствовала себя под наблюдением. Ведь он мог установить тепловизор, чтобы контролировать меня и в постели, когда я лежала в полной темноте. Это ощущение парализовало меня, и я не отваживалась лишний раз повернуться с боку на бок. А днем я десять раз оглядывалась по сторонам, прежде чем пойти в туалет. Я же не знала, не следит ли он за мной в этот момент? А может, вместе с ним и другие?

Охваченная паникой, я начала обыскивать застенок в поисках

глазков и скрытых камер, трясаясь от страха, что он увидит, чем я занимаюсь, и спустится вниз. Каждую трещинку в стенных панелях я замазывала зубной пастой, пока не убеждалась, что не осталось ни малейшего пробела. Но ощущение, что за мной непрерывно наблюдают, не проходило.

* * *

«Мне кажется, лишь очень немногие способны в полной мере представить себе те пытки и мучения, которые испытывают несчастные, обреченные долгие годы нести это наказание; я сам могу лишь догадываться об этом, но, сопоставляя то, что я прочел на их лицах, и то, о чем — я знаю — они умалчивают, я еще более утвердился в своем мнении: тут такие страдания, всю глубину которых могут измерить лишь сами страдальцы и на которые ни один человек не вправе обрекать себе подобных. Я считаю это медленное, ежедневное давление на тайные пружины мозга неизмеримо более ужасным, чем любая пытка, которой можно подвергнуть тело; оставляемые им страшные следы и отметины нельзя нащупать, и они не так бросаются в глаза, как рубцы на теле; наносимые им раны не находятся на поверхности и исторгаемые им крики не слышны человеческому уху, — я тем более осуждаю этот метод наказания потому, что, будучи тайным, оно не пробуждает в сердцах людей дремлющее чувство человечности».^[21]

Эти слова написал писатель Чарльз Диккенс в 1842 году об одиночном заключении, применяемом в то время в США и используемом по сей день. Мое одиночное заключение — срок, проведенный исключительно в темнице, без единой возможности хоть раз покинуть пятиметровое помещение, продлилось больше шести месяцев, мое же тюремное заключение — 3096 дней.

Те чувства, которые я испытала, находясь в полной темноте или при длительном «облучении» искусственным светом, было невозможно выразить словами. Только теперь, проштудировав множество исследований ученых о последствиях одиночного заключения и сенсорной депривации — так называется лишение восприятия органов осязания, я достаточно точно могу воспроизвести, что происходило со мной в то время. В одном из научных документов приводятся следующие эффекты «solitary

confinement», так по-английски звучит «одиночное заключение»:

- значительное нарушение дееспособности функций вегетативной нервной системы;

- значительные нарушения гормональных функций;

- нарушение функций органов;

- отсутствие менструации у женщин без физиологически-органических, обусловленных возрастом или беременностью причин (вторичная аменорея);

- обостренное чувство голода: цинорексия / волчий аппетит, гипорексия, булимия;

- в противоположность этому — уменьшение или отсутствие чувства жажды;

- сильные приливы жара и/или холода, не обоснованные соответствующими изменениями температуры окружающей среды или заболеваниями (температура, озноб и пр.);

- значительное нарушение восприятия действительности и познавательной способности;

- сильные нарушения обработки восприятий;

- сильные нарушения физических ощущений;

- нарушения общей концентрации;

- большие затруднения при чтении, вплоть до полной неспособности читать и/или осмысливать, воспроизводить и приводить в логическое соответствие прочитанное;

- большие затруднения при письме, вплоть до полной неспособности писать и/или письменно излагать мысли (аграфия/дисграфия);

- большие затруднения в артикуляции/выражении мыслей, особенно проявляющие себя в областях синтаксиса, грамматики и подборе слов, вплоть до афазии, афразии и агнозии;

- большие затруднения или неспособность вести разговор (на основе замедления функции первичного акустического кортекса височных долей головного мозга из-за недостатка возбуждения).

Дальнейшие нарушения:

- ведение разговоров с самим собой для компенсации акустической и социальной нехватки внешнего воздействия;

- значительное снижение эмоциональности в проявлении чувств (например, по отношению к родным или друзьям);

- внезапные эйфорические состояния, сменяющиеся депрессивными настроениями.

Долговременные последствия для здоровья:

- нарушения в установлении социальных контактов до неспособности создавать эмоционально близкие и долгосрочные партнерские отношения;

- депрессии;

- утрата чувства собственного достоинства;
- возвращение к состоянию изоляции во сне;
- подлежащие лечению нарушения кровяного давления;
- подлежащие лечению кожные заболевания;
- невозможность восстановления способностей, особенно в областях познания (например, в математике), которые имелись до изоляции.

Особенно тяжело заключенные переносили последствия жизни без чувственных восприятий. Сенсорная депривация влияет на мозг, нарушая вегетативную нервную систему и превращая самодостаточного человека в зависимого, после фазы темноты и изоляции легко подверженного влиянию первого же встреченного им. Это применимо и к взрослым людям, добровольно выбравшим такую ситуацию. В январе 2008 года «BBC» выпустила передачу с названием «Тотальная изоляция», очень меня заинтересовавшую. Шесть добровольцев согласились быть запертыми на 48 часов в отсеке атомного бункера. Они очутились в моем положении — что касается темноты и одиночества, но не страха и продолжительности. Несмотря на сравнительно короткий промежуток времени, все шестеро впоследствии отмечали, что потеряли всякое чувство времени и пережили сильные галлюцинации и видения. Одна женщина настаивала на том, что ее постельное белье было сырым. У троих были акустические и визуальные галлюцинации — они видели змей, устриц, машины, зебр. По истечении 48 часов все шестеро потеряли способность решать простейшие задачи. Ни один не смог выполнить задание — назвать слово на «Ф». Один из них потерял 36 процентов памяти. Четверо других гораздо легче поддавались внушению, чем до изоляции, и поверили всему, что говорил первый человек, с которым они встретились по окончании эксперимента. Я же встречалась только с Похитителем.

Когда я сейчас знакомлюсь с результатами подобных исследований, то сама удивляюсь, как смогла пережить это время. По большому счету мою ситуацию можно сравнить с той, на которую согласились взрослые люди ради научных целей. Кроме того, что время моей изоляции было намного длиннее, в моем случае к этому прибавился еще один дополнительный, отягчающий фактор — я понятия не имела, почему именно я попала в эту ситуацию. В то время как политические заключенные могут опираться на свою миссию, и даже невинно осужденные знают, что за их изоляцией стоит юридическая система с ее параграфами, ведомствами и сроками, в моем заключении я не видела никакой враждебной логики. Ее просто не было.

Скорее всего, мне помогло именно то, что я была ребенком, и

гораздо легче, чем взрослые, адаптировалась к самым неблагоприятным обстоятельствам. Но это потребовало от меня огромнейшей самодисциплины, представляющей мне сейчас почти бесчеловечной. По ночам я уносилась в фантастические путешествия сквозь тьму. Днями же я мертвой хваткой держалась за план — в день своего 18-летия взять жизнь в свои руки. Я была полна решимости овладеть необходимыми для этого знаниями, для чего требовала от Похитителя литературу и учебники. И назло всем обстоятельствам я упрямо отстаивала собственное «я» и факт существования моей семьи.

Поскольку приближался День матери, я смастерила подарок для мамы. У меня не было ни клея, ни ножниц — Похититель не дал мне ничего, чем я могла бы пораниться или ранить его. Я нарисовала на бумаге восковыми мелками из моей школьной сумки несколько больших красных сердец, аккуратно вырвала их и приклеила кремом «Nivea» одно на другое. Я живо представляла себе, как передам это сердце маме, оказавшись на свободе. И она узнает, что, даже находясь в разлуке с ней, я все равно не забыла об этом празднике.

* * *

Тем временем реакция Похитителя становилась все более негативной, если он заставлял меня за подобными занятиями или когда я говорила о своих родителях, доме, своей школе. «Твоим родителям ты не нужна, они тебя не любят», — все чаще повторял он. Я отказывалась ему верить: «Это неправда! Мои родители меня любят. Они мне это говорили». Где-то в глубине души я знала, что права. Но мои родители были так недоступны, как будто я оказалась на другой планете. При этом между моим застенком и квартирой матери лежало каких-то 18 километров. 25 минут на машине. Но это относилось к реальному миру, мой же безумный мир лежал в другом измерении. Где я была намного дальше, чем за 18 километров. В царстве деспотичного Короля Червей, где карточные фигуры каждый раз вздрагивали, услышав его голос.

Находясь рядом, он режиссировал каждый мой жест, выражение лица. В его присутствии я должна стоять, как приказано, не смею смотреть ему прямо в глаза. Не открывать рот, пока не спросят. Он заставлял меня встречать его с раболепием и требовал благодарности за любую мелочь, сделанную мне. «Я тебя спас», — часто повторял он и выглядел при этом совершенно убежденным в своих словах. Он был моей

пуповиной, связывающей меня с внешним миром. Свет, еда, книги — все это я могла получить только от него. В любой момент он мог перерезать эту пуповину. Что он позже и сделал, приведя меня почти на край голодной смерти.

Но как бы ни изматывал меня Похититель все возрастающим постоянным контролем и ужесточающимися условиями изоляции, благодарности от меня он так и не дождался. Правда, он не убил и не изнасиловал меня, чего я сначала так боялась и в чем была почти уверена. Ни на секунду я не забывала, что его поступок был преступлением, за что я при желании могла бы его судить, но уж никоим образом не быть благодарной.

Однажды он потребовал, чтобы я называла его «Маэстро». Сначала я не восприняла это всерьез. «Маэстро». Это же смешно, называть себя таким словом. Но он упорно настаивал на этом. «Ты будешь обращаться ко мне „Маэстро!“» В этот момент я поняла, что ни за что не должна уступать. Тот, кто защищается, жив. Мертвый защищаться не может. Я не хотела умирать, даже внутренне, и должна была подготовить отпор.

Я вспомнила слова из «Алисы в стране чудес»: «Вот это да! — думала Алиса. — Мне часто приходилось видеть кота без улыбки, но улыбку без кота — никогда! Это просто поразительно!» Передо мной стоял человек, в котором человеческого становилось все меньше; чей фасад начал обсыпаться, открывая слабую личность. Неудачник в реальной жизни, черпающий силу в подчинении себе маленького ребенка. Жалкое зрелище. Уродливый паяц, требующий называть себя «Маэстро».

Теперь, возвращаясь к этой ситуации, я понимаю, почему отказала ему в подобном обращении. Дети — мастера манипуляций. Инстинктивно почувствовав, насколько большое значение это имеет для него, я поняла, что у меня в руках ключик, открывающий возможность показать мою собственную власть над ним. В тот момент я не думала о последствиях, к которым может привести мой отказ. В моей голове засела единственная мысль, что такое поведение с моей стороны уже раз увенчалось успехом.

В общине Марко-Поло я иногда выводила на прогулку бойцовых собак клиентов моих родителей. Хозяева наказывали мне никогда не брать собак на длинный поводок — они могли воспользоваться большой свободой передвижения. Нужно крепко держать их непосредственно возле ошейника, чтобы в любой момент дать понять, что любая попытка к бегству наткнется на сопротивление. И ни в коем случае не выдавать свой страх перед ними. Если это удавалось, то собаки даже в руках ребенка, каковым я тогда и являлась, становились ручными и

послушными.

И сейчас, глядя на стоящего передо мной Приклопила, я твердо решила не дать запугать себя этой угрожающей ситуацией и крепко схватить его за ошейник. «Я этого не сделаю», — произнесла я твердым голосом, глядя прямо ему в лицо. От удивления он вытаращил глаза, протестовал, пытался все же заставить меня называть его Маэстро, но в конце-концов оставил эту тему.

Это стало для меня отправным пунктом, даже если я не отдавала себе в этом ясного отчета. Я проявила твердость, и Похититель отступил. Наглая усмешка Чеширского кота исчезла. Вместо нее остался человек, совершивший злое деяние, от перемены душевных состояний которого зависела моя жизнь, но в определенной мере зависимый и от меня.

В последующие недели и месяцы мне стало легче с ним общаться, представляя его бедным нелюбимым ребенком. Из множества детективов и телефильмов я, видно, выудила, что люди, получившие недостаточно материнской любви и домашнего тепла, становятся злыми. Теперь я понимаю, что это был жизненно важный защитный механизм — моя попытка увидеть в Похитителе человека, который был злым не изначально, а стал таким в течение жизни. Это ни в коем случае не ставило под сомнение его преступление, но помогало мне его простить. С одной стороны, я представляла его сиротой, получившим в детском доме ужасный опыт, от которого он страдает до сих пор. С другой — я пыталась убедить себя в том, что у него, конечно, есть и хорошие стороны. Ведь он исполнял мои желания, приносил радости, обеспечивал меня всем необходимым. Я думаю, при моей полной зависимости от него это было единственной возможностью поддерживать с Похитителем отношения, жизненно важные для меня. Отнесись я к нему исключительно негативно, ненависть разъела бы меня изнутри, и лишила бы меня жизненных сил. Благодаря тому, что в тот момент за маской преступника я смогла разглядеть маленького, заблудившегося и слабого человека, я оказалась в состоянии сделать шаг ему навстречу.

И действительно, пришел момент, когда я ему об этом сообщила. Я посмотрела ему в глаза и сказала: «Я прощаю тебя. Каждый иногда совершает ошибку». Это был шаг, который многим может показаться странным и непонятным. В конце концов, его «ошибка» стоила мне свободы. Однако это было единственно правильным решением. Иначе я бы не выжила.

Все же я никогда не испытывала к нему доверия, это было невозможно. Я заключила с ним договор. Я «утешала» его по

поводу совершенного им по отношению ко мне преступления, в то же время я апеллировала к его совести, дабы он раскаялся и, по меньшей мере, хорошо обращался со мной. За это он платил тем, что время от времени выполнял мои маленькие желания: приносил то журнал о лошадях, то карандаш, то новую книгу. Иногда он заявлял: «Я исполняю любое твоё желание!» Я тогда отвечала: «Если ты исполняешь все мои желания, почему не выпустишь меня на свободу? Я так скучаю по родителям!» Его ответ всегда звучал одинаково, и я его знала наизусть: мои родители меня не любят, и он никогда меня не освободит.

Через пару месяцев в застенке я в первый раз попросила его меня обнять. Мне так не хватало утешительного прикосновения и ощущения человеческого тепла. Это было нелегко. Близость и прикосновения являлись большой проблемой для Похитителя. На меня же, если он прижимал меня слишком крепко, нападала слепая паника и клаустрофобия. После нескольких попыток нам все же удалось найти золотую середину: не слишком тесно и не слишком близко — так, чтобы я могла выдержать это объятие, но достаточно близко, чтобы я могла вообразить, будто меня обнимает любящий и заботливый человек. Это был мой первый физический контакт за несколько месяцев. Для десятилетней девочки — бесконечно долгий срок.

ПАДЕНИЕ В НИКУДА

Похищение личности

«У тебя больше нет семьи. Я твоя семья: твой отец, твоя мать, твоя бабушка и твои сестры. Теперь я для тебя все. У тебя больше нет прошлого. Тебе намного лучше у меня. Тебе повезло, что ты попала ко мне, и я так опекаю тебя. Ты принадлежишь мне. Я тебя создал!»

Осенью 1998 года, через полгода после моего похищения, я впала в тоску и депрессию. Пока я крепко сидела в своей тюрьме, вычеркивая дни заточения в календаре, мои одноклассники по окончании 4-го класса вступили в новую фазу своей жизни. Потерянное время. Одинокое время. Я так скучала по своим родителям, что по ночам от тоски по их доброму слову, по их объятиям, съезживалась на своем лежаке. Я чувствовала себя такой бесконечно маленькой и слабой, что утратила волю к сопротивлению. Когда я ребенком была подавлена и угнетена, мама напускала для меня полную ванну горячей воды, кидала туда пестрые шарики для купания с отливающими шелком боками и добавляла столько пенки, что я утопала в ее шелестящих, ароматных облаках. После купания она закутывала меня в толстое банное полотенце, укладывала в постель и укрывала одеялом. С этим у меня всегда было связано чувство абсолютной защищенности. Чувство, которого я уже так долго была лишена.

Похититель не знал, как вытащить меня из состояния депрессии. Входя в подвал, он растерянно смотрел на меня, безразлично сидящую на постели. Он никогда не говорил о моем настроении напрямую, но пытался развеселить меня, принося мне новые игры и фильмы, а также больше фруктов. Но мое мрачное настроение не улучшалось. Могло ли быть иначе? Я страдала не от недостатка развлечений, а от того, что была безвинно прикована цепью к фантазиям мужчины, давно вынесшего мне пожизненный приговор. Я тосковала по чувству уюта и защищенности, всегда охватывающему меня после горячей ванны. В один из дней, когда Похититель пришел в подвал, я начала упрашивать его, чтобы он позволил мне принять ванну. Нельзя ли мне, пожалуйста, разочек искупаться? Я без конца просила его об этом. Не знаю, надоели ли ему мои просьбы или он сам пришел к решению, что действительно настало время для принятия полноценной ванны. В любом случае, через несколько дней

просьб и уговоров он ошарашил меня разрешением искупаться. Если я буду себя хорошо вести.

Я вырвусь из застенка! Мне можно подняться наверх и принять ванну!

Но что обозначало это «наверх»? Что меня там ожидает? Я колебалась между радостью, неуверенностью и надеждой. Может быть, он оставит меня одну, и вдруг могла бы появиться возможность бежать...

Прежде чем Похититель пришел за мной в подвал, прошло еще несколько дней. Он использовал их для того, чтобы выбить из моей головы любые мысли об освобождении: «Если ты закричишь, мне придется с тобой что-то сделать. Все двери и окна начинены взрывчаткой. Попробуешь открыть окно, взлетишь на воздух». Он приказал мне держаться подальше от окон и следить за тем, чтобы меня не было видно снаружи. Если же я хоть на йоту нарушу его указания, он убьет меня на месте. Я ни на секунду не сомневалась в этом. Он похитил и запер меня. Почему же он не сможет меня убить?

Когда в один из вечеров он наконец открыл дверь в мой застенок и повелел следовать за ним, ноги меня не слушались. В рассеянном свете за дверью моей каморки я увидела маленький, расположенный чуть выше порога моего узилища и косо срезанный коридор с сундуком. За ним тяжелую деревянную дверь, ведущую в следующий проход. Там мой взгляд упал на тяжелое раздутое страшилище на левой, более узкой, стороне стены. Дверь из железобетона. 150 килограммов. Утопленная в 50-сантиметровой толще стены, блокируемая снаружи железной задвижкой сложной конструкции, входящей в стенную кладку.

Так написано в полицейских актах. Я не могу описать словами, какие чувства вызвал во мне вид этой двери. Я была замурована. Герметично заперта. Похититель постоянно напоминал мне о взрывчатке, сигнализации и проводах, с помощью которых он может пустить ток к дверям моего застенка. Высшая мера безопасности для одного ребенка. Что бы со мной стало, если бы с ним что-то случилось? Мой страх подавиться кожей от колбасы показался мне просто смешным по сравнению с тем, что могло случиться, если бы он упал, сломал руку и оказался в больнице. Заживо погребенная. Точка.

Мне не хватало воздуха. Нужно выбраться отсюда. Сейчас же.

За стальной дверью открылся вид на узкий проход. Высота — 68,5 см. Ширина: 48,5 см. Когда я стояла, его нижний край находился где-то на уровне моих колен. Похититель уже ждал на другом конце коридора, и я видела его ноги, силуэт которых четко выделялся на светлом фоне. Тогда я встала на колени и

поползла на четвереньках вперед. Черные стены казались осмоленными, воздух был затхлым и влажным. Выбравшись из прохода, я обнаружила себя стоящей в ремонтной яме для машин. Прямо рядом с отверстием лаза стояли разобранный сейф и комод.

Похититель снова приказал мне идти за ним. Узкий лестничный пролет, стены из серых бетонных плит, ступени, высокие и скользкие. Три вниз, девять вверх, через люк, и я оказалась в гараже.

Меня как будто оглушили. Две деревянные двери. Дверь из железобетона. Узкий лаз. Перед ним массивный сейф, который Похититель, когда я находилась в подвале, придвигал к выходу с помощью железного рычага, прикручивал к стене и дополнительно подводил к нему электрический ток. Комод, скрывающий сейф и лаз. Половицы, прикрывающие люк в ремонтную яму.

Я и раньше знала, что не смогу взломать дверь моей тюрьмы, что любая попытка побега из застенка не имеет смысла. Я также осознавала, что могу сколько угодно колотить в стены и кричать, никто меня не услышит. Но только здесь, наверху, в гараже мне внезапно стало ясно, что меня никто и никогда не сможет найти. Вход в застенок был так идеально замаскирован, что у полиции не было ни малейшего шанса обнаружить меня при обыске дома. Шок отступил, когда чувство страха перебило еще более сильное впечатление — воздух, ворвавшийся в мои легкие. Я вдыхала его глубоко, снова и снова — так умирающий от жажды в последнюю секунду достигает спасительного оазиса и с головой кидается в живительную влагу. За месяцы в подвале я совершенно забыла, как это здорово — дышать свежим воздухом, а не сухим и пыльным, вдуваемым в мою крошечную подвальную нору вентилятором. Его треск, поселившийся постоянным фоном в моих ушах, вдруг ослаб, глаза постепенно привыкали к незнакомым контурам, и первое напряжение начало потихоньку спадать.

Но моментально вернулось, когда Похититель жестом приказал мне не издавать ни звука. После этого провел по коридору и четырем ступенькам в дом. Здесь стоял сумрак, все жалюзи были опущены. Кухня, коридор, гостиная, прихожая. Помещения, в которые я поочередно входила, казались мне нереальными, почти до смешного огромными и просторными. Со 2 марта я перемещалась в пространстве, где самой большой дистанцией были два метра. Я могла осматривать крошечное помещение из любого угла и видеть, что ожидает меня в следующий момент. Здесь же размер комнат поглощал меня как

огромная волна. И тут за каждой дверью, за каждым окном меня могла поджидать неприятная неожиданность, зло. Ведь я не знала, живет ли Похититель один, сколько человек принимали участие в преступлении и что они могут сделать со мной, если увидят «наверху». Мне так часто повторялось о «других», что они мерещились мне на каждом шагу. Также мне казалось возможным, что у него есть семья, посвященная во все и только и ожидающая, чтобы поглумиться надо мной. Любой вид преступления казался мне реальным.

Похититель выглядел возбужденным и нервным. По пути к ванной комнате он постоянно цыкал на меня: «Помни об окнах и сигнализации. Делай, как я скажу. Я тебя убью, если ты закричишь!» После того, как я увидела подход к моей темнице, я ни на минуту не усомнилась бы, если бы он сказал, что весь дом заминирован. Пока я с опущенными глазами, как было велено, следовала за ним, в моей голове носился целый рой мыслей. Я лихорадочно размышляла, как мне с ним совладать, чтобы сбежать. Но ничего не могла придумать. Ребенком я не была трусихой, но всегда немного боязливой. Он был настолько сильнее и быстрее меня, что если бы я бросилась бежать, он настиг бы меня уже через два шага. А попытка открыть двери и окна была равносильна самоубийству. До самого своего освобождения я верила в эти сомнительные меры безопасности.

Разумеется, уже тогда это было больше, чем внешнее насилие, заключающееся в непреодолимости множества стен и дверей и физическом превосходстве Похитителя, которые препятствовали мне в попытке побега. Тогда уже был заложен краеугольный камень психологической тюрьмы, вырваться из которой у меня оставалось все меньше шансов. Я стала забитой и боязливой. «Если ты будешь сотрудничать, с тобой ничего не случится». Эти слова Похититель привил мне еще вначале, угрожая самыми страшными карами, вплоть до смерти, если я не буду слушаться. Я была ребенком и привыкла подчиняться авторитету взрослых — особенно если они предупреждали о последствиях. Здесь же единственным авторитетом был он. Даже если бы дверь в тот момент была открытой, я не знаю, хватило ли бы у меня смелости бежать. Так домашняя кошка, которую первый раз в жизни выпустили из дома, сидит на пороге и жалобно мяукает, не зная, что ей делать с неожиданной свободой. А за моей спиной не было безопасного дома, куда я могла бы вернуться, а только мужчина, готовый защищать тайну своего преступления ценой жизни. Я находилась в таком глубоком плену, что плен уже давно поселился в глубине меня.

Похититель наполнил пенную ванну и подождал, пока я

разденусь и войду в воду. Мне мешало, что он не оставляет меня одну даже здесь. С другой стороны, я уже привыкла при мытье в подвале, что он видит меня голой, поэтому не сильно протестовала. Когда я погрузилась в теплую воду и закрыла глаза, мне в первый раз за последнее время удалось отключиться от действительности. Белые волны пены захлестывали мой страх, танцевали по темному подвалу, вымывали меня из дома и уносили прочь. В нашу ванную комнату, в объятия моей мамы, которая ждала бы меня с большим подогретым полотенцем, чтобы сразу отнести в постель.

Прекрасная картина лопнула, как мыльный пузырь, как только Похититель велел мне поторопиться. Полотенце было грубым и пахло чужим. Никто не отнес меня в постель. Вместо этого я снова оказалась внизу, в моем темном застенке. Я слышала, как он закрывает за мной деревянные двери, захлопывает и запирает на замки железобетонное чудище. Я представила, как он пробирается сквозь лаз, задвигает отверстие сейфом, привинчивает его к стене и напоследок загораживает комодом. Лучше бы я не видела, как герметично изолирована от внешнего мира. Я легла на свой матрас, свернулась калачиком и попыталась вернуть моей коже ощущение мыла и теплой воды. Ощущение дома.

* * *

Несколько позже, осенью 1998 года, Похититель снова повернулся ко мне своим заботливым лицом. Может быть, его мучили угрызения совести? В любом случае он решил, что мой застенок должен приобрести более жилой вид.

Работы продвигались очень медленно; с каждой доской и каждым ведром краски приходилось проделывать долгий путь, а полки и шкафчики можно было собрать только уже в подвале. Мне было позволено выбрать цвет стен, и я пожелала обои, которые должны быть покрашены в розовый цвет. Точно так же, как стены в моей детской комнате дома. Краска называлась «Эльба блестящая». Позже Похититель покрасит этой же краской свою гостиную. Он же не может хранить у себя дома ведро с остатками краски, следов которой не видно ни на одной стене, объяснял он, будучи постоянно настороже, в ожидании облавы полиции, боясь оставить хоть малейшую зацепку для подозрений. Как будто полиция еще интересовалась мной. Стали бы они обращать внимание на такую ерунду, если даже не отреагировали на прямые указания свидетелей и не обследовали машину

преступника.

Вместе с плитами из гипсокартона, за которыми метр за метром исчезала деревянная обшивка, таяли и мои воспоминания о начале моего пребывания в темнице. Нарисованный мною комод из передней, генеалогическое древо, Аве Мария. Но все же то, что возникало вместо этого, нравилось мне намного больше: стены давали ощущение, как будто я дома. Когда обои были наклеены и покрашены, в застенке так сильно воняло химией, что несколько дней после этого меня тошнило. Маленький вентилятор не справлялся с интенсивными испарениями свежей краски.

Затем последовала сборка двухъярусной кровати. Приколопил собрал ее из принесенных им в подвал досок и стоек из светлой сосны. Когда кровать высотой в хорошие полтора метра встала на место, она заняла почти всю ширину комнаты. Мне было позволено нанести на потолке над ней какой-нибудь орнамент. Я остановилась на трех красных сердечках, которые аккуратно нарисовала. Они предназначались для мамы. Когда я на них смотрела, то думала о ней.

Но самым сложным оказалось монтирование лестницы: из-за неправильных углов прихожей, ведущей в застенки, она никак не проходила в дверь. Похититель пробовал и так и сяк, потом вдруг исчез и появился уже с электродрелью в руках. С ее помощью он разобрал дощатую стенку, отделявшую прихожую от моей камеры, и затащил лестницу в застенок. В тот же день он установил перегородку на место.

Когда начался монтаж полок, мне открылась еще одна сторона Похитителя, шокировавшая меня. До этого он иногда кричал на меня, порой унижал и оскорблял или грозил самыми страшными карами, чтобы принудить к смирению, но никогда не терял контроль над собой. Сейчас он стоял передо мной с дрелью в руке, привинчивая доску. Совместная работа в подвале сделала меня несколько доверчивее по отношению к нему, и я ляпнула наобум: «Почему ты прикручиваешь эту доску именно сюда?», на минуту забыв, что могу открывать рот только с его разрешения. В долю секунды Похититель впал в бешенство, начал орать — и швырнул в меня тяжелую дрель. В последний момент перед тем, как бормашина грохнулась о стену, мне удалось увернуться. От испуга я перестала дышать и только смотрела на него большими глазами.

От этого внезапного припадка ярости физически я не пострадала — дрель меня даже не задела. Но этот случай нанес мне психологическую травму, открыв новое измерение наших отношений с Похитителем. Теперь я знала, что в случае

неповиновения он может причинить мне боль. Это сделало меня еще более пугливой и управляемой.

В ту ночь после первой вспышки насилия Похитителя я лежала на своем тонком матрасе в новой двухъярусной кровати. Дребезжащий звук вентилятора, казалось, возникал прямо возле моих ушей, ввинчиваясь в мой мозг так, что мне хотелось кричать от отчаяния. Холодный воздух с потолка дул мне прямо в ноги. В то время, как дома я могла долго лежать на спине, вытянувшись во весь рост, здесь, чтобы укрыться от неприятного сквозняка, мне нужно было свернуться калачиком как эмбрион и подоткнуть одеяло со всех сторон, укутав ноги. Но все же теперь я лежала на более мягком матрасе, чем мой «садовый» лежак, и у меня было достаточно места, чтобы поворачиваться. Кроме того, у меня были новые обои. Я протянула руку, дотронулась до них, закрыла глаза и вспомнила мебель из моей детской, кукол и плюшевые игрушки. Расположение окон и двери, занавески, запах. Если я буду усиленно думать об этом и засну, держа руку на стене, то проснусь все так же, с рукой на стене, но в моей собственной комнате. Моя мать принесет мне чай в постель, и я смогу отнять руку от обоев, и все снова будет хорошо.

Каждый вечер я так и засыпала — рука на обоях, в уверенности, что однажды проснувшись, окажусь в своей детской комнате. В то время я верила в это, как в сказочное заклинание, которое когда-нибудь сбудется. Позже прикосновение к обоям стало как ежедневная клятва самой себе. И я ее сдержала: когда через восемь лет я в первый раз после заточения пришла к матери, то легла на кровать в своей детской, где совсем ничего не изменилось, и закрыла глаза. Как только я прикоснулась рукой к стене, все воспоминания моментально вернулись, а особенно первое: маленькая десятилетняя Наташа, в отчаянии пытающаяся сохранить веру в себя, и прижимающая ладошку к стене темницы. «Я снова здесь, — шептала я, — видишь, это сработало».

* * *

Чем дальше год двигался к концу, тем глубже становилась моя печаль. Вычеркнув в календаре первые дни декабря, я впала в такую тоску, что меня не порадовал даже шоколадный Крампус, [22] принесенный Похитителем на День святого Николая. Приближалось Рождество. Мысль провести праздники в подвальном одиночестве была невыносимой.

Как для любого ребенка, Рождество было для меня главным праздником года. Аромат печенья, украшенная елка,

предвкушение подарков, вся семья, которая соберется вместе в этот день. Эта картина стояла перед моими глазами, пока я безучастно снимала фольгу с шоколадки. Скорее, это была картина детства, не имеющая ничего общего с последним Рождеством, проведенным с моей семьей. Как всегда мои племянники пришли в гости, но свои подарки они получили еще дома. Я оказалась единственным ребенком при раздаче подарков. Что же касается украшения елки, моя мать всегда питала слабость к новым тенденциям моды, так что сейчас дерево сверкало мишурой и лиловыми шарами. Под ним возвышалась груда подарков для меня. Пока я один за другим разворачивала пакеты, взрослые сидели на диване и под болтовню радио листали журнал о татуировках. Такое празднование Рождества было для меня глубочайшим разочарованием. Мне даже ни разу не удалось убедить кого-нибудь спеть рождественскую песню, а я так гордилась тем, что знала наизусть несколько песен, выученных в школе.

Только на следующий день, когда мы праздновали у моей бабушки, меня охватило рождественское настроение. Мы все собрались в соседней с гостиной комнате и торжественно спели «Ночь тиха».^[23] А потом я прислушивалась, полная радостного предвкушения, когда же раздастся нежный звук колокольчика. Христос родился. Дверь в гостиную распахнулась и в свете свечей из настоящего пчелиного воска перед нами предстала Рождественская елка, распространявшая божественный аромат. Моя бабушка всегда украшала елку по старой крестьянской традиции — соломенными звездами и стеклянными шариками, тонкими и прозрачными, как мыльные пузыри.

Именно так я представляла себе Рождество. И таким оно должно остаться и в этом году. Но как это сделать? Я вынуждена встречать самый большой семейный праздник без семьи. От одних мыслей об этом мне становилось жутко. Но с другой стороны, в моей голове снова и снова крутились мысли о том, что Рождество дома меня все равно всегда только разочаровывало. И что я в своей изоляции, конечно, приукрашивала прошлое.

Я могла бы попробовать хоть приблизительно осуществить в этом подzemелье свои мечты о настоящем Рождестве. Используя подручные материалы, я решила создать себе праздник, который стал бы отправной точкой фантастического путешествия в рождественские дни в доме моей бабушки.

Похититель поддержал меня в этой игре. Тогда я была бесконечно благодарна ему за то, что он создал видимость настоящего Рождества. Теперь я думаю, что он, скорее всего, это делал не для меня, а по внутреннему принуждению. Следование

праздничным традициям было и для него чрезвычайно важно — праздники создавали четкую структуру и определенные правила, а без правил и структур, за которые он держался с доходящей до смешного неукоснительностью, он не мог жить. Естественно, несмотря на это, он не обязан был потакать моим желаниям. То, что он все-таки это делал, могло быть связано с его воспитанием — оправдывать ожидания и соответствовать тем представлениям, которые от него ждали окружающие. Сейчас я знаю, что он всегда терпел поражение в отношениях с отцом, требовавшим от него соответствия этим установкам. Признание отца, так необходимое ему, видимо, так и осталось его недостижимой мечтой. Такое поведение Похитителя по отношению ко мне было спорадическим, а потому еще более абсурдным. В конце концов, он похитил и запер меня в подвале. Собственно, это была не та ситуация, при которой учитывают ожидания и пожелания своей жертвы — все равно, как если бы он кого-то душил и при этом интересовался, удобно ли тот лежит и не слишком ли сдавливает горло. Но тогда я не обращала на это внимания. Я была по-детски удивлена и благодарна Похитителю за то, что он так старается для меня.

Я понимала, что не получу настоящую елку, поэтому попросила принести искусственную. Мы вместе распаковали коробку и водрузили дерево на тумбочку. Получив нескольких ангелочков и немного сладостей, я потратила много времени на украшение маленькой елочки.

В сам рождественский вечер я осталась совсем одна и смотрела телевизор, пока не выключился свет, изо всех сил стараясь запретить себе мысли о моей семье, празднующей дома. Похититель отмечал как этот, так и все последующие рождественские праздники у своей матери или она у него — конечно, тогда я об этом ничего не знала. Только на следующий день мы праздновали вместе. Я была поражена, что он исполнил все мои желания. Я попросила маленький учебный компьютер, такой же, как год назад получила в подарок от родителей. Этот был не настолько хорош, как тот, но я все равно была переполнена счастьем, что теперь могу учиться, не посещая занятий. Я же не хотела выглядеть совсем отсталой, если когда-нибудь все-таки выйду на свободу. Еще он подарил мне альбом для рисования и коробочку акварельных красок «Pelikan», точно таких же, как я получила от отца: 24 цвета, включая золотой и серебряный, как будто Похититель вернул мне кусочек жизни. В третьей упаковке обнаружился набор «Закрашивать цифры» с масляными красками. И такие у меня были дома. Я радовалась часам занятости, которую обещало мне педантичное

закрашивание.

Единственное, что я не получила от Похитителя, был скипидар. Он опасался, что от него в маленьком застенке возникнут вредные испарения.

Все дни после Рождества я проводила в рисовании и занятиях на компьютере. Я старалась видеть свою ситуацию в позитивном свете и как можно дальше отгоняла мысли о своей семье, специально пробуждая не очень приятные воспоминания о прошлом Рождестве. Я пыталась убедить себя в том, что это очень интересный опыт — узнать, как празднуют другие взрослые. Еще я была страшно благодарна за то, что вообще получила возможность отпраздновать Рождество.

Свой первый канун Нового года в плену я провела в полной темноте. Я лежала в кровати и напряженно прислушивалась — вдруг я поймаю отголосок новогоднего фейерверка, который гремит в полночь в том мире наверху. Но мои уши улавливали только монотонное тиканье будильника и жужжание вентилятора. Позже я узнала, что Похититель всегда проводил новогоднюю ночь со своим другом Хольцапфелем. Он скрупулезно готовился к празднику и покупал самые дорогие ракеты для фейерверка. Однажды, когда мне, должно быть, было 14 или 15, Похититель разрешил мне из окна дома понаблюдать, как он ранним вечером запускает в воздух ракету. А в 16 лет мне уже было позволено, стоя в саду, полюбоваться, как ракета рассыпает по небу дождь серебряных шаров. Но это произошло уже в то время, когда заключение стало настолько неотделимой частью моего «я», что Похититель больше не боялся выводить меня из дома. Он знал, что за это время стены моей внутренней тюрьмы так выросли, что я не воспользуюсь попыткой к бегству.

* * *

Год, в который произошло мое похищение, остался позади, а я все еще находилась в заточении. Внешний мир отодвигался все дальше, воспоминания о прошлой жизни становились все более призрачными и почти нереальными. Мне уже не верилось, что еще меньше года назад я была школьницей, после обеда играла, выезжала с родителями на природу, вела обычное существование.

Я пыталась, насколько возможно, свыкнуться с жизнью, в которую была насильственно втянута. Не всегда это было легко. Контроль Похитителя оставался абсолютным. Его голос из громкоговорителя действовал мне на нервы. В моей крошечной темнице я, с одной стороны, ощущала себя погребенной глубоко

под землей, а с другой — выставленной в витрине, где можно наблюдать за каждым моим движением.

Теперь я регулярно поднималась наверх в дом. Почти каждые две недели мне разрешалось принимать душ и иногда по вечерам ужинать и смотреть телевизор вместе с Похитителем. Я радовалась каждой минуте, проведенной вне подвала, но и в доме меня не покидал страх. Между тем я уже знала, что он живет там один и меня не подкарауливают неизвестные, но моя нервозность от этого не уменьшалась. Он со своей паранойей позаботился о том, что бы я не смогла расслабиться даже на несколько секунд. Находясь наверху, я чувствовала себя на невидимом поводке у Похитителя: должна была находиться от него на определенном расстоянии — не больше и не меньше одного метра, иначе он сразу же взрывался. Он требовал, чтобы я всегда держала глаза опущенными и не смела их поднимать.

После всех этих бесконечных часов и дней, которые я проводила в полной изоляции в подвале, я стала очень восприимчивой ко всем его указаниям и манипуляциям. Недостаток света и человеческого общения так меня ослабили, что мне больше нечего было ему противопоставить, кроме привычного противодействия, которое я не ослабляла, и которое помогало удерживать необходимые мне границы. О побеге я почти перестала думать. Как будто невидимый поводок, на котором Похититель держал меня наверху, становился все более реальным. Как будто я действительно была прикована к нему цепью и психологически больше не в состоянии отойти дальше или подойти ближе, чем на метр от него. Похититель настолько упрочил мой страх перед внешним миром, в котором меня не любили, по мне не скучали, меня не искали, что он почти вытеснил тоску по свободе.

Находясь в подвале, я пыталась все время занять себя какой-нибудь деятельностью. По выходным, которые я проводила в одиночестве, я, как и раньше, часами мыла и убирала, пока все не начинало блестеть и пахнуть свежестью. Я много рисовала и использовала малейший клочок бумаги в альбоме для рисования: моя мать в длинной юбке, отец с его огромным животом и усами, я, смеющаяся, между ними. Я рисовала сияющее желтое солнце, которое не видела долгие месяцы, дома с дымящимися трубами, пестрые цветы и играющих детей. Фантастические миры, позволяющие мне на несколько часов забывать о том, как выглядит моя действительность.

Как-то Похититель принес мне книжку поделок. Она была предназначена для дошкольников и скорее расстроила, чем развеселила меня. Веселое запускание бумажных самолетиков на

пяти квадратных метрах было просто невозможным. Лучшим подарком стала кукла Барби, которую я получила вскорости, и крохотный швейный набор, какие часто лежат в отелях. Я была бесконечно благодарна за эту длинноногую красотку из пластика, составившую мне компанию. Это была Барби-наездница в высоких сапогах, белых брюках, с красным поясом и хлыстом в руке. Несколько дней подряд я просила Похитителя принести мне лоскутки ткани. Иногда требовалось много времени, чтобы он выполнил подобное желание. И то только в том случае, когда я беспрекословно выполняла все его указания. Например, если я плакала, он на несколько дней лишал меня таких благ, как жизненно важные для меня книги и видеокассеты. Чтобы что-нибудь получить, надо было постоянно благодарить и хвалить его за все, что он для меня делал, вплоть до факта моего похищения.

В конце концов он сдался и принес мне старую футболку. Белую футболку-поло из мягкого гладкого джерси с нежным голубым узором. Ту самую, которая была на нем в день моего похищения. Я не знаю, забыл ли он об этом или в своей мании преследования просто хотел избавиться от нее. Из одного куска материала я сшила для моей Барби коктейльное платье с тоненькими ляпочками-спагетти из ниток и элегантный асимметричный топик. Из веревки, найденной среди моих школьных вещей, и одного рукава я смастерила футляр для своих очков. Позже мне удалось уговорить Похитителя отдать мне старую матерчатую салфетку, которая после стирки стала синей, и он использовал ее в качестве тряпки. Из нее для моей куклы получилось бальное платье с тоненьким пояском из резинки на талии.

Позже я сплела из проволоки подставку для кастрюль и смастерила маленькие произведения искусства из бумаги. Похититель принес мне в темницу набор для рукоделия со спицами, на которых я упражнялась в вязании и плетении крючком. Будучи еще на свободе, школьницей, я никогда этого по-настоящему не умела. Когда я совершала ошибку, учителя быстро теряли со мной терпение. Теперь у меня было навалом времени, никто не стоял у меня над душой, и я могла всегда начать сначала, пока не доводила свои маленькие работы до совершенства. Такое рукоделие было моим психологическим спасательным кругом. Оно избавляло меня от безумия одинокой бездеятельности, к которой я была принуждена. При этом я почти медитировала, думая о своих родителях, для которых и мастерила эти маленькие подарки — на тот случай, если снова окажусь на свободе.

Но о том, что эти поделки предназначены моим родителям,

Похитителю я не могла обмолвиться ни словом. Перед его приходом я прятала рисунки и старалась не упоминать родителей, так как, если я заговаривала о моей прошлой жизни до заключения, он реагировал все более раздраженно. «Твои родители тебя не любят, им на тебя наплевать, иначе они заплатили бы выкуп», — каждый раз повторял он, если я жаловалась, как соскучилась по ним. Тогда же, где-то весной 1999 года, последовал запрет. Я не имела права больше никогда упоминать о родителях и говорить о том, что происходило в моей жизни до похищения. Мама, отец, сестры и племянники, школа, последняя лыжная экскурсия, мой десятый день рождения, дача отца, мои кошки. Наша квартира, мои привычки и магазин матери. Моя учительница, школьные друзья, моя комната: на все, что было раньше, было наложено табу.

Запрет на мое прошлое стал стандартным компонентом посещений Похитителя меня в застенке. Стоило мне только заикнуться о родных, как на него нападал приступ бешенства. Если я начинала плакать, он выключал свет и оставлял меня в темноте до тех пор, пока я снова не становилась «паинькой». Быть паинькой обозначало: я должна благодарить его за то, что он «освободил» меня от жизни до похищения. «Я тебя спас. Теперь ты принадлежишь мне», — часто повторял он. Или: «У тебя больше нет семьи. Я твоя семья: твой отец, твоя мать, твоя бабушка и твои сестры. Теперь я для тебя все. У тебя больше нет прошлого», — вбивал он в меня. «Тебе гораздо лучше у меня. Тебе повезло, что ты попала ко мне, и я так опекаю тебя. Ты принадлежишь только мне. Я тебя создал!»

* * *

«Видя, какую постыдную жизнь ведут женщины, Пигмалиона отвратили грехи, которыми их щедро одарила природа, и потому он жил один, без жены и давно уже не имел возлюбленной. В это время он своим волшебным искусством преобразил белоснежную слоновую кость, придав ей форму, которую не могла бы иметь ни одна из земных женщин»

(Овидий, «Метаморфозы»).

Теперь я думаю, что с помощью своего жуткого преступления Вольфганг Прикклопил не добивался ничего другого, как создать свой маленький, совершенный мирок с человеком, который бы целиком и полностью принадлежал ему. Обычными путями ему

этого достичь не удалось, и поэтому он решил кого-то вынудить и сформировать для этой цели. На самом деле он не мечтал ни о чем большем, кроме любви, участия, тепла. Ему хотелось иметь рядом кого-то, для кого он стал бы самым важным человеком на свете. Видимо, он не нашел другого способа, кроме как похитить застенчивую десятилетнюю девочку, надолго отрезать ее от внешнего мира, чтобы привести в такую психическую форму, из которой можно «слепить» нечто новое.

В тот год, когда мне исполнилось одиннадцать, он лишил меня моего прошлого и моего собственного «я». Я должна была стать для него листом чистой бумаги, на которой он сможет записать свои больные фантазии. Мне было отказано даже в собственном отражении в зеркале. Если уж я не могла видеть свое отражение в социальном общении с другими, кроме Похитителя, людьми, то по меньшей мере хотела видеть свое лицо в зеркале, чтобы окончательно не потерять себя. Но мои просьбы хоть о маленьком зеркальце постоянно отклонялись. Только через несколько лет я получила «Алиберт»^[24] с зеркалом. Впервые заглянув в него, вместо прежде знакомых детских черт я увидела чужое лицо.

Неужели он действительно по-новому сотворил меня? Сейчас, спрашивая себя об этом, я не могу найти однозначный ответ. С одной стороны, он не на ту напоролся. Все его потуги разрушить меня, чтобы создать собственное творение, наталкивались на сопротивление. Ему так и не удалось меня сломить.

С другой стороны, его попытки сделать из меня «нового» человека попадали на благодатную почву. Я была сыта по горло своей жизнью до похищения и так недовольна собой, что приняла самостоятельное решение как-то изменить свою жизнь. И всего за пару минут до того, как Похититель затащил меня в свой пикап, я живо представляла, как бросаюсь под машину — настолько я ненавидела жизнь, которую была вынуждена вести.

Естественно, запрет на мою личную историю привел меня в бесконечное уныние. Я находила несправедливым, что больше не имею права быть самой собой и не могу говорить о боли от разлуки с моими родителями. Но что осталось мне от моей собственной истории? Теперь она состояла в основном только из воспоминаний, не имеющих почти ничего общего с настоящей жизнью, которая шла дальше. Больше не было моего класса, мои племянницы повзрослели и, скорее всего, просто не узнали бы меня при встрече. А родители, может быть, испытали облегчение, избавившись от долгих споров по моему поводу. Отрезав меня от мира, Похититель создал идеальную основу для того, чтобы вообще лишить меня прошлого. Поскольку в то время, когда на

сознательном уровне я придерживалась по отношению к нему мнения, что похищение — тяжкое преступление, постоянно повторяющееся требование принимать преступника за спасителя все глубже укоренялось в моем подсознании. На самом деле видеть в Похитителе рыцаря, а не злодея, было гораздо проще и для меня. В отчаянных попытках отвоевать в своем плену хоть что-то позитивное и не сломаться при этом, я повторяла про себя: «По меньшей мере, хуже уже не будет. В отличие от множества случаев, виденных мной по телевизору, Похититель не изнасиловал и не убил меня».

Но похищение моего собственного «я» дало мне определенную свободу. Сегодня, когда я возвращаюсь к этому чувству, оно кажется мне необъяснимым и парадоксальным в свете того факта, что в заточении и изоляции я была полностью лишена ее. Но тогда я впервые в жизни почувствовала себя освобожденной от предубеждений. Я больше не являлась маленьким колесиком в семье, где роли были давно распределены, а мне отведено место неуклюжей толстушки. Семьи, в которой взрослые перекидывали меня как мяч, и чьи решения были для меня непонятны.

Хотя я пребывала в системе абсолютного подавления, потеряла свободу передвижения, а каждым моим шагом управлял один-единственный человек, такая форма угнетения и манипуляции была мне понятна и ясна. Похититель не был типом, ведущим осторожную игру — он открыто и откровенно хотел властвовать. В тени этой власти, предписанной мне, как это ни парадоксально звучит, я смогла в первый раз в жизни стать самой собой.

Косвенным доказательством этого служит для меня сейчас тот факт, что с момента похищения я больше никогда не имела проблем с энурезом. Несмотря на то, что я была подвержена нечеловеческой нагрузке, с меня, похоже, свалилась определенная доля стресса. Если попробовать подвести итог одной фразой, я сказала бы так: когда я отказывалась от своего прошлого и слушалась Похитителя, я была желанной — первый раз за долгое время.

Поздней осенью 1999 года была поставлена окончательная точка в лишении меня тождественности. Похититель приказал мне выбрать новое имя: «Ты больше не Наташа. Теперь ты принадлежишь мне».

Я долго сопротивлялась, хотя и считала, что обращение по имени в любом случае не играет большой роли. Существовали только я и он, поэтому «ты» было достаточным для того, чтобы понять, кто имеется в виду. Но любое упоминание имени

«Наташа» вызывало в нем такой гнев и негодование, что я сдалась. А кроме того: разве я и раньше не хотела избавиться от этого имени? Когда мать грубо окликала меня, оно приобретало уродливое звучание, напоминая об ожиданиях, которые я не оправдала и о требованиях, которые мне никак не удавалось удовлетворить. Будучи ребенком, я всегда мечтала об одном из имен, которые носили другие девочки — Штефани, Ясмин, Сабина. Все, что угодно, только не Наташа. В «Наташе» скрывалось все, что я не любила в моей прошлой жизни. Все, от чего хотела и должна была избавиться.

Похититель предложил мне в качестве моего нового имени «Мария» — так звали его обеих бабушек. Хотя это предложение не вызвало у меня восторга, я согласилась, потому что Мария так или иначе было моим вторым именем. Но это тоже не понравилось Похитителю, ведь он хотел дать мне абсолютно новое имя. Он настаивал, чтобы я выбрала что-нибудь другое. И срочно.

Я листала свой календарь, включающий также дни именин, и на странице от 2 декабря, прямо рядом с «Наташей» наткнулась на «Бибиану». Так в последующие семь лет Бибиана стала моим вторым «я», несмотря на то, что Похитителю все же не удалось стереть мое первое.

* * *

Похититель лишил меня моей семьи, моей жизни и моей свободы, а также моей тождественности. Физическое заключение в подземной тюрьме, отделенной от мира множеством тяжелых дверей, шаг за шагом дополнялось психической тюрьмой, чьи стены становились все выше. А я начала благодарить за это надсмотрщика, их воздвигнувшего. Потому что в конце этого года он выполнил мое самое заветное желание — подарил мгновение под свободным небом.

Стояла холодная, ясная декабрьская ночь. За несколько дней до этого Похититель уже объяснил мне правила этой «экскурсии»: «Если ты закричишь, я тебя убью. Если ты побежишь, я тебя убью. Я убью любого, кто тебя услышит или увидит, если ты настолько глупа, чтобы привлечь к себе внимание». Ему уже было недостаточно угрожать мне только моей собственной смертью. Он сразу взвалил на меня ответственность за всех, кого я могу позвать на помощь. В его планы убийства я поверила сразу и безоговорочно. Я до сих пор уверена в том, что он был способен убить ничего не ведающего соседа, если бы тот случайно обратил

на меня внимание. Тот, кто взваливает на себя так много забот по содержанию в собственном подвале узницы, не побоится и убийства.

Когда он, крепко держа меня за плечо, открыл дверь в сад, меня обуяло глубокое чувство счастья. Прохладный воздух нежно коснулся моего лица и рук, и я ощутила, как постепенно исчезает запах гнили и одиночества, крепко обосновавшийся в моем носу. В голове прояснилось. В первый раз за последние два года я почувствовала под своими ногами мягкую землю. Каждая былинка, прогибающаяся под моими ступнями, казалась мне драгоценным и неповторимым живым существом. Я подняла голову и посмотрела в небо. От бескрайности простора, открывшегося передо мной, у меня перехватило дыхание. Луна висела низко над горизонтом, а в вышине сверкали несколько звезд. Я на свободе. Впервые с того момента, когда 2 марта 1998 года меня затащили в белый автофургон. Я откинула голову назад и с трудом сдерживала всхлипывания.

Похититель провел меня через сад к живой изгороди. Я протянула руку вперед и осторожно коснулась темных листочков. Они горьковато пахли и блестели в лунном свете. Мне казалось чудом дотронуться рукой до чего-то живого. Я отщипнула пару листочков и спрятала их в карман. Небольшое напоминание о том, что внешний мир жив.

После короткой остановки у кустарника он повел меня назад к дому. В первый раз я увидела его в лунном свете снаружи: желтый коттедж с заостренной крышей и двумя трубами. Окна с белыми рамами. Трава газона, по которому мы возвращались, была неестественно короткой и ухоженной.

Вдруг на меня напало сомнение. Я видела траву, деревья, листья, кусок неба, дом и сад. Но был ли это мир, сохранившийся в моих воспоминаниях? Все казалось слишком плоским, неестественным. Трава была зеленой, а небо высоким, но видно же, что это только декорации! Это же Похититель поставил здесь живую изгородь и дом, чтобы продемонстрировать мне. Я очутилась в постановке, в том месте, где снимаются сцены на натуре для сериалов. Тут нет никаких соседей, никакого города с моими родителями в 25 минутах езды отсюда. Вместо этого только пособники преступника, которые внушали мне, что я «на свободе», в то же время наблюдая за мной через большой экран и смеясь над моей наивностью. Я зажала листочки в кулаке, как будто они могли послужить доказательством того, что это реальность, что я реальность. Но я ничего не ощутила. Только огромную пустоту, которая сжала меня холодной беспощадной рукой.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА И ГОЛОД

Ежедневная борьба за выживание

Тогда я знала, что Похитителю не удастся сломить меня с помощью физического насилия. Когда он волок меня вниз по лестнице к застенку, моя голова билась о каждую ступеньку, а на ребрах оставались синяки, это была не я, которую он швырял в темноте на пол. Когда он прижимал меня к стене и начинал душить, пока не темнело в глазах, это была не я, хватаящая открытым ртом воздух. Я была далеко отсюда, в месте, где его пинки и побои не могли меня достичь.

Мое детство закончилось в день похищения, в возрасте десяти лет. В темнице я перестала быть ребенком в 2000 году. В одно утро я проснулась с тянущими болями в низу живота и обнаружила на своей пижаме пятна крови. Я сразу поняла, что произошло. Я уже давно ждала наступления менструации. Из рекламы, которую Похититель иногда записывал вместе с сериалами, я узнала определенную марку прокладок, которые и хотела получить. Когда он пришел в застенок, я, как можно деликатнее попросила его купить мне несколько упаковок.

Такое развитие событий выбило Похитителя из колеи, его мания преследования достигла следующего уровня. Если до сих пор он скрупулезно подбирал любую ворсинку, спешно стирал каждый отпечаток пальцев, чтобы уничтожить все возможные мои следы, то теперь он почти истерически следил за тем, чтобы я, не дай бог, не садилась где-нибудь в доме. Если же мне все-таки разрешалось присесть он подкладывал целую стопку газет в абсурдном усилии предотвратить появление хоть малейшего пятнышка крови в квартире. Как и раньше, он постоянно ожидал, что нагрянет полиция и обыщет дом на предмет следов ДНК.

Такое отношение меня глубоко задело, я чувствовала себя прокаженной. Это было тяжелое время, когда так необходима поддержка матери или одной из старших сестер, чтобы поговорить об этих физических изменениях, с которыми я внезапно столкнулась. Но моим единственным собеседником был мужчина, не умевший справляться с такой ситуацией. Который относился ко мне, как будто я была грязной и отталкивающей. И который, по-видимому, никогда не жил с женщиной.

Его отношение ко мне с наступлением пубертатного возраста явно изменилось. Пока я еще была ребенком, мне «можно» было оставаться в подвале, заниматься своими делами — разумеется, только в тесных рамках его предписаний. Теперь, став

полноценной женщиной, я должна была прислуживать ему и выполнять работы по дому под его строгим надзором. Наверху, в доме, я чувствовала себя как в аквариуме. Как рыба в слишком маленьком сосуде, которая с тоской смотрит из-за стекла, но не выпрыгивает из воды, пока есть возможность выжить в своей тюрьме. Потому что пересечение границы обозначает стопроцентную смерть.

Граница с внешним миром была такой абсолютной, что казалась мне непреодолимой. Будто бы дом находился в другом агрегатном состоянии, чем внешний мир за его добропорядочными желтыми стенами. Будто сам дом, сад, гараж с застенком находились в другой матрице. Иногда сквозь приоткрытое окно сюда проникало слабое предчувствие весны. Порой я слышала вдалеке звук проезжающей по спокойным улицам машины. И это было единственным напоминанием о жизни снаружи. Жалюзи всегда опущены, весь дом погружен в полумрак. Сигнализация на окнах подключена, во всяком случае я в этом не сомневалась. Еще бывали моменты, когда я думала о побеге. Но я больше не вынашивала никаких планов. Рыба не выпрыгивает за стеклянные края, снаружи ее ожидает только смерть.

Однако ностальгия по свободе оставалась.

* * *

Теперь я находилась под постоянным наблюдением. Мне нельзя было сделать и шагу без приказа. Я должна была так стоять, сидеть или ходить, как того хотелось Похитителю. Я должна была спрашивать разрешения, можно ли встать или сесть, повернуть голову или вытянуть руку. Он предписывал направление моего взгляда и сопровождал меня до самого туалета. Я не знаю, что было хуже. Время в одиночестве в подвале или время, когда я больше ни на секунду не оставалась одна.

Этот постоянный надзор усилил ощущение, что я попала в какой-то сумасшедший эксперимент. Атмосфера дома еще больше усиливала это впечатление. Спрятавшись за обывательским фасадом, он как бы выпал из времени и пространства. Безжизненный, нежилой, как декорация для мрачного фильма. Снаружи он идеально вписывался в окружение: бургерский, чрезвычайно ухоженный, тщательно отгороженный от соседей густым кустарником, окружающим большой сад. Любопытные взгляды нежелательны.

Штрасхоф — безликое место без истории. Без традиции и

деревенского характера, который можно было бы ожидать при сегодняшней численности населения около 9000 человек. После указателя с названием местечка вдоль проезжей дороги и железнодорожной линии по равнине Мархфельда тянулись неприметные однообразные дома, перемежаемые промышленными зонами, которых полно на окраинах любого крупного города. Уже по полному названию населенного пункта — Штрасхоф на Северном пути^[25] можно судить о том, что речь идет о местечке, живущем только благодаря привязке к Вене. Из него уезжают, через него проезжают, но сюда не приезжают без оснований. Единственными достопримечательностями в поселке являются «Памятник локомотиву» и железнодорожный музей с названием «Котельная». Сто лет назад здесь не набиралось и пятидесяти жителей, нынешние же работают в Вене и возвращаются только на ночь в свои домишки, как бы монотонно нанизанные на одну нитку. По выходным дням здесь жужжат газонокосилки, полируются машины, а нутро «милого домика» остается спрятанным в полутьме за опущенными шторами и жалюзи. Здесь главное — фасад, а не то, что скрывается за ним. Идеальное место, чтобы вести двойную жизнь. Идеальное место для преступления.

Планировка дома была типичной для постройки 1970-х годов. На первом этаже длинный коридор с лестницей, ведущей на верхний этаж, слева ванная и туалет, справа гостиная, а в конце коридора кухня — продолговатое помещение со встроенным кухонным блоком с фронтоном в деревенском стиле под темное дерево, на полу плитка с оранжево-коричневым цветочным узором. Стол, четыре стула с матерчатой обивкой, на серо-белых кафельных стенах рядом с умывальником крючки с декоративными темно-зелеными цветами.

Но самым примечательным были фотообои, покрывающие правую стену. Березовая роща, зеленая, со стройными стволами, устремленными ввысь, будто пытающимися вырваться из давящей атмосферы этого помещения. Когда я впервые осознанно обратила на них внимание, мне показалось гротескным, что человек, который в любой момент может вырваться на волю, ощутить дыхание жизни, окружает себя искусственной, мертвой природой. В то время, как я отчаянно пыталась заполучить немного жизни в мою мертвую комнату в подвале, пусть даже в виде нескольких сорванных листочков.

Не знаю, сколько раз мне пришлось скоблить и полировать кафель и пол в кухне, пока они не приобрели идеальный блеск. Ни малейший след от уборки, ни одна крошка не должны были омрачить сияние поверхностей. Закончив работу, я должна была

лечь пластом на пол, чтобы из этой перспективы проконтролировать любой самый дальний угол. Похититель при этом всегда находился за моей спиной и давал указания. Для него никогда не было достаточно чисто. Бесчисленное количество раз он вырывал тряпку из моих рук и показывал, как нужно «правильно» убирать. Он сразу выходил из себя, если я жирным отпечатком пальца «пачкала» красивую гладкую поверхность, разрушая этим самым фасад неприкосновенности и чистоты.

Но хуже всего была уборка гостиной — большого помещения, источающего мрак, порожденный не только опущенными жалюзи. Темный, почти черный кессонный потолок, мрачные стенные панели, зеленый кожаный гарнитур, светло-коричневое напольное покрытие. Темно-коричневый книжный шкаф, содержащий такие заголовки, как «Приговор»^[26] или «Только куклы не плачут».^[27] Неиспользуемый камин с кочергой, на каминной полке свеча в кованом подсвечнике, напольные часы, миниатюра рыцарского шлема. Два средневековых портрета на стене над камином.

Когда я находилась в этом помещении несколько дольше, у меня появлялось ощущение, что мрак проникает сквозь одежду в каждую пору моего тела. Гостиная представлялась мне идеальным отражением «другой» стороны Похитителя. Обывательская и приличная на поверхности, только слегка прикрывающая темную сущность под ней.

* * *

Теперь я знаю, что в этом доме, построенном родителями Вольфганга Приклопила в 70-е годы, с тех пор почти ничего не изменилось. Он хотел полностью отремонтировать верхний этаж, где находились три комнаты, и по-своему перестроить чердак. Чердачное окно должно было давать дополнительное освещение, а сам чердак с его голыми деревянными балками на косо срезанном потолке превратиться в жилую комнату, обшитую гипсокартоном. Это положило начало новой фазе моего заключения.

Стройка под крышей дома должна была на месяцы и годы стать для меня местом, где я проводила большую часть своего времени. Сам Приклопил тогда уже остался без постоянной работы и лишь изредка исчезал со своим другом Хольцапфелем «по делам». Только позже я узнала, что они занимались ремонтом квартир, чтобы их сдавать. Похоже, их не заваливали заказами, так как основную массу времени Похититель занимался ремонтом своего собственного дома. А я была его единственной

работницей. Работницей, которую он при надобности вытаскивал из подвала, заставляя заниматься адовым трудом, для которого обычно требуются профессионалы, и которую он после «рабочего дня» принуждал к готовке и уборке, чтобы после этого снова запереть в застенке.

Тогда я, в общем-то, была еще слишком мала для работы, взваленной им на мои плечи. Когда я сейчас наблюдаю за двенадцатилетними детьми, как они хнычут и упираются из-за любого небольшого поручения, я каждый раз улыбаюсь. И от всей души радуюсь, что они имеют возможность такого маленького акта сопротивления. У меня этой возможности не было. Я должна была подчиняться. Похититель, не желая впускать в дом чужих рабочих, сам занимался всеми ремонтными делами, заставляя и меня делать вещи, которые мне были не по силам. Я помогала ему таскать мраморные плиты и тяжелые дверные створки, поднимала с пола мешки с цементом, долбила стамеской и кувалдой бетонную основу. Мы пристраивали слуховое окно, утепляли и обшивали стены, поднимали наверх стяжку для пола. Мы прокладывали трубы для отопления и электрические провода, штукатурили панели из гипсокартона, пробивали проход между первым этажом и новой мансардой и строили лестничный пролет из мраморных плит.

После этого на очереди был второй этаж. Старый настил срывался, укладывался новый. Двери снимались с петель, дверные рамы шлифовались и красились заново. На всем этаже со стен срывались старые коричневые обои, чтобы на их место наклеить новые и покрасить их. В мансарде мы встроили новую ванную комнату, облицованную мраморной плиткой. Я была ассистентом и рабом в одном лице: должна была помогать таскать тяжести, подавать инструменты, скоблить, ломать, красить. Или часами неподвижно держать ведро со шпаклевкой, в то время, как Похититель затирает стены. Когда он делал перерыв и присаживался отдохнуть, я должна была приносить ему напитки.

Работа имела и свои положительные стороны. После двух лет обитания в крошечном помещении, где было не развернуться, я получала наслаждение от изнурительного физического напряжения. Мускулы на руках росли, я чувствовала себя сильной и нужной. Кроме того, сначала я радовалась тому, что теперь и посреди недели могла проводить несколько часов вне своей темницы. Разумеется, окружившие меня стены наверху не потеряли свою непреодолимость, а невидимый поводок стал даже короче, чем раньше. Но по меньшей мере в моей жизни появилось разнообразие.

Вместе с тем наверху в доме я была беззащитна перед дурной, темной стороной Похитителя. Имея печальный опыт инцидента с дрелью, я уже знала, что он подвержен неконтролируемым взрывам ярости, если я «плохо себя веду». В застенке это было почти исключено. Теперь, работая, я могла в любую секунду совершить ошибку. Похититель же ошибок не прощал.

* * *

«Поддай мне шпатель!» — потребовал он в один из первых дней нашей работы на чердаке. Я протянула ему не тот инструмент. «Ты — тупая задница, даже срать толком не умеешь!» — заорал он. В течение секунды его глаза потемнели, как будто по радужке прошла грозовая туча. Его лицо исказилось. Он схватил лежащий рядом с ним мешок с цементом, поднял его и с воплем кинул в меня. Тяжелый мешок врезался в меня так неожиданно и с такой силой, что я потеряла равновесие.

Внутренне я оцепенела. В шок меня ввела не столько боль, хотя мешок был тяжелым, а удар болезненным — это я могла пережить, а неприкрытая агрессия, вырвавшаяся из Похитителя и парализовавшая меня. Он же был единственным человеком в моей жизни, от которого я целиком и полностью зависела. Этот приступ ярости поставил под угрозу все мое существование. Я чувствовала себя как побитая собака, которая не может укусить руку, которая ее не только бьет, но и кормит. Единственным выходом было бегство в себя. Я закрыла глаза, отключилась от всего и застыла на месте.

Взрыв агрессии Похитителя прошел так же быстро, как и возник. Он подошел ко мне, начал трясти за плечи, попытался поднять мои руки и пощекотать. «Ну перестань, мне очень жаль, — говорил он, — ничего же не случилось!» Я все так же стояла с закрытыми глазами. Он ущипнул меня за бок и пальцем оттянул уголок моего рта наверх. Вымученная улыбка, в самом прямом смысле этого слова. «Ну, улыбнись. Мне очень жаль. Что мне сделать, чтобы ты улыбнулась?»

Я не знаю, сколько я так простояла, безразлично, молча, с закрытыми глазами. Но в конце концов детский прагматизм одержал верх. «Я хочу мороженого и конфет!» С одной стороны, я использовала ситуацию, чтобы получить сладости. А с другой, — с помощью этого требования я хотела придать случаю меньше значения, чем он имел на самом деле. Мороженое я получила сразу, а конфеты вечером. Он снова заверял, что ему очень жаль и

что такого больше никогда не повторится — точно так же, как любой муж-буян каждый раз заверяет в этом своих жену и детей.

Но с момента, как его поезд первый раз сошел с рельсов, все табу были сняты. Жестокое обращение стало каждодневной нормой. Я не знаю, какой выключатель тогда щелкнул, или просто Похититель убедился, что в своем всеилии может позволить себе все, что угодно. К этому времени мое заточение длилось уже больше двух лет. Похитителя не поймали, он держал меня под таким контролем, что я и не помышляла о бегстве. Кто мог проконтролировать его поведение? По его мнению, он имел на это право — предъявлять мне требования и физически наказывать, если я их не выполняла.

С этого момента на любую оплошность он реагировал дикими припадками ярости. Через несколько дней после случая с мешком цемента он попросил меня подать ему гипсоволоконную плиту. По его мнению, я была слишком медлительной, он схватил меня за руку и, вывернув, с такой силой провел ею по гипсоволокну, что на тыльной стороне кисти появился ожог, не заживавший долгие годы. Похититель каждый раз заново бередил рану — о стену, о плиты из гипсокартона. Даже о гладкую поверхность умывальника он умудрялся так безжалостно стереть мою руку, что сквозь кожу проступала кровь. До сих пор на этом месте на моей правой руке осталось шершавое пятно.

Когда я в следующий раз не сразуотреагировала на его указание, он целенаправленно кинул в меня ковровым ножом. Острейшее лезвие, разрезающее ковер как кусок масла, вонзилось мне в колено и застряло в нем. Мою ногу обожгла такая дикая боль, что мне стало плохо. Я чувствовала, как по ноге струится кровь. Увидев это, он заорал как неменяемый: «Прекрати! Ты оставишь пятна!» После этого схватил меня в охапку и потащил в ванную комнату, чтобы остановить кровотечение и перевязать рану. Я находилась в полном шоке и еле могла дышать. Похититель раздраженно плеснул мне в лицо холодной водой и потребовал: «Прекрати выть!»

Позже я снова получила мороженое.

Вскоре он начал бить меня и во время работы по дому. Расположившись в своем кожаном кресле и наблюдая, как я на карачках мою пол, он комментировал каждое мое движение издевательскими замечаниями: «Ты тупая даже для уборки». «Ты же не в состоянии нормально оттереть пятно».

Молча уставившись в пол, я внутренне кипела, а внешне убирала с удвоенной энергией дальше. Но и этого было недостаточно. Внезапно на меня начинали градом сыпаться неожиданные пинки в бока или по ногам. До тех пор, пока все не

начинало сверкать.

Как-то раз, когда мне было тринадцать лет, я недостаточно быстро вымыла кухонную плиту. Похититель сильно пнул меня в копчик, я отлетела и ударилась об ее угол. Да так, что у меня на бедре лопнула кожа. Несмотря на хлещущую кровь, он отправил меня в подвал, не дав пластыря и не наложив повязку, раздраженный видом зияющей раны. Потребовались недели, пока она зажила, еще и потому что в кухне он каждый раз толкал меня на углы. Неожиданно, мимоходом, целенаправленно. И снова лопалась тонкая кожа, затянувшая было рану на бедре.

Он совершенно не выносил, если я плакала от боли. Тогда он хватал меня за руку и тыльной стороной ладони грубо стирал слезы с моего лица, пока я не замолкала от страха. Если же это не давало результата, то он, сдавливая пальцами мою шею, тащил меня к мойке и окунал головой в умывальник. Сжимая пальцами трахею, он грубо тер мое лицо холодной водой, пока я почти не теряла сознание. Он не любил сталкиваться со следами нанесенных им побоев. Слезы, синяки, кровоточащие раны — ничего этого он видеть не хотел. А если не видно, значит, ничего не случилось.

Побои, которыми он меня осыпал, не были систематическими, чтобы я могла определенным образом к ним подготовиться. Они возникали внезапными вспышками, становящимися все более жестокими. Возможно, переступив следующую границу, он еще раз убеждался, что наказание ему не грозит. Возможно, он не мог иначе, как только все сильнее сжимать спираль насилия.

Я думаю, это время я пережила только потому, что научилась отделять от себя подобные прецеденты. Не вследствие сознательного решения, какое принял бы взрослый человек, а благодаря детскому инстинкту выживания. Я покидала свое тело, когда Похититель над ним глумился, и издалека наблюдала над тем, как лежащую на полу двенадцатилетнюю девочку обрабатывают пинками.

До сих пор я вижу эти вспышки агрессии как бы со стороны, будто они были направлены не на меня, а на кого-то другого. Я до сих пор чувствую боль, раздиравшую меня во время ударов и боль, долго сопровождавшую меня потом. Я помню и то, сколько у меня было синяков и кровоизлияний — не было ни одной позы, в которой я могла бы лежать, не испытывая мучений. Я вспоминаю о страданиях, преследующих меня несколько дней, и о том, как долго болела лобковая кость после удара по ней. О ссадинах, о рваных ранах. И о хрусте шейных позвонков, когда он со всей силы ударил меня кулаком по голове. Но эмоционально я

не испытываю ничего.

Единственное чувство, от которого мне не удалось избавиться, был смертельный страх, охватывающий меня в такие моменты. Он вгрызался в мой мозг, в глазах чернело, в ушах поднимался звон, а освобожденный адреналин мчался по моим артериям и приказывал: «Беги!» Но я не могла. Тюрьма, вначале державшая в заточении мое тело, теперь поработила и мою душу.

Вскоре мне хватало первого намека на то, что Похититель вот-вот войдет в раж, как мое сердце начинало бешено колотиться, дыхание учащалось, и я впадала в столбняк. Даже когда я находилась в своем относительно спокойном застенке, стоило мне услышать, как Похититель вдалеке начинает отвинчивать от стены сейф, закрывающий лаз, на меня тут же нападал смертельный ужас. Ощущение паники, сохраненное телом после первого опыта животного страха, оживавшее при любом знаке похожей угрозы, не поддавалось контролю. Оно держало меня железной хваткой.

Примерно через два года — мне было 14, я начала защищаться. Сначала это было что-то вроде пассивного сопротивления. Если он начинал орать и замахиваться, я била себя сама по лицу до тех пор, пока он не просил меня прекратить. Таким образом я хотела заставить его смотреть. Он должен видеть, как со мной обращается, удары, которые выдерживала я, должен выдержать он сам. Никакого мороженого больше, никаких конфет.

А в 15 я в первый раз дала сдачи. Когда я боксировала его в живот, он смотрел на меня удивленно и даже растерянно. Я чувствовала себя слабой, движение руки было слишком медленным, а удар кулаком нерешительным. Но я защищалась. И ударила еще раз. Похититель схватил меня, зажал в замок и держал так, пока я не успокоилась.

Понятно, физически у меня не было шансов справиться с ним. Он был выше, сильнее, без труда ловил мою руку в полете и держал меня на расстоянии, так что удары моих кулаков и ног зачастую попадали в пустоту. Несмотря на это, для меня было жизненно важно само сознание, что я защищаюсь. Тем самым я доказывала самой себе, что я — сильная и не потеряла последнюю веру в себя. А ему я хотела показать, что существуют границы, которые я впредь не позволю переходить. Это был решающий момент в моих отношениях с Похитителем — единственным человеком в моей жизни и единственным кормильцем. Кто знает, на что он был бы еще способен, не сумей я постоять за себя.

С началом моего пубертатного возраста Похититель применил другой вид террора — голодом. Один или два раза в неделю он приносил мне в застенок весы. В день похищения я весила 45 килограммов и была упитанным ребенком. В последующие годы я росла и постепенно теряла в весе.

После периода относительной свободы выбора при «заказе» еды еще в первый год заточения он начал постепенно ужесточать контроль и требовал правильного распределения рациона. Вкупе с запретом на телевизор, ограничение меня в еде стало очередным эффективным звеном его стратегии абсолютного контроля. Когда же мне исполнилось 12, и я сделала рывок в физическом развитии, к ограничению количества продуктов прибавились оскорбления и упреки.

«Посмотри на себя, ты толстая и уродливая!»

«Ты такая обжора, что скоро начнешь есть и волосы с головы».

«Кто не работает, тот не ест».

Его слова вонзались в меня как стрелы. Еще до похищения я была недовольна своей фигурой, и это стояло непреодолимой преградой на пути к беззаботному детству. Сознание того, что я толстая, наполняло меня унижительным и разрушительным чувством неприязни к себе. Похититель точно знал, на какие кнопки надавить, чтобы поколебать мою уверенность в себе. И он безжалостно на них нажимал.

При этом он так умел все обставить, что в первые недели и месяцы я была почти благодарна ему за такой контроль. Ведь он помогал мне достигнуть моей самой заветной цели — стать стройной. «Бери пример с меня, я могу обходиться почти без еды, — постоянно объяснял он мне. — Ты должна принимать это как лечение». И действительно, я почти на глазах теряла жир и становилась стройной и поджарой. Пока эти мнимые добрые побуждения в контроле за моим весом не перешли в террор, приведший меня в 16 лет почти на край голодной смерти. Теперь я думаю, что Похититель, будучи слишком худым, видимо, сам боролся с истощением и хотел, чтобы и я побывала в его шкуре. Он испытывал полное недоверие к любым продуктам питания, ежеминутно ожидая от их производителей массовых убийств посредством отравленной еды. Он не пользовался приправами, потому что прочитал, что в основном их поставляют из Индии, где они подвергаются облучению. Ко всему этому прибавилась его жадность, приобретающая во время моего пребывания в темнице все более болезненные формы. Даже молоко в конце концов стало

для него слишком дорогим.

Мои порции драматически сокращались. На завтрак я получала чашку чая и две столовых ложки мюсли со стаканом молока или кусок кекса, иногда такой прозрачный, что через него можно было читать газету. Сладости полагались только в качестве компенсации за тяжкие издевательства. На обед и ужин мне выделялась четверть «взрослой» порции. Если Похититель приносил в подвал еду, приготовленную его матерью, или пиццу, то тут действовало железное правило — три четверти ему, одна мне. Когда приготовлением еды в застенке занималась я сама, он заранее перечислял, какие продукты можно использовать. 200 граммов мороженых овощей или полпорции полуфабриката. К этому один киви или один банан в день. Если я нарушала правила или съедала немного больше предусмотренного, мне был гарантирован приступ гнева.

Он приучал меня ежедневно взвешиваться и строго контролировал записи об изменениях моего веса.

«Бери пример с меня».

Да, бери пример с него. Я так много ем. Я такая толстая. Постоянное, гложущее чувство голода.

Но тогда он еще не оставлял меня на слишком долгое время совсем без еды — это пришло позже. Последствия недоедания очень скоро дали о себе знать. Голод сказывается на работе мозга. Когда получаешь слишком мало еды, не можешь думать ни о чем другом: где мне взять еще кусочек? Как мне выманить еще краюшку хлеба? Как мне на него так повлиять, чтобы он отрезал от своих трех четвертей хоть чуточку больше? Я могла думать только о еде и при этом упрекала себя, что я такая «жирная».

Я попросила Похитителя принести мне в застенок рекламные проспекты супермаркетов, которые мужественно перелистывала, оставшись в одиночестве. Вскоре я придумала игру, назвав ее «Вкусы»: я представляла кусочек масла во рту. Прохладный и твердый, медленно тающий, пока его вкус не распространялся по всей полости рта. Потом заменяла его на кнедль со шкварками: в мыслях я откусывала от него кусочек, ощущая вязкое тесто между зубами и начинку из хрустящих шкварок. Или клубнику: сладкий сок на губах, мелкие зернышки на деснах, легкая кислинка на языке. В эту игру я могла играть часами и так увлекалась, что вскоре начинала верить в реальность еды. Но организм не мог питаться воображаемыми калориями. Все чаще во время работы у меня начинала кружиться голова, если я резко вставала. Или же я была вынуждена присесть от слабости, так как еле держалась на ногах. Желудок постоянно урчал и иногда был таким пустым, что начинались спазмы, особенно по ночам, и я пыталась успокоить

его водой.

Прошло довольно много времени, пока до меня дошло, что Похитителя не так интересует моя фигура, как желание с помощью голода удерживать меня в состоянии слабости и покорности. Он точно знал, что делает. Свой истинный мотив он скрывал как только мог. Лишь иногда он выдавал себя такими фразами: «Ты опять стала строптивой, я тебя слишком хорошо кормлю». Тот, кого постоянно мучает голод, вряд ли может хорошо соображать. Не говоря уже о бунте или побеге.

* * *

Одной из книг в шкафу в гостиной, имеющей для Похитителя особое значение, была «Mein Kampf» Адольфа Гитлера. Он часто и с восхищением говорил о Гитлере, рассуждая: «Он был прав, что отправлял евреев в газовые камеры». Его политическим идолом современности был Йорг Хайдер, руководитель правой крайней Партии свободы Австрии. Приклопил охотно проходил по мигрантам, которых на сленге Донауштадта^[28] называл «Чибезен» — слово, знакомое мне из расистских тирад клиентов в кафе моей матери. Когда 11 сентября 2001 года в World Trade Center врезались самолеты, он страшно обрадовался, так как видел в этом крах «американского восточного побережья» и «всемирного иудаизма».

Хотя я не особенно всерьез принимала его национал-социалистические убеждения — они звучали надуманно, как повторяемые за кем-то лозунги, — было нечто, что он усвоил очень глубоко. Я была для него тем, кем он мог распоряжаться на свое усмотрение. Он чувствовал себя «сверхчеловеком». Я же была для него человеком второго сорта.

Внешне я тоже стала соответствовать этому.

Сразу, как только он начал выводить меня из застенка, я должна была прятать волосы под целлофановым пакетом. Мания чистоты у Похитителя смешалась с манией преследования. Каждый волосок являлся угрозой для него — полиция, если бы она появилась, могла напасть на мой след, и это привело бы его в тюрьму. Итак, я должна была закалывать волосы зажимами и шпильками, надевать на голову пакет и затягивать его широкой резинкой. Если во время работы хоть одна прядь выбивалась из-под шапочки, Похититель тотчас же затыкал ее обратно. Каждый найденный им мой волос он сжигал в пламени паяльной лампы или зажигалки. После душа он придирчиво извлекал волосы из слива по одному и следом выливал туда по полбутылки едкого

чистящего средства, чтобы даже в трубах уничтожить все мои следы.

Я потела под пластиком, все чесалось. От резинок на моем лбу оставались желтые и красные полосы, зажимы впивались в кожу головы, повсюду появлялись красные зудящие пятна. Если я жаловалась на свои мучения, он шипел мне в ответ: «Была бы лысой, не было бы проблем».

Я долго противилась. Волосы являются одной из важных составляющих личности — мне казалось, отрезав их, я утрачу большую часть себя. Но в конце концов я не выдержала. Я взяла портновские ножницы, которые со временем получила от Похитителя, и оттягивая волосы в сторону, срезала прядь за прядью. Мне потребовалось больше часа, пока стрижка не достигла такой длины, что на голове остался только взъерошенный ежик.

Похититель завершил «произведение искусства» на следующий день. С помощью бритвы он соскоблил последние остатки волос с моей головы. Я стала лысой. В последующие годы эта процедура повторялась регулярно, когда он помогал мне мыться в ванной. На мне не должно было остаться ни единого волоска. Нигде.

Я представляла собой жалкое зрелище. Ребра выпирали вперед, все тело покрыто синяками, щеки ввалились.

Мужчина, доведший меня до такого состояния, по всей видимости, получал от этого удовольствие. Так как начал заставлять меня работать по дому полуобнаженной. Чаще всего я занималась уборкой только в кепке и трусиках. Иногда в футболке и леггинсах. Но никогда — одетая полностью. Возможно, ему доставляла удовольствие и эта форма унижения.

Конечно, это также был один из его коварных приемов, дабы удержать меня от побега. Он был убежден — в таком виде я не решусь выбежать на улицу. И был прав.

* * *

В это время мой застенок играл для меня двойную роль. Я до сих пор боялась его, как тюрьмы, а множество дверей, за которыми я была заперта, вызывали у меня приступы клаустрофобии, при которых я в полубезумном состоянии обыскивала все углы в поисках мельчайшей трещины, через которую я могла бы тайно выкопать лаз наружу. Но не нашла ни одной. В то же время моя крошечная камера стала единственным местом, где я была хоть как-то защищена от Похитителя. Когда в

конце недели он спускал меня вниз и снабжал книгами, видео и едой, я знала, что по меньшей мере в течение трех дней буду избавлена от работы и истязаний. Я убиралась, чистила и готовилась к уютному вечеру перед телевизором. Часто уже вечером в пятницу я съедала почти все запасы, предназначенные на выходные. Наевшись один раз досыта, я забывала о том, что после этого придется испытывать еще худшие муки голода.

В начале 2000 года у меня появилось радио, которое ловило и австрийские программы. Похититель знал, что через два года после моего исчезновения все поиски прекращены, и интерес СМИ схлынул. Теперь он мог себе позволить разрешить мне слушать даже новости. Радио стало пуповиной, связывающей меня с внешним миром, а ведущие — моими друзьями. Я точно знала, когда кто-то уехал в отпуск или ушел на пенсию. Слушая передачи радио культуры O1, я пыталась составить представление о жизни снаружи. С помощью FM4 немного подучила английский. Когда нависала угроза потерять связь с реальностью, меня спасали банальные передачи O3-Будильник, куда звонили люди прямо со своих рабочих мест и заказывали музыку на первую половину дня. Иногда мне казалось, что радио только часть спектакля, поставленного Похитителем, в котором все играют роли — включая ведущих, звонящих и дикторов. Но когда из динамика раздавалось что-нибудь неожиданное, я снова возвращалась на землю.

Возможно, радио было важнейшим моим спутником все эти годы. Оно придавало мне уверенность, что рядом с моим отшельничеством в подвале есть мир, который вертится дальше, и в который однажды стоит вернуться.

Второй моей страстью были Science-Fiction. Я читала сотни томов «Перри Родан» и «Орион», в которых герои путешествовали по далеким галактикам. Возможность в один момент оказаться в другом помещении, времени или измерении, в высшей степени очаровывали меня. Когда я в 12 лет получила маленький термобумажный принтер, то начала сама писать фантастический роман.

Я списала своих героев с членов команды космического корабля «Enterprise» («Новое поколение»), но потратила много часов и много сил, чтобы создать особенно сильные, самодостаточные и независимые женские образы. Придумывание историй моих героев, которых я оснащала самыми авантюрными техническими новинками, долгие месяцы спасало меня темными ночами в застенке. На несколько часов слова становились защитным покрывалом, укутавшись в которое, я была недосягаема ни для кого и ни для чего. Сегодня от моего романа

остались только чистые страницы. Еще во время моего заточения буквы на термобумаге становились все бледнее, пока совсем не исчезли.

* * *

Огромное количество сериалов и книг, просмотренных и прочитанных мной о путешествиях во времени, должно быть, подтолкнули меня к идее самой предпринять такое путешествие. Как-то в один из выходных дней, когда мне уже было 12 лет, на меня напало такое глубокое чувство одиночества, что я боялась потерять почву под ногами. Я проснулась мокрая от пота и в полной темноте осторожно спустилась по лестнице с кровати. Свободная площадь моего застенка сократилась до двух или трех квадратных метров. Я бестолково топталась по кругу, все время натыкаясь то на стол, то на шкаф. Out of Space. Одна. Ослабленный, голодный и запуганный ребенок. Я тосковала по взрослому, по человеку, который бы меня спас. Но никто не знал, где я. Единственное, что мне осталось — самой стать для себя таким взрослым.

Раньше я находила утешение в том, что представляла, как мама вселяет в меня мужество, входя в ее роль и пытаясь позаимствовать у нее немного ее силы. Теперь я представила себе взрослую Наташу, поддерживающую меня. Моя собственная жизнь виделась мне светящейся часовой стрелкой, уходящей в далекое будущее. Я сама расположилась на цифре двенадцать. Вдалеке же я видела свое собственное 18-летнее «я». Большую и сильную, уверенную в себе и независимую, как женщины из моего романа. Мое 12-летнее «я» на стрелке медленно двигалось вперед, мое 18-летнее «я» — мне навстречу. Посередине мы пожали друг другу руки. Прикосновение было теплым и мягким, и в то же время я чувствовала, как силы моего большого «я» переливались в маленькое. Большая Наташа взяла маленькую, у которой даже не осталось имени, на руки и утешала. «Я заберу тебя отсюда, обещаю. Сейчас ты не можешь убежать, ты еще слишком мала. Но в свои 18 я одолею Похитителя и заберу тебя из тюрьмы. Я не оставлю тебя одну».

В эту ночь я заключила контракт с моим собственным будущим «я». И сдержала свое слово.

МЕЖДУ БЕЗУМИЕМ И ИДЕАЛЬНЫМ МИРОМ

Два лица Похитителя

Такой преступник, как Вольфганг Приклопил, необходим этому обществу, чтобы зло, живущее в нем, обрело лицо и отделилось от него. Оно нуждается в изображениях подвальных застенков, чтобы не пришлось заглядывать во все квартиры и палисадники, где насилие облекается в мещанский, буржуазный облик. Оно использует жертв таких сенсационных случаев, как мой, чтобы снять с себя ответственность за многих безымянных пострадавших от обыденных преступлений, которым никто не помогает, даже если они просят о помощи.

Есть ночные кошмары, вырвавшись из которых, понимаешь, что это был только сон. Первое время в застенке я цеплялась за эту возможность пробуждения и проводила многие одинокие часы, представляя свои первые дни на свободе. В то время мир, из которого я была вырвана, еще оставался реальным. Он был населен людьми, о которых я знала, что они ни на секунду не забывают обо мне и делают все для того, чтобы меня найти. Перед своим внутренним взором я могла восстановить каждую деталь этого мира: мою мать, мою детскую, мою одежду, нашу квартиру. Тот же мир, в котором я очутилась, имел, наоборот, краски и запахи ирреального.

Комната была слишком маленькой, воздух слишком затхлым, чтобы быть настоящими. Мужчина, похитивший меня, был глух к моим доводам, позаимствованным из внешнего мира. Что меня найдут. Что он должен меня отпустить. Что его поступок — тяжкое преступление, за которое положено наказание. Но с каждым днем становилось все более очевидным, что я замурована в этом аду и давно потеряла ключи от своей жизни. Я не хотела привыкать к этой зловещей обстановке, созданной фантазией преступника, продумавшего в ней каждую малейшую деталь и поставившего меня в центр как декоративный предмет обстановки.

Но кошмар не может длиться вечно. Человек способен сам создавать видимость нормальности в ненормальной ситуации, чтобы не потерять себя. Чтобы выжить. Детям это иногда удается лучше, чем взрослым. Им порой хватает тончайшей соломинки, чтобы не захлебнуться. Моими соломинками были такие ритуалы, как совместные с Похитителем обеды, инсценировка Рождества

или маленькие побеги в мир книг, видеофильмов или телевидения. Жизнь состояла не только из мрачных моментов, даже если сегодня я знаю, что, в конечном счете, такое восприятие выработано психическим защитным механизмом. Можно сойти с ума, если годами видеть только ужас. Это те моменты воображаемой нормальности, за которые цепляются, чтобы обеспечить выживание.

В моих записках можно найти место, где тоска по нормальности особенно ярко выражена:

Дорогой дневник!

Я так давно не писала в тебе из-за периода тяжелой депрессии. Итак, коротко сообщая, что произошло за это время. В декабре мы приклеивали кафеле, но умывальник установили только в начале января. Новый год я провела так: с 30 на 31.12 я ночевала наверху, потом провела целый день в одиночестве. Он все же пришел почти перед полуночью. Он сходил в душ, мы гадали на свинце.^[29] В 12 мы включили телевизор и слушали звон Пуммерина^[30] и «Венский вальс». В это время мы чокнулись и высунулись из окна, чтобы полюбоваться фейерверками. Но моя радость была испорчена. Когда одна ракета врезалась в нашу сосну, раздался громкий птичий щебет, и я была уверена, что это маленькая, до смерти испуганная птичка. В любом случае, я испытала это чувство, когда услышала писк птенца. Я подарила ему трубочиста,^[31] которого смастерила для него, а он дал мне шоколадный талер, шоколадное печенье, миниатюрного шоколадного трубочиста.

За день до этого он уже подарил мне трубочиста в виде кекса. В моем трубочисте были «Smarties», не «M&M»,^[32] которые я подарила Вольфгангу.

Ничто не бывает только черным или белым. И никто не может быть только хорошим или плохим. Это относится и к Похитителю. Это слова, которые странно слышать от жертвы похищения. Потому что они нарушают равновесие устоявшихся понятий о добре и зле, которым охотно следуют люди, чтобы не потерять ориентацию в мире, полном теней. Когда я говорю об этом, я читаю на лицах оппонентов раздражение и неприятие. Участие в моей судьбе, носившее еще недавно доброжелательный характер, становится прохладным и перерастает во враждебность. Люди, не имеющие ни малейшего понятия о сути заточения, оспаривают мою способность разумного суждения о собственных

переживаниях термином — Стокгольмский синдром.

«Под Стокгольмским синдромом подразумевается психологический феномен, при котором жертва захвата выстраивает позитивные эмоциональные отношения с ее похитителем. Это может привести к тому, что жертва начинает испытывать к преступнику симпатию и действовать с ним заодно» — так написано в энциклопедии. Категорический диагноз, который я решительно отвергаю. Неважно, какими сочувственными взглядами сопровождается это определение, вытряхнутое из рукава. Эффект жестокий. Оно заставляет жертву во второй раз стать жертвой, лишая ее власти над интерпретацией собственной истории и объясняя важнейшие события в ней проявлениями синдрома. Именно то поведение, которое способствует выживанию, оно подвергает сомнению.

Сближение с преступником — не болезнь. Создание для себя кокона нормальности в рамках преступления — не синдром. Наоборот. Эта стратегия выживания в безвыходной ситуации гораздо более разумна, чем банальная классификация, за которую цепляется общество, где преступник — кровожадная бестия, а жертва — беспомощный ягненок.

* * *

Для внешнего мира Вольфганг Приклопил был стеснительным, вежливым мужчиной, выглядевшим в своей опрятной одежде всегда немного моложе своего возраста. Он носил классические брюки и наглаженные рубашки или футболки-поло. Его волосы были всегда свежевывыты и аккуратно пострижены в немного устаревшем для наступающего нового столетия стиле. У тех немногих людей, с которыми он общался, он не вызывал никаких подозрений. Заглянуть за его фасад было непросто, так как он был стопроцентно защищен. Приклопил не столько интересовался соблюдением приличий в обществе, сколько был рабом фасада.

Он не просто любил порядок — для него это являлось жизненной необходимостью. Беспорядок, воображаемый хаос и грязь полностью выбивали его из колеи. Большую часть времени он тратил на то, чтобы педантично содержать в чистоте свои машины (кроме пикапа у него был красный BMW), свой дом и сад. Для него было недостаточно уборки, проведенной после приготовления еды. Готовая пища еще стояла на плите, а ее поверхность уже должна была быть тщательно протерта, каждая разделочная доска, каждый нож, использованные при готовке,

ВЫМЫТЫ.

Такое же значение, как порядок, для него имели правила. Приклопил мог надолго углубляться в руководства по эксплуатации и скрупулезно их придерживался. Если на упаковке полуфабриката стояло: «Разогреть четыре минуты», значит, ровно через четыре минуты еда доставалась из духовки — неважно, успела ли она достаточно разогреться. Видимо, то, что, скрупулезно соблюдая все правила, он не смог взять судьбу в свои руки, его сильно угнетало. Настолько сильно, что в один день он решился нарушить одно из основных правил и похитил меня. Несмотря на то что этот поступок превратил его в преступника, Приклопил и дальше неукоснительно придерживался своей почти религиозной веры в правила, руководства и структуры. Иногда, задумчиво глядя на меня, он говорил: «Как глупо, что к тебе не прилагается инструкция». Видимо, его сбивало с толку, что его новое приобретение — ребенок, не функционирует по предписанию, и бывали моменты, когда он не имел понятия, как привести этот механизм в действие.

В первое время моего заключения я предполагала, что Похититель — сирота, которого по преступной дорожке толкнула пойти нехватка домашнего тепла. Теперь, когда я узнала его лучше, я убедилась, что у меня сложилось ложное впечатление. У него было счастливое детство в классической семье. Отец, мать, ребенок. Его отец Карл работал представителем одной крупной алкогольной фирмы и часто уезжал в командировки, в которых, по всей видимости, часто изменял жене, о чем я узнала позже. Но фасад был в порядке. Родители остались вместе. Приклопил рассказывал о загородных поездках на Нойзидлерзее^[33] по выходным, о совместно проведенных отпусках на лыжных курортах и пеших прогулках. Мать нежно заботилась о сыне. Возможно, слишком нежно.

Чем больше времени я проводила в доме наверху, тем более странным мне казалось парящее надо всем присутствие матери в жизни Похитителя. Прошло некоторое время, пока я выяснила, кто была та таинственная личность, блокировавшая дом по выходным и заставлявшая меня два-три дня проводить в одиночестве в застенке. Имя «Вальтрауд Приклопил» я прочитала на письмах, лежащих в прихожей. Я ела пищу, заранее приготовленную ею в выходные для сына — по блюду на каждый день. В понедельник, когда мне снова разрешалось подняться в дом, я замечала следы ее присутствия: все было безупречно вылизано. Ни одна пылинки не намекала на то, что здесь кто-то живет. Каждые выходные она скоблила полы и вытирала пыль — для своего сына. Но он снова заставлял меня убирать на неделе.

По четвергам он без конца гонял меня по комнатам с тряпкой. До прихода матери все должно сиять чистотой. Это было похоже на абсурдное уборочное соревнование между матерью и сыном, в котором я вынуждена была участвовать. Тем не менее после одиноких выходных я всегда радовалась, когда заставляла маленькие признаки присутствия матери: поглаженное белье, пирог на кухне. За все эти годы я ни разу не видела Вальтрауд Приклопил, но благодаря этим знакам ее присутствия она стала частью моей жизни. Я представляла ее как давнюю подружку и рисовала картинку, как мы в один прекрасный день вместе сидим за кухонным столом за чашкой чая. Но до этого так никогда и не дошло.

Отец Приклопила умер, когда Вольфгангу было 24 года. Похоже, что смерть отца стала громадной потерей в его жизни. Он редко заговаривал о нем, но было видно, что с этой утратой он так и не смог смириться. Одну из комнат на нижнем этаже дома Приклопил в память об отце оставил в неизменном виде. Это было помещение в грубоватом деревенском стиле с обитой угловой скамьей и кованными из железа лампами — «штубе»,^[34] в которой, раньше, при жизни отца, по-видимому, играли в карты и пили вино. Пробники шнапса, на производителей которого он раньше работал, все еще стояли в шкафах. Позже, когда Похититель начал ремонт дома, эту комнату он так и оставил нетронутой.

Вальтрауд Приклопил тоже сильно переживала смерть своего мужа. Я не хочу здесь судить о ее жизни или интерпретировать вещи, которые, может быть, не соответствуют действительности. Я же с ней никогда не встречалась. Но на мой сегодняшний взгляд после смерти мужа она еще больше прикипела к сыну, пытаясь таким образом компенсировать эту потерю. Приклопил, который к тому времени жил в собственной квартире в Вене, переехал обратно в дом в Штрасхофе, где не мог избежать влияния матери. Он постоянно был готов к тому, что его платяные шкафы и грязные вещи могут быть обследованы, и внимательно следил, чтобы нигде не оставалось моих следов. Свое расписание на неделю и общение со мной он подстраивал под время визитов матери. Ее чрезмерная забота и его послушание казались мне чем-то неестественным. Она относилась к нему не как к взрослому, а он вел себя соответствующим образом. Живя в доме матери, переехавшей в его квартиру в Вене, Приклопил позволял ей продолжать полностью обслуживать себя.

Не знаю, жил ли он также за ее счет. Работу техника по связи на «Сименсе», где он прошел обучение, он потерял сразу после

моего похищения. После этого в течение нескольких лет Приклопил жил на пособие по безработице. Иногда он рассказывал мне, как время от времени ходил на собеседования, где специально притворялся таким глупым, чтобы его не взяли на работу. Таким образом он выполнял требования биржи труда и сохранял пособие. Позже, как я уже говорила, он помогал своему другу и партнеру по бизнесу Эрнсту Хольцапфелю в ремонте квартир. Также и Хольцапфель, которого я нашла после своего освобождения, описывает Приклопила как корректного, порядочного и надежного человека. Может, немного отставшего в социальном плане — Хольцапфель никогда не слышал, чтобы у того были другие друзья, не говоря уже о подруге. Одним словом, обыкновенный.

Этот милый молодой человек, не способный провести четкие границы в отношениях с матерью, вежливый с соседями и аккуратный до педантичности, всего лишь сохранял внешний фасад. Свои нереализованные чувства он складировал в подвале и изредка выпускал в затемненной кухне. Там, где была я.

Мне пришлось познакомиться с двумя сторонами Вольфганга Приклопила, о которых больше не подозревал никто. Одной из них была склонность к власти и порабощению. Второй — неутолимая жажда любви и признания. Чтобы проявить в полном объеме обе эти противоречивые стороны, он меня похитил и «сформировал».

* * *

Кто на самом деле, по меньшей мере по документам, скрывается за этим фасадом, я узнала где-то в 2000 году. «Ты можешь называть меня Вольфгангом», — бросил он как бы невзначай во время работы. «Как твое полное имя?» — спросила я. Он назвал то имя, которое я успела разглядеть на визитной карточке в первые недели моего заключения. Его же я видела, находясь в доме наверху, на рекламных проспектах, аккуратно сложенных на кухонном столе. Теперь мои догадки нашли свое подтверждение. А также то, что этим Похититель окончательно дал мне понять — я никогда не покину этот дом живой. В противном случае он бы ни за что не раскрыл своего полного имени.

С этой минуты я называла его иногда Вольфгангом или «Вольфи» — форма, предполагающая некую близость, в то время, как его обращение со мной достигло новой ступени насилия. Сейчас это выглядит так, как будто я тогда пыталась достучаться

до человеческого в человеке, систематически подвергающем меня мучениям и истязаниям.

Приклопил был психически очень болен. Его паранойя выходила за все мыслимые границы, далее тех, кто прячет похищенного ребенка в подвале. Его фантазии о всемогуществе смешивались с бредовыми идеями. В некоторых из них он играл роль всесильного властелина.

Как-то он заявил мне, что он один из египетских богов из фантастического сериала «Звездные врата»,^[35] который я с таким удовольствием смотрела. «Злые» среди инопланетян выступали в роли египетских богов, которые искали молодых мужчин, способных быть «хозяевами».^[36] Они проникали в тело через рот или затылок, жили в нем как паразиты и, в конце концов, завладевали им целиком. У этих богов было особое драгоценное украшение, с помощью которого они ставили людей на колени, подчиняя себе. «Я египетский бог, — как-то провозгласил Приклопил в моем застенке, — ты должна во всем мне повиноваться».

Тогда я не могла понять, было ли это только странной шуткой или он хотел использовать мой любимый фильм, дабы принудить меня к смирению. Все же я предполагаю, что к тому времени он действительно ощущал себя богом, оставив для меня в своем параноидальном бреде роль рабыни, благодаря которой он сам может возвыситься.

Его намеки на египетских богов пугали меня. Я ведь на самом деле была заточена под землей, как в саркофаге, заживо погребенная в подземелье, которое могло стать моим склепом. Я жила в мире бредовых иллюзий психопата. Если я не хотела погибнуть, то, насколько возможно, должна была участвовать в их создании. Уже тогда, когда он потребовал называть его «Маэстро», по его реакции я поняла, что не только являюсь пешкой в игре его волеизъявлений, но и сама получила в руки скромные бразды правления. Не только Похититель годами капал в нанесенную им рану яд, утверждая, что мои родители бросили меня на произвол судьбы, но и я чувствовала, что зажимаю в ладони несколько мизерных крупинок соли, которые могут доставить боль и ему. «Называй меня Мой повелитель!» Это было абсурдно, что Приклопил, чья позиция и так была очевидна с первого взгляда, нуждался в подобной словесной демонстрации повиновения.

Когда я отказалась называть его «Мой повелитель», он начал орать, бесноваться и несколько раз ударил меня за это. Но таким поведением я не только отстояла немного самоуважения, но и нащупала рычаг, с помощью которого могла управлять им. Даже

если за это я платила нескончаемой болью.

Подобную ситуацию я пережила, когда он в первый раз потребовал, чтобы я встала перед ним на колени. Развалившись на диване, он ждал, пока я сервирую для него еду, и вдруг ни с того ни с сего приказал: «Встань на колени!» Я спокойно ответила: «Нет. Я этого не сделаю». В бешенстве он подскочил ко мне и повалил на пол. Я быстро увернулась, чтобы по меньше мере приземлиться на попу, но не на колени. Ему и на секунду не удалось насладиться зрелищем — меня, стоящей перед ним на коленях. Тогда он схватил меня в охапку, перевернул на бок и согнул мои ноги, как будто я резиновая кукла. В таком сложенном состоянии Похититель поднял меня с пола, как запечатанную бандероль, и попытался опустить на пол в коленопреклоненное положение. Я же, сделавшись тяжелой и негнущейся, отчаянно крутилась в его руках. Он бил и пинал меня. Но в конечном итоге победа осталась за мной. Все последующие годы, несмотря на его настойчивые требования, я так никогда и не назвала его «Повелитель». И ни разу не встала перед ним на колени.

Зачастую было легче уступить, чтобы «сэкономить» на некоторых ударах и пинках. Но в ситуации полного подавления и абсолютной зависимости от Похитителя я пыталась сохранить последние остатки свободы действий. Роли были четко распределены. Как пленница, я, без сомнения, являлась жертвой. Но эта схватка вокруг слова «Повелитель» и коленопреклонением велась между нами постоянно не в виде открытого конфликта, а скорее как опосредованная война за отстаивание принципов. Я уступала ему, когда он избивал и унижал меня как хотел. Я уступала, когда он меня запирал, выключал свет и помыкал мной, как рабыней. Но в этом пункте я уперлась лбом: я называла его «Преступник», когда он требовал, чтобы я обращалась к нему «Повелитель». Я говорила «зайка» или «сокровище» вместо «мой господин», чтобы подчеркнуть гротескность ситуации, в которую он нас обоих поставил. Каждый раз за это я подвергалась наказанию.

Мне стоило бесконечно много сил все годы моего заключения сохранять настойчивость и упорство. Постоянно возражать. Всегда говорить «нет». Все время защищаться от нападений, спокойно разъясняя, что он зашел слишком далеко и не имеет права так со мной обращаться. Даже в те дни, когда я готова была сдаться, и чувствовала себя абсолютно беззащитной, я не могла позволить себе проявить слабость. В такие дни я со своей детской точки зрения объясняла эти поступки тем, что делаю это ради него. Чтобы он не стал еще более злым человеком. Как будто это

была моя обязанность — спасти его от окончательного падения в моральную пропасть.

Когда на него нападали приступы ярости, и он бил и пинал меня, я ничего не могла поделать. Также бессильна я была против принудительных работ, заточения в подвале, голода и унижений во время уборки дома. Эти способы моего подавления были теми рамками, внутри которых я существовала — интегральной составляющей частью моего мира. Единственным способом примириться с этим было прощение. Я простила свое похищение, я прощала каждый случай побоев и издевательств. Этот акт прощения возвращал мне власть над пережитым и позволял жить дальше. Не займи я инстинктивно с самого начала такую позицию, я точно или загнулась бы от ярости и ненависти или сломалась от унижений, которым подвергалась ежедневно. Я была бы уничтожена гораздо более болезненным способом, чем отказ от моей тождественности, моего прошлого, моего имени. С помощью прощения я как бы абстрагировалась от его действий. Они больше не могли унижить и уничтожить меня, я же их простила. Это были всего лишь подлости, которые он совершал, и которые бумерангом били по нему — но уже не по мне.

И я одерживала свои маленькие победы: отказ называть его «мой Повелитель», «Маэстро» или «мой Господин». Отказ встать на колени. Мои обращения к его совести, которые иногда падали на благодатную почву. Для меня это было жизненно важно. Они дарили мне иллюзию, что в определенной мере мы были равноправными партнерами в этих отношениях, так как создавали у меня некую видимость противоборства. И это давало мне очень важное ощущение, что я еще существую как личность и не деградировала до безвольного ничтожества.

* * *

Параллельно со своей манией власти Приклопил лелеял глубокую мечту об идеальном мире, в котором в его распоряжении должна была стоять я, его пленница, как мебель и персонал. Он пытался вырастить из меня партнершу, которую до сих пор не нашел. О «нормальных» женщинах вопрос не стоял. Его женоненавистничество было глубоким и непримиримым и порой вырывалось наружу в виде некоторых замечаний. Я не знаю, были ли у него раньше любовные отношения с женщинами, была ли подруга, когда он жил в Вене. Во время моего заключения единственной «женщиной его жизни» была его мать. Это были зависимые отношения со сверхидеализированной

персоной. Избавление от этого господства, что ему не удавалось в реальном мире, должно было произойти в мире моего подполья. Он перевернул ситуацию с ног на голову, принуждая меня играть роль покорной женщины, безропотно подчиняющейся ему и признающей его превосходство.

Его представление о совершенном семейном мире исходило как будто из 50-х годов. Он хотел иметь ретивую женушку, ожидающую его дома с готовым ужином, которая не перечит ему и идеально выполняет работу по дому. Он мечтал о «семейных праздниках» и выездах на природу, наслаждался нашими совместными обедами и праздновал именины, дни рождения и Рождество, как будто и не было застенка и заточения. Похоже, он пытался с моей помощью вести такую жизнь, которая ему не удалась за стенами его дома. Как если бы я была костью, подобранным на обочине, чтобы в момент, когда его жизнь шла не так, как он хотел, опереться на него. При этом лишая меня права на собственную жизнь. «Я король, — говорил он, — ты моя рабыня. Ты повинешься мне!» Или объяснял: «Вся твоя семья — пролеты.^[37] У тебя нет никакого права на собственную жизнь. Ты здесь, чтобы служить мне».

В этом безумном преступлении он нуждался для того, чтобы воплотить в жизнь собственное представление о маленьком, идеальном мире. В конечном итоге он хотел от меня только одного — признания и расположения. Как будто за всей этой жестокостью скрывалась одна-единственная цель — добиться хоть от одного человека абсолютной любви.

* * *

Когда мне исполнилось 14, я в первый раз за четыре года провела ночь наверху. Чувством освобождения это не было.

Я лежала, оцепенев от страха, в его постели. Он запер дверь и убрал ключ на шкаф, такой высокий, что сам дотянулся до верха, только встав на цыпочки. Так что для меня он стал недоступным. После этого лег рядом со мной и пластиковой стяжкой пристегнул свое запястье к моему.

В первых после моего побега газетных заголовках Похитителя называли «Секс-бестия». Об этой части своего заточения я рассказывать не буду — это последний уголок моей личной сферы, который я хочу сохранить для себя, после того, как мою жизнь в плену растрепали в бесчисленных протоколах, допросах и фото. Но одно я скажу: в своей жажде сенсаций бульварные журналисты оказались далеки от истины. Во многих смыслах

Похититель был бестией и даже более жестоким, чем это можно себе представить. Но не в этом. Естественно, я подвергалась сексуальным нападкам — они стали частью ежедневного шантажа, как тычки, удары кулаком, пинки походя по кости голени. Все же в те ночи, которые я должна была проводить наверху, прикованная к Похитителю, речь шла не о сексе. Мужчина, который меня бил, запирали в подвале и заставляли голодать, хотел ласки. Контролируемое, скованное пластиковыми наручниками, ночное обаяние.

Мне хотелось кричать, таким абсурдным было мое положение. Но я не издавала ни звука. Я лежала на боку, пытаюсь как можно меньше шевелиться. Моя спина, зеленая и синяя от побоев, болела так, что мне трудно было лежать, а пластик врезался в мою кожу. Я чувствовала затылком его дыхание и внутренне сжималась.

До следующего утра я оставалась прикованной к Похитителю. Чтобы пойти в туалет, я должна была его разбудить, и он сопровождал меня, запястье к запястью, до дверей уборной. Когда он засыпал рядом со мной, я бодрствовала с колотящимся сердцем, размышляя, смогу ли разорвать оковы. Но вскоре я отказалась от этих мыслей — если я поворачивала руку и напрягала мышцы, пластик врезался не только в мою кисть, но и в его. Он бы неизбежно проснулся и сразу бы раскрыл мои планы побега. Теперь я знаю, что при задержании преступников полиция тоже использует кабельную стяжку. Силой мускулов голодной 14-летней девочки их все равно не разорвать.

Так я лежала, пристегнутая к моему похитителю, в первую из множества ночей в этой постели. На следующее утро я должна была с ним завтракать. Ребенком я любила этот ритуал, а сейчас меня тошнило от лицемерия Похитителя, сидящего рядом за кухонным столом как ни в чем не бывало. Молоко, к нему две столовых ложки мюсли и ни крошки больше. Идеальный мир, как будто ничего не случилось.

В это лето я в первый раз попробовала лишиться себя жизни.

* * *

В эту фазу заточения мыслей о побеге у меня больше не возникало. В 15 лет моя психологическая тюрьма была полностью построена. Двери дома могли стоять распахнутыми: я не сделала бы ни шагу. Побег был смерти подобен. Для меня, для него, для всех, кто мог бы меня увидеть.

Очень трудно объяснить, что могут сделать с человеком

изоляция, побои и унижения. Как после множества истязаний уже один звук открываемой двери способен повергнуть в такую панику, что человек не может не то что бежать, но и дышать. Как бешено колотится сердце, кровь шумит в ушах, в мозгу вдруг щелкает выключатель, и ты впадаешь в столбняк. Ты не способен к действию, рассудок отключается. Чувство смертельного страха неизгладимо сохраняется в памяти, все детали ситуации, в которой человек испытал его впервые — запахи, звуки, голоса — намертво фиксируются в подсознании. Всплывает одна из них — поднятая рука — и страх снова здесь. Рука не коснулась горла, но ты начинаешь задышаться.

Как звуки новогодних салютов вызывают панику у переживших бомбежку, так было со мной из-за тысячи мелочей. Звук открывающихся тяжелых дверей, ведущих к моему застенку. Треск вентилятора. Темнота. Слепящий свет. Запах в доме наверху. Порыв воздуха, перед тем как его рука опустится на меня. Его пальцы на моей шее, его дыхание на моем затылке. Организм нацелен на выживание и реагирует, впадая в ступор. Когда-нибудь разрушения становятся настолько огромны, что даже внешний мир не обещает спасения, а превращается в угрожающую, оккупированную страхом территорию.

Допускаю, что Похититель понимал, что во мне происходит. Когда в то лето он впервые вывел меня в сад в дневное время, он был уверен, что я не сбегу. Незадолго до этого он позволил мне принять короткие солнечные ванны: на нижнем этаже была комната с окном до пола, которая не просматривалась снаружи ни с одной стороны, если опустить жалюзи. Там мне можно было прилечь на лежак и подставить себя лучам солнца. Для Похитителя это было что-то вроде «профилактического обслуживания»: он знал, что без солнечного света человек долго не протянет, и поэтому следил за тем, чтобы изредка я его получала. Для меня это было откровением.

Ощущение теплых лучей на моей бледной коже неопишимо. Я закрыла глаза. Солнце выписывало красные завитки под моими веками. Я постепенно впадала в полузабытье и представляла себя в открытом бассейне, слышала радостные детские голоса и чувствовала прохладу воды, омывающей кожу, если разгоряченной войти в нее. Я отдала бы все на свете, чтобы один разочек поплавать! Как Похититель, который иногда появлялся в застенке в плавках. Соседи, дальняя родня Приклопилов, имели такой же, как у него, бассейн в саду, только наполненный водой и пригодный для использования. Когда они отсутствовали, и Похититель следил за порядком в доме или поливал цветы, он иногда немного плавал. Я завидовала черной завистью.

Как-то в это же лето он огорошил меня новостью, что я могу пойти с ним искупаться. Соседей не было, а так как сады обоих домов соединялись тропинкой, к бассейну можно было пройти незамеченными с улицы.

Трава щекотала ступни моих голых ног, утренняя роса блестела маленькими бриллиантами между стебельков. Я проследовала за ним по узкой дорожке к саду соседей, разделась и скользнула в воду.

Это было как второе рождение. Плен, застенок, унижения — на мгновение все исчезло, когда я с головой ушла под воду. Напряжение растворилось в прохладной, голубой влаге. Я вынырнула и позволила водной глади качать мое тело. Маленькие бирюзовые волны сверкали на солнце. Надо мной раскинулось бесконечное лазурное небо. Уши, погруженные в воду, не слышали ничего, кроме тихого журчания.

Когда Похититель нервно потребовал, чтобы я вышла из воды, мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Как будто я должна была вернуться из очень отдаленного места. Я поплелась за Приклопилем в дом, через кухню в переднюю, оттуда в гараж и вниз, в застенок. После чего позволила запереть себя снова. И опять на долгое время единственным источником света для меня оставалась лампочка, управляемая таймером. На этом все закончилось — потом Похититель долгое время больше не пускал меня в бассейн. Но одного единственного раза хватило, чтобы напомнить мне, что при всем отчаянии и бессилии я все же хотела жить. Воспоминание об этом моменте показало, что игра стоит свеч — надо продержаться, пока я не смогу освободиться из плена.

* * *

За такие маленькие благодеяния, как солнечные ванны и посещение соседского бассейна, я тогда была страшно благодарна Похитителю. И остаюсь благодарна до сих пор. Я могу — как бы странно это ни звучало — признать, что при всем мученичестве во время моего заключения были и свои маленькие человеческие радости. Это относится и к Похитителю, который не мог не подпасть под влияние ребенка, а позже — юной девушки, с которой проводил многие часы. Тогда я хваталась за любой малейший человеческий жест, потому что была настроена находить хорошее в мире, где все равно ничего не могу изменить. В преступнике, с которым мне просто приходилось общаться, так как другого выхода не было. Да, такие моменты были, и я их

ценю. Моменты, когда он помогал мне при рисовании, раскрашивании или изготовлении поделок и, если что-то не получалось, поощрял меня начать сначала. Когда он проходил со мной пропущенные школьные предметы и составлял математические задания, выходящие за рамки программы, даже если после этого он с особенной радостью хватался за красный карандаш, а в сочинениях интересовался только грамматикой и правописанием. Нужно соблюдать правила. Но он был здесь. Он проводил со мной время, которого у меня было в избытке.

Мне удалось выжить с помощью бессознательного отторжения и отделения от себя кошмара. И благодаря этому ужасному опыту, накопленному мной во время заточения, стать сильной. Да, возможно даже развить в себе такую силу, к которой на свободе я не была бы способна.

Сегодня, спустя годы после моего побега, я стала осторожней с такими высказываниями. Что зло может содержать пусть и мизерные крохи нормальности и даже обоюдного взаимопонимания. Именно это я имею в виду, говоря о том, что ни в действительности, ни в экстремальных ситуациях не бывает только белого и черного, между ними существуют крохотные нюансы. Для меня эти нюансы были решающими. Вовремя уловив колебания настроения Похитителя, я могла избежать хотя бы одного из издевательств. То, что я постоянно обращалась к его совести, возможно, спасало меня от худшего. То, что я видела в нем человека с одной очень темной и другой, чуть более светлой стороной, давало мне возможность оставаться человеком. Потому что так он не мог меня сломить.

Может быть, поэтому я так решительно сопротивляюсь тому, чтобы быть помещенной в ящик Стокгольмского синдрома. Этот термин впервые появился после нападения на банк в Стокгольме в 1973 году. Преступники пять дней подряд держали в заложниках четырех служащих. К удивлению журналистов, после освобождения оказалось, что пленники испытывают больше страха перед полицией, чем перед террористами, и даже достигли с ними абсолютного взаимопонимания. Некоторые из жертв просили о милосердии к похитителям и навещали их в тюрьме. Общество не желала проявлять понимания к такой «симпатии» к преступникам, считала поведение пострадавших патологией. Понимать преступника — психическая аномалия, таково заключение. Свежеиспеченная болезнь с тех пор носит название «Стокгольмский синдром».

Сегодня я иногда наблюдаю за реакцией маленьких детей, с какой радостью они встречают родителей, целый день не видевших своих чад, но имеющих для них в запасе только

бранные слова или даже шлепки. Всех этих детей можно подвести под диагноз «Стокгольмский синдром». Они любят людей, с которыми вместе живут и от которых зависят, даже если те не всегда хорошо с ними обращаются.

Когда началось мое заточение, я тоже была ребенком. Похититель вырвал меня из моего мира и поместил в свой собственный. Человек, ограбивший меня, лишивший меня семьи и собственного «я», стал моей семьей. Я не видела другого выхода, как только принимать его таким, и училась радоваться знакам внимания, отторгая все негативное. Как любой ребенок, растущий в неблагоприятных условиях.

Сначала я удивлялась, что, являясь жертвой, способна к такой дифференциации, но общество, в котором я очутилась после освобождения, не допускает ни малейших оттенков. Оно не позволяет мне даже подумать о человеке, бывшем единственным в моей жизни в эти восемь с половиной лет. Я не могла бы даже позволить себе легкий намек, что мне не хватает возможности проанализировать прошлое, не вызвав непонимания.

Между тем я поняла, что слишком идеализировала это общество. Мы живем в мире, где женщины подвергаются надругательствам, но не могут сбежать от бьющих их мужей, хотя теоретически для них все двери открыты. Каждая четвертая женщина становится жертвой жестокого насилия. Каждая вторая в течение жизни сталкивается с опытом сексуальных издевательств. Такие преступления повсеместны, они могут скрываться за любой дверью этой страны, каждый день, и вряд ли кто-то выжмет из себя больше, чем пожимающее плечом, поверхностное сожаление.

Такой преступник, как Вольфганг Приклопил, необходим этому обществу, чтобы зло, живущее в нем, обрело лицо и отделилось от него. Оно нуждается в изображениях подвальных застенков, чтобы не пришлось заглядывать во все квартиры и палисадники, где насилие облекается в мещанский, буржуазный облик. Оно использует жертв таких сенсационных случаев, как мой, чтобы снять с себя ответственность за многих безымянных пострадавших от обыденных преступлений, которым никто не помогает, даже если они просят о помощи.

Преступления, аналогичные совершенному по отношению ко мне, выстраивают четкую черно-белую структуру для категорий добра и зла, на которой и зиждется общество, и для него, чтобы самому остаться на стороне «добра», преступник должен быть бестией, а его злодеяние сдобрено садомазохистскими фантазиями и дикими оргиями, с тем чтобы отодвинуться от него настолько далеко, будто оно не имеет с ним ничего общего.

И жертва должна быть сломленной и оставаться таковой,

чтобы функционировала экстернализация^[38] зла. Не желающие принять эту роль олицетворяют противоречия общества. Этого не хотят видеть. Своя рубаха ближе к телу.

Поэтому во многих людях я бессознательно вызываю агрессию, наверное потому, что само преступление и все то, что случилось со мной, ее порождают. После самоубийства Похитителя я осталась единственным достигаемым для нападок участником этих событий, и все удары сыплются на меня. Особенно если я призываю общество всмотреться глубже в суть вещей и понять, что преступник, похитивший меня, тоже был человеком. Человеком, живущим среди них. Те, кто имеет возможность анонимно высказать свое мнение на Интернет-форумах, выливают свою ненависть на меня. Это самоненависть общества, которое остается самим собой и обязано ответить на вопрос, почему оно такое допускает. Почему человек может внезапно исчезнуть, чтобы этого никто не заметил. На восемь долгих лет. Те, кто стоит напротив меня во время интервью и на мероприятиях, действуют более деликатно: двумя словами они превращают меня — единственного человека, пережившего заточение, снова в жертву. Они просто произносят: «Стокгольмский синдром».

НА САМОМ ДНЕ

Как физическая боль уменьшает душевные страдания

Эта благодарность по отношению к человеку, который сначала отказывает в пище, а потом якобы великодушно предлагает ее, является одним из характерных переживаний при похищениях или взятии в заложники. Это же так просто, привязать к себе человека, которого заставил голодать.

Лестница была узкой, крутой и скользкой. Я балансировала перед собой тяжелой стеклянной миской с фруктами, которые помыла наверху и теперь несла в застенок. Я не могла видеть свои ноги и медленно, ощупью спускалась вниз. И тут это случилось: я поскользнулась и упала. При ударе головой о ступени я услышала только, как миска разбилась с громким звоном. В этот момент все исчезло. Когда я пришла в себя и подняла голову, мне стало дурно. С моего голого черепа на ступени капала кровь. Вольфганг Приклопил, как всегда, был за моей спиной. Он сбежал по ступеням, взял меня на руки и понес в ванную, чтобы смыть кровь. При этом беспрестанно ворчал: «Как можно быть такой недотепой!» Я постоянно создаю ему проблемы! Я даже не могу по-человечески ходить. Потом он неумело перевязал меня, чтобы остановить кровотечение, и запер в темнице. «Теперь мне придется заново красить лестницу!» — напоследок кинул он, перед тем как запереть дверь. И в самом деле, на следующий день вернулся с ведром краски и покрасил серые бетонные ступени, на которых остались уродливые темные пятна.

В голове пульсировало. Когда я ее поднимала, все тело пронизывала резкая, стреляющая боль, а в глазах темнело. Несколько дней я провела в постели, не в состоянии пошевелиться. Думаю, тогда у меня было сотрясение мозга. Но теми долгими ночами, когда я не могла уснуть от боли, я думала, что у меня может быть перелом черепа. Все же я не решилась попросить показать меня врачу. Похититель и раньше не хотел ничего слышать о моих страданиях, и в этот раз наказал меня за то, что я поранилась. В последующие недели, издеваясь надо мной, он бил кулаком преимущественно в это место.

После падения мне стало ясно, что Похититель скорее оставит меня подыхать, чем обратится за помощью. До этого мне просто везло: не имея внешних контактов, я не подвергалась

опасности чем-нибудь заразиться — Приклопил истерически опасался поймать какой-нибудь микроб, так что, общаясь с ним, я была застрахована от болезней. Кроме легких простуд с небольшой температурой за все эти годы в плену я ничем не болела. Но во время тяжелой работы в доме в любой момент мог произойти несчастный случай, и иногда мне казалось чудом, что избивая меня и оставляя по всему моему телу синяки, гематомы и царапины, Похититель ни разу не сломал мне ни одной кости. Зато теперь я знала, что любая тяжелая болезнь, любой несчастный случай, требующие врачебного вмешательства, обозначают для меня гарантированную смерть.

К тому же наша «совместная жизнь» сложилась не совсем так, как он себе представлял. Мое падение с лестницы и его последующее поведение были симптоматичны для той фазы жесткой борьбы, которую я должна была вести в последующие два года моего заточения. Фазы, в которой я колебалась между депрессиями и мыслями о самоубийстве, с одной стороны, желанием жить и верой в то, что скоро все хорошо закончится, — с другой. Фазы, когда он пытался совместить повседневное насилие и мечту о «нормальном» сосуществовании. Что удавалось ему все с большим трудом и мучило его.

Когда мне исполнилось 16, реконструкция дома, которой он отдал всю свою энергию и мой труд, близилась к концу. Задачи, под решение которых подстраивался его режим дня в течение месяцев и лет, грозили бесследно упраздниться. Ребенок, похищенный им, превратился в молодую женщину и тем самым стал олицетворением того, что он так ненавидел. Чтобы не чувствовать себя униженной, я не соглашалась становиться безвольной марионеткой, какой он, по-видимому, мечтал меня видеть. Я была строптивой и одновременно все более депрессивной и пыталась самоустраняться, когда это только было возможно. Иногда ему приходилось силой вытаскивать меня из застенка. Я часами выла, не имея больше сил подняться. Он ненавидел сопротивление и слезы, и моя пассивность вводила его в неистовство. Ему нечего было ей противопоставить. Тогда ему должно было стать окончательно понятно, что не только моя с его, но и его с моей жизни связаны цепями. И каждая попытка разорвать эти цепи могла бы для одного из нас стать смертельной.

Изо дня в день Вольфганг Приклопил становился все более нервным, его паранойя усиливалась. Он с подозрительностью наблюдал за мной, готовый к тому, что я в любой момент могу на него напасть или сбежать. Когда вечерами его сотрясали приступы страха, он брал меня к себе в постель, приковывал

наручниками и пытался успокоиться теплом человеческого тела. Но перепады его настроения учащались, а я была адресатом каждого такого эмоционального колебания. С одной стороны, он начал заговаривать о «совместной жизни», информируя меня о своих решениях и обсуждая проблемы гораздо чаще, чем в предыдущие годы. В своем стремлении к идеальному миру он, похоже, не придавал никакого значения тому факту, что я была его узницей и каждое мое движение контролировалось. Если я когда-нибудь буду полностью принадлежать ему — если он, конечно, будет уверен в том, что я не сбегу, — тогда мы оба сможем начать другую, лучшую жизнь, объяснял он мне с горящими глазами.

О том, как должна выглядеть эта «лучшая» жизнь, он имел очень смутные представления. При этом его роль была четко определена: властитель в доме в разных вариациях. Ролей, предназначенных мне, было несколько. Домохозяйки и рабыни, избавляющей его от любой работы по дому, начиная с ремонта и заканчивая готовкой и уборкой. Соратницы, к плечу которой можно прислониться. Заменой матери, помойным ведром для слива душевных переживаний, мешком с песком, в который можно вбивать ярость на собственное бессилие в реальной жизни. Единственное, что не подвергалось никаким изменениям — это его представление о том, что я целиком и полностью должна быть в его распоряжении. Моя личность, мои потребности или немного свободы не нашли своего места в сценарии этой «совместной жизни».

Моя реакция на его мечты была неоднозначной. С одной стороны, они казались мне совершенно нелепыми — никто в здравом рассудке не может представить себе совместную жизнь с человеком, которого он похитил, заперев и подвергая многолетним издевательствам. В то же время этот далекий прекрасный мир, как он мне его описывал, начал потихоньку пускать корни в моем подсознании. Во мне сидела непреодолимая тоска по нормальности. Я хотела встречаться с людьми, выходить из дома, ходить по магазинам, купаться. Видеть солнце, когда захочу. С кем-нибудь разговаривать, все равно о чем. Эта совместная жизнь в представлении Похитителя, в которой он позволил бы мне некоторую свободу передвижения, чтобы я могла под его надзором покидать дом, иногда представлялась мне максимумом, достижимым для меня в этой жизни. Свободу, настоящую свободу, после всех этих лет я почти не могла себе представить. Во мне укоренился страх выйти за границы обозначенных рамок. Внутри этих рамок я научилась играть на всей клавиатуре и в любой тональности. Звук свободы я

уже забыла.

Я чувствовала себя солдатом, которого утешают, что после войны все будет снова хорошо. Не беда, что он между тем потерял ногу, так бывает. Для меня со временем стало непреложной истиной, что сначала нужно пройти через страдания, чтобы потом могла наступить «лучшая жизнь». Лучшая жизнь в плену. Ты должна радоваться, что я тебя нашел, ведь там ты вообще не смогла бы жить. Кому ты нужна? Ты должна быте мне благодарна, что я тебя принял. Моя война началась в голове. И она впитала в себя эти слова, как губка.

Но именно эта ослабленная форма заключения, воображаемая Похитителем, в некоторые дни казалась недостижимой. В этом он винил меня. Сидя как-то вечером за кухонным столом, он вздохнул: «Если бы ты не была такой упрямой, все было бы гораздо лучше. Если бы я был уверен, что ты не сбежишь, я не должен был бы тебя запираить и связывать». Чем старше я становилась, тем чаще переносил он на меня всю ответственность за мое заточение. Только я была виновата в том, что он вынужден меня бить и запираить — вела бы я себя лучше, была бы покорнее и послушнее, могла бы жить с ним вместе в доме наверху. Я парировала: «Это же ты заточил меня! Ты держишь меня в плену!» Но, похоже, он давно потерял связь с действительностью. Частично втягивая в это и меня.

В его хорошие дни эта фантазия, его фантазия, ставшая отчасти и моей, превращалась в реальность. В плохие он становился еще более непредсказуемым, чем раньше. Гораздо чаще, чем прежде, он стал использовать меня как коврик для ног, о который вытирал свои скверные настроения. Хуже всего были ночи, когда он не мог спать из-за мучавшего его воспаления гайморовых пазух. Если он не спал, я тоже не спала. В такие ночи я лежала в своей постели в застенке, а его голос часами гремел из громкоговорителя. Он рассказывал мне все детали прошедшего дня и требовал от меня отчета о каждом шаге, каждом прочитанном слове, каждом движении: «Ты убралась? Как ты распределила еду? Что ты слушала по радио?» Посреди ночи я должна была давать подробнейший отчет, а если сказать было нечего, что-нибудь сочинять, лишь бы успокоить его. В другие ночи он просто тиранил меня. «Повинуйся! Повинуйся! Повинуйся!» — монотонно кричал он в домофон. Голос громыхал по всей крошечной комнате, заполняя ее до последнего уголка: «Повинуйся! Повинуйся! Повинуйся!» Я не могла от него избавиться, даже пряча голову под подушкой. Он был постоянно здесь. Он приводил меня в исступление. От этого голоса мне некуда было деться. Днем и ночью он сигнализировал о том, что я

полностью в его власти. Днем и ночью он сигнализировал о том, что я не должна сдаваться. В моменты просветления стремление выжить и когда-нибудь бежать обострялось до невозможности. В будни у меня не хватало сил даже додумать до конца эти мысли.

* * *

Рецепт его матери лежал передо мной на кухонном столе. Я прочитала его множество раз, чтобы избежать ошибки: отделить белки от желтков. Смешать муку с разрыхлителем. Взбить белок до снежной пены. Он стоял сзади меня и нервно наблюдал.

«Но мама взбивает яйца совсем по-другому!»

«Мама делает это гораздо лучше!»

«Ты такая растяпа, будь же осторожнее!»

Немного муки просыпалось на рабочую поверхность стола. Он набросился на меня с воплями, что я слишком медленно работаю. Его мать сделала бы пирог... Я старалась изо всех сил, но все равно что бы я ни делала, ему этого было недостаточно. «Если твоя мать может это настолько лучше меня, так почему ты не попросишь ее испечь пирог?» Это вырвалось у меня бессознательно. И этого было достаточно.

Он начал молотить вокруг руками, как капризный ребенок, смел миску с тестом на пол и толкнул меня на кухонный стол, после чего затащил в подвал и запер. Стоял белый день, но света он не оставил. Он знал, каким пыткам меня подвергать.

Я залезла на кровать и начала тихо раскачиваться из стороны в сторону. Я не могла ни заплакать, ни забыться. При каждом движении в моих синяках и гематомах кричала боль. Но я просто молча и неподвижно лежала в абсолютной темноте, как будто выпавшая из времени и пространства.

Похититель не пришел. Будильник тихо тикал, напоминая о том, что время не стоит на месте. Должно быть, иногда я засыпала, но не помнила об этом. Все смешалось воедино — сны превратились в горячечный бред, в котором я видела себя бегущей по кромке моря с ребятами моего возраста. Свет в моем сне был слепяще-ярким, вода — темно-синей. На воздушном змее я парила над волнами, ветер играл в моих волосах, солнце припекало руки. Это было ощущение полной безграничности, опьянение чувством, что я живу. Я представляла себя на сцене, мои родители сидели среди публики, а я во весь голос пела песню. Моя мать хлопала, потом вскочила и обняла меня. На мне было чудесное платье из блестящего материала, легкого и нежного. Я чувствовала себя красивой, сильной и успешной.

Когда я проснулась, все еще было темно. Будильник монотонно тикал. Это было единственным знаком, что время не остановилось. Темнота осталась — на целый день. Похититель не пришел вечером, не пришел и на следующее утро. Я была голодна, в животе урчало, начались спазмы. У меня в застенке было немного воды. И все. Но питье больше не помогало. За кусочек хлеба я отдала бы все на свете.

В течение дня я все больше теряла контроль над своим телом, над своими мыслями. Боли в животе, слабость, страх, что я перегнула палку, и он оставил меня подыхать. Я чувствовала себя на борту тонущего «Титаника». Свет уже потух, корабль медленно, но неудержимо кренится на бок. Выхода больше нет, и я ощущаю, как все выше поднимается холодная, темная вода. Я чувствовала ее ногами, спиной, она плескалась у моих рук, уже добралась до моей груди. Все выше, и выше... Вдруг яркий луч света упал мне на лицо, я услышала, как что-то с глухим стуком упало на пол. Потом голос: «Тут кое-что для тебя». Дверь захлопнулась на замок. Снова наступила крошечная тьма.

Ошеломленная, я подняла голову. Я была вся мокрая от пота и не понимала, где нахожусь. Вода, затягивающая меня в глубину, исчезла. Но все шаталось. Я шаталась. Подо мной не было ничего, черное Ничто, в котором моя рука все время нащупывала только пустоту. Не знаю, как долго я находилась в этом состоянии, пока не осознала, что лежу в своей кровати в застенке. Мне показалось, прошла вечность, пока я собралась с силами, нащупала лестницу и спиной сползла вниз, ступенька за ступенькой. Оказавшись на полу, я на четвереньках двинулась вперед. Моя рука наткнулась на маленький полиэтиленовый пакет. Жадно, трясущимися пальцами я разодрала его, но так неудачно, что его содержимое вывалилось и покатилося по полу. В панике я шарила руками вокруг себя, пока не нащупала что-то продолговатое и прохладное. Морковка? Я обтерла это нечто рукой и вцепилась в него зубами. Похититель швырнул мне в застенок пакет моркови. На коленях я ползала по ледяному полу, пока не собрала все морковки. Потом по одной перенесла их в свою постель. Подъем наверх был похож на восхождение на высоченную гору — но это привело мое кровообращение в норму. В конце концов я проглотила все морковки, одну за другой. Мой живот громко урчал и сжимался в спазмах. Боли были нестерпимые.

Только через два дня Похититель снова забрал меня наверх. Уже на лестнице к гаражу я должна была закрывать глаза, так слепил меня сумрачный свет. Я вздохнула с облегчением, осознав, что в очередной раз смерть миновала меня.

«Теперь-то ты будешь себя хорошо вести?» — спросил он, когда мы поднялись наверх. «Ты должна исправиться, иначе я снова тебя запру». Для споров с ним я была слишком слаба. На следующий день я заметила, что кожа на внутренней стороне бедер и на животе пожелтела. Бета-каротин из моркови отложился в последних оставшихся жировых прослойках под моей прозрачно-белой кожей. Сейчас мне было 16 лет, и я весила 38 килограммов при росте один метр сто пятьдесят семь сантиметров.

Ежедневное взвешивание вошло у меня в привычку, и я день за днем наблюдала, как стрелка весов движется вниз. Похититель потерял всякую меру и все еще считал, что я слишком толстая. А я ему верила. Сейчас я знаю, что индекс массы моего тела^[39] тогда составлял 14,8. Организация всемирного здравоохранения установила индекс массы тела 15 как порог угрозы голодной смерти.

Голод — абсолютно экстремальное испытание. Первое время еще чувствуешь себя хорошо: если поступление пищи прекращается, организм сам поддерживает свои силы. Адреналин устремляется в систему. Ты начинаешь чувствовать себя лучше, полон энергии. Это подобно механизму, с помощью которого тело сигнализирует — у меня еще есть резервы, ты можешь использовать их для поиска пищи. Запертому под землей еду не найти, выброс адреналина происходит впустую.

К этому прибавляется урчание в животе и мысли о еде. Они фокусируются на крошке съедобного. Позже теряется ощущение реальности, впадаешь в бредовое состояние. Человек больше не спит, а просто уходит в другой мир. Он видит шведский стол, большие тарелки со спагетти, торты и пироги — только протяни руку. Фата Моргана. Спазмы, сотрясающие все тело, создают ощущение, что желудок пожирает сам себя. Боли, вызываемые голодом, просто невыносимы. Этого не понять тому, кто принимает за голод легкое урчание в животе. Я бы многое отдала, чтобы никогда не испытать эти спазмы. В итоге тобой овладевает слабость. Нет сил поднять руку, кровообращение нарушается, и когда встаешь, перед глазами темнеет, а пол уходит из-под ног.

Недостаток света и еды оставил ощутимые следы на моем теле; от меня остались кожа да кости, а на мелово-белых щеках явственно выступали сине-черные пятна, не знаю, вследствие голода или длительного пребывания без света. Но выглядели они неутешительно, как трупные пятна.

После длительного периода голодания Похититель начинал

медленно откармливать меня до тех пор, пока я снова не набиралась сил для работы. Для этого требовалось время, потому что после длительной фазы голодания я была в состоянии принимать пищу только крошечными порциями. Хотя целыми днями я не могла думать ни о чем другом, меня начинало тошнить от одного запаха еды. Решив, что я опять «полна сил», Похититель начинал сокращение рациона заново. Приклопил использовал голод абсолютно целенаправленно. «Ты слишком строптива, у тебя избыток энергии», — говорил он иногда, перед тем как отобрать у меня последнюю кроху моей и так мизерной порции. В то же время и его анорексия^[40] прогрессировала. Навязчивая идея о здоровом питании приняла абсурдные формы. «Мы будем каждый день выпивать бокал вина для профилактики инфаркта». С этого момента я должна была раз в день пить красное вино. Речь шла всего о паре глотков, но вкус вина казался мне отвратительным, и я глотала его, как горькое лекарство. Он и сам не любил вино, но заставлял себя выпивать маленький стаканчик перед едой. С наслаждением это не имело ничего общего; а только предоставляло возможность выдвинуть очередное правило, которому он, а с ним вместе и я, должны были строго следовать.

Следующим его шагом стало объявление войны углеводам: «Мы садимся на кетогенную диету».^[41] С этого момента сахар, хлеб и даже фрукты были запрещены, я получала только жирную и богатую белком пищу. Хотя и мизерными порциями, но мой изнуренный организм все хуже воспринимал такое «лечение». Особенно когда после нескольких дней в подвале без пищи наверху я получала жирное мясо и яйца. Во время совместных трапез я старалась проглотить свою порцию как можно быстрее. Закончив раньше него, я могла надеяться на небольшую добавку — он не переносил, когда я наблюдала, как он ест.

Но самым ужасным испытанием было, когда я, заморенная голодом, должна была стоять у плиты. Как-то он выложил передо мной на рабочий стол рецепт своей матери и упаковку филе трески. Я почистила картошку, посыпала треску мукой, отделила белки от желтков и обмакнула кусочки рыбы в желток. После этого разогрела на сковородке немного масла, обвалила рыбу в панировочных сухарях и обжарила ее. Как всегда, он сидел в кухне и комментировал мои действия: «Моя мать делает это в десять раз быстрее». «Ты же видишь, что масло перегрелось, тупая корова!», «Не чисти столько картофеля, это расточительство».

Запах жареной рыбы распространялся по кухне и сводил меня с ума. Я сняла рыбу со сковородки и переложила на бумажное полотенце, чтобы дать стечь жиру. Рот наполнился слюной: тут

было достаточно рыбы для настоящего пиршества. Может, мне удастся съесть две штучки? И немного картофеля к ним?

Я не знаю, что именно в этот момент я сделала не так. Помню только, что Приклопил вдруг вскочил, вырвал у меня из рук тарелку, которую я собиралась поставить на стол, и заорал: «Ты сегодня не получишь вообще ничего!»

И тут я не выдержала. Я была такой голодной, что за ломтик рыбы могла убить. Схватив с тарелки кусочек, я начала поспешно запихивать его в рот. Но Похититель опередил меня, выбив рыбу из моей руки. Я попробовала ухватить другой кусок, тогда он поймал меня за запястье и сжимал его до тех пор, пока пища не выпала из моих рук. Я бросилась на пол, чтобы подобрать остатки, упавшие во время нашей потасовки. Кое-что мне удалось затолкать в рот. Тут же его рука схватила меня за горло: он поднял меня с пола, подтащил к умывальнику и опустил в него мою голову. Другой рукой он разжал мне зубы и душил меня до тех пор, пока меня не вырвало запретными крохами. «Это станет тебе уроком!» После чего взял тарелку и унес ее в прихожую. Дрожа, я стояла посреди кухни, униженная и беспомощная.

Используя такие методы, Похититель держал меня в плену слабости пополам с зависимостью и благодарностью. Не бьют по руке, тебя кормящей. У меня была только одна рука, способная спасти меня от голодной смерти — рука мужчины, систематически доводящего меня до нее. Маленькие порции еды иногда казались мне сказочными дарами. Я до сих пор так живо представляю себе колбасный салат, который время от времени готовила его мать, что он до сих пор является для меня деликатесом. Когда после двух или трех дней в застенке я снова могла подняться наверх, Похититель изредка давал мне маленькую площадку салата. Чаще всего в маринаде плавали только лук и пара ломтиков помидора — колбасу и сваренные вкрутую яйца он выуживал заранее. Но для меня и эти остатки являлись настоящим пиршеством. А если он, кроме того, делился со мной пищей со своей тарелки, а паче того, куском пирога, я была просто без ума от счастья. Как легко привязать к себе человека, которого заставляешь голодать.

* * *

1 марта 2004 года в Бельгии начался судебный процесс над серийным убийцей Марком Дютру. С детских лет я сохранила яркое воспоминание об этом деле. Мне было восемь лет, когда в августе 1996 года полиция ворвалась в его дом и освободила двух

девочек — двенадцатилетнюю Сабину Дарденн и четырнадцатилетнюю Летисию Делез. Еще четырех девочек нашли мертвыми.

Месяцами я следила за ходом процесса по радио и телевидению. Узнав о мучениях Сабины Дарденн, я страдала вместе с ней, стоящей в зале суда напротив преступника. Ее, как и меня, по пути в школу затащили в автофургон и увезли в неизвестном направлении. Но подвальный застеночек, в котором она была заперта, был еще меньше, чем мой, и ее история во время заточения отличалась от моей. Ей пришлось в действительности пережить тот кошмар, которым Похититель меня только пугал. Несмотря на существенные различия, преступление, раскрытое за два года до моего собственного похищения, запросто могло послужить сценарием для сумасшедшего плана Вольфганга Приклопила. Доказательств этому, разумеется, нет.

Процесс взволновал меня, несмотря на то, что я не нашла себя в Сабине Дарденн. Она была освобождена из плена через восемьдесят дней заточения и все еще пребывала в гневе, сохраняя уверенность, что правда на ее стороне. Она называла преступника «монстром» и «гадом» и требовала извинений, не полученных ею в зале суда. Заключение Сабины Дарденн было достаточно коротким для того, чтобы не успеть потерять себя. Я, в отличие от нее, к этому моменту уже 2200 дней и ночей находилась в заточении, мое восприятие действительности давно исказилось. Разумом я ясно осознавала, что пала жертвой преступления. Но из-за длительного контакта с Похитителем, необходимым мне для выживания, эмоционально я давно срослась с его психопатическими фантазиями. Они стали моей реальностью.

Из этого процесса я усвоила две вещи: во-первых, что жертвы насильственных преступлений не всегда вызывают доверие. Все бельгийское общество было убеждено в том, что за Марком Дютру стоит большая сеть — сеть, достигающая высших кругов. По радио я слышала, каким нападкам подвергалась Сабина Дарденн, не пожелавшая подкинуть дров в огонь этих теорий, а, напротив, твердо настаивавшая на том, что кроме самого Дютру никого больше не видела. А во-вторых, что сочувствие и эмпатия^[42] по отношению к жертвам не бесконечны и могут быстро перерасти в агрессию и неприятие.

Примерно в это же время я в первый раз услышала по радио свое имя. По радио культуры шла передача о документальных книгах, как я внезапно вздрогнула: «Наташа Кампуш». Уже шесть лет я не слышала, чтобы это имя произносилось вслух.

Единственный, кто мог ко мне так обратиться, сам поставил вето на мое собственное имя. Ведущий упомянул его в связи с новой книгой Курта Тотцера и Гюнтера Каллингера. Название гласило: «Бесследно пропавшие — самые сенсационные случаи Интерпола». Авторы рассказывали о своих изысканиях — и обо мне. Мистический случай, в котором не было ни одного горячего следа, а также трупа. Я сидела перед радио, и мне хотелось кричать: «Здесь я! Я жива!» Но никто не мог меня услышать.

* * *

После этой передачи моя ситуация показалась мне такой безвыходной, как никогда ранее. Я сидела на кровати, и вдруг все предстало передо мной в ясном свете. Я не могу так провести всю свою жизнь — это я понимала. Я понимала также и то, что Похититель никогда в жизни меня не освободит, а побег абсолютно исключен. Выход был только один.

Попытка самоубийства, предпринятая мной в тот день, была не первой моей попыткой уйти из жизни. Просто исчезнуть, раствориться в таинственном Ничто, где нет больше ни боли, ни чувств — таким представлялся мне тогда акт самоутверждения. Ведь у меня не было иных полномочий распоряжаться своей жизнью, своим телом, своими поступками. Возможность самостоятельно лишить себя жизни была моим последним козырем.

Когда мне было 14 лет, я несколько раз безуспешно пыталась удавиться с помощью деталей одежды. В 15 — перерезать вены. Я вонзила в кожу большую швейную иглу и ввинчивала ее все глубже, пока хватило сил. Рука горела почти невыносимо, тем самым умиряя терзающую мою душу внутреннюю боль. Временами, когда физическое страдание на короткие моменты заглушает душевные мучения, наступает облегчение.

В этот раз я хотела испробовать другой способ. Это случилось в один из вечеров, когда Похититель запер меня в подвале раньше, чем обычно, и я знала, что до следующего дня он не появится. Приведя в порядок комнату, я аккуратно сложила пару имеющихся у меня футболок и бросила прощальный взгляд на фланелевое платье, в котором была похищена, висящее теперь на крючке под моей кроватью. В мыслях я попрощалась с матерью. «Прости, что я ухожу. И что я снова ухожу, не сказав ни слова», — шептала я. Ну что же может случиться? После этого медленно подошла к плите и включила ее. Когда конфорка накалилась, я положила на нее бумагу и пустые рулоны от туалетной бумаги.

Потребовалось время, пока бумага начала куриться — но это сработало. Я поднялась по лестнице и улеглась в кровать. Застенок наполнится дымом, и я тихо уйду, самостоятельно уйду из жизни, которая давно перестала быть моей.

Не знаю, как долго я лежала на постели в ожидании смерти. Мне показалось — целую вечность, на которую я уже настроилась. Похоже, дело двигалось достаточно быстро. Вскоре едкий чад достиг моих легких, и я сделала глубокий вдох. Но тут моя, казалось навсегда утерянная жажда жизни, громко заявила о себе. Каждая клеточка моего тела объявляла протест. Я начала кашлять, зажала рот подушкой и ринулась вниз по лестнице. Отвернула кран, сунула полотенце под струю воды и кинула его поверх тлеющей бумаги на плиту. Вода зашипела, едкий дым стал гуще. Кашляя, со слезящимися глазами, я размахивала в воздухе полотенцем, чтобы разогнать дым, лихорадочно размышляя, каким образом скрыть от Похитителя попытку покончить с собой. Самоубийство, ультимативное неповиновение, худшее из воображимых преступлений.

На следующее утро в комнате стояла вонь, как в коптильне. Придя в застенок, Приклопил в недоумении втянул в себя воздух. Он выдернул меня из кровати, начал трясти и рычать на меня. Как я могла посметь лишить его себя! Как я могла посметь так злоупотребить его доверием! На его лице попеременно отражались то ярость, то страх. Страх перед тем, что я могу все разрушить.

СТРАХ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

Внутренняя тюрьма

Удары кулаком и пинки., удушение., царапины, ушибы и защемление запястья, толчки на дверные косяки. Удары молотком и кулаками в область желудка (тяжелым молотком). Я вся была покрыта синяками: на правом бедре, правом предплечье (5 раз по 1 см) и нижней части руки (ок. 3,5 см в диаметре), на правой и левой внешней стороне бедра (слева ок. 9-10 см в длину, от глубокой черной до фиолетовой окраски, ок. 4 см в ширину), также на обоих плечах. Ссадины и царапины на бедрах, на левой икре.

I want once more in my life some happiness And survive in the ecstasy of living I want once more see a smile and a laughing for a while I want once more the taste of someone's love

Запись в дневнике, январь 2006

Мне было 17, когда Похититель принес в застенки видеокассету с фильмом «Плезантвиле». В нем рассказывалось о брате и сестре, выросших в 90-е годы в США. В школе учителя говорят о мрачных перспективах на рынке рабочих мест, СПИДе и угрозе гибели мира из-за глобального потепления. Дома разведенные родители ругаются по телефону, кто займется детьми на выходные, и с друзьями тоже сплошные проблемы. Мальчик окунается в мир телесериала из 1950 годов: «Добро пожаловать в Плезантвиле! Мораль и целомудрие. Сердечные приветствия: „Дорогой, я дома!“ Правильное питание: „Еще кусочек кекса?“ Добро пожаловать в идеальный мир Плезантвиле! Только на TV-Time!» В Плезантвиле мать сервирует еду именно в тот момент, когда отец приходит домой с работы. Дети красиво одеты, и играя в баскетбол, всегда попадают в корзину. Мир состоит только из двух улиц, а у пожарной охраны одна единственная задача: снимать кошек с деревьев — пожаров в Плезантвиле не бывает.

После ссоры из-за пульта дистанционного управления ребята внезапно оказываются в Плезантвиле. Вдруг они очутились в плену этого странного местечка, где отсутствуют краски, а люди живут по правилам, непостижимым уму детей. Если получится войти в это общество, то жизнь в Плезантвиле может оказаться замечательной. Но стоит нарушить его законы, как дружелюбные жители превращаются в свирепый сброд.

Фильм казался мне аллегорией той жизни, которую вела я. Внешний мир для Похитителя был равноценен Содому и Гоморре,

где всюду подстерегали опасности, грязь и порок. Этот мир был для него воплощением всего того, в чем он потерпел фиаско и от чего он хотел оградить себя, а также и меня. Наш мир за желтыми стенами должен был быть миром Плезантвиля: «Еще кусочек кекса?» — «Спасибо, дорогая!» Та иллюзия, которую он постоянно озвучивал в своих рассуждениях, как прекрасно мы могли бы жить. В этом доме с отполированными до блеска, слишком ярко сверкающими поверхностями, и с мебелью, задыхающейся от собственного мещанства. Но он и дальше работал над фасадом, инвестируя в свою, нашу, новую жизнь, на которую в следующий момент набрасывался с кулаками. В одной из сцен «Плезантвиля» говорилось: «То, что я знаю, и есть моя реальность». Сейчас, перелистывая свой дневник, я иногда поражаюсь, как хорошо смогла вписаться в полный противоречий сценарий Приклопила:

Дорогой дневник! Пришло время полностью и без утайки излить тебе боль моего сердца, которую ему пришлось испытать. Начнем с октября. Теперь я не могу сказать точно, как все было, но вещи, которые произошли, были не очень хорошими. Он посадил несколько кустов туи «Брабант». С ними все в порядке. С ним же не всегда, а если у него не все в порядке, он превращает мою жизнь в ад. Каждый раз, когда у него болит голова, и он принимает таблетку, начинается аллергическая реакция, вызывающая сильнейший насморк. Но он получил от врача капли в рот. В любом случае, было очень тяжело. Без конца разыгрывались неприятные сцены. В конце октября пришел новый гарнитур для спальни со звучным именем «Эсмеральда». Одежда, подушки и матрасы прибыли немного раньше. Разумеется, все антиаллергическое и пригодное к горячей стирке. Когда привезли кровать, я должна была помочь ему разобрать старый платяной шкаф. На это ушло около трех дней. Мы должны были разобрать все на части, перенести тяжелые дверцы в рабочий кабинет, боковые стенки и полки мы снесли вниз. После этого пошли в гараж и распаковали все тумбочки и часть кровати. Мебель состоит из двух прикроватных тумбочек, каждая с двумя выдвижными ящиками и золочеными ручками, двух комодов, одного узкого высокого с... (прерывается).

Золоченные ручки, отполированные рукой идеальной домохозяйки, ставящей на стол еду, приготовленную по рецепту своей еще более идеальной матери. Если я все делала правильно

и не уходила со сцены дальше кулис, иллюзия на какой-то момент становилась реальностью. Но каждое отклонение от сценария, который мне перед спектаклем не дали прочитать, жестоко наказывалось. Его непредсказуемость стала моим злейшим врагом. Даже будучи уверенной, что я все делаю правильно, даже угадывая, какой реквизит понадобится в этот момент, я могла ожидать от него чего угодно. Взгляд, слишком долго задержавшийся на нем, не та тарелка на столе, еще вчера подходящая, могли вывести его из себя. Чуть позже в моих записях стоит:

Жестокие удары по голове, в правое плечо, в живот, по спине и в лицо, а также в ухо и в глаз. Бесконтрольные, неожиданные и внезапные приступы бешенства. Крики, оскорбления, тычки при подъеме по лестнице... Удушения, садится на меня, зажимает рот и нос, задыхаюсь. Садится на плечи, встает коленями на кости рук, отбивает кулаками руки. На моих предплечьях кровоизлияния в форме пальцев, царапина и ссадина на левом предплечье. Он садился мне на голову или, стоя коленями на моем торсе, со всей силы бил меня головой об пол. И это несколько раз и со всей силы, пока не началась головная боль и тошнота. После этого беспорядочный дождь кулачных ударов, кидание предметами и толчки на ночную тумбочку. (...)

Тумбочка с золочеными латунными ручками. И снова он позволял мне вещи, поддерживающие иллюзию, что все делается ради меня. Например, он разрешил мне снова отращивать волосы. Но и это было только частью инсценировки. Потому что я должна была покрасить их перекисью водорода, чтобы соответствовать его женскому идеалу: послушная, трудолюбивая, белокурая.

Я проводила все больше времени наверху в доме, часами стирая пыль, убирая и готовя еду. Как и прежде, он ни на секунду не оставлял меня одну. Желание подвергнуть меня тотальному контролю зашло так далеко, что он даже снял с петель двери во всех туалетах дома — и на две минуты я не могла уклониться от его взгляда. Его постоянное присутствие доводило меня до иступления.

Все же и он стал пленником своего собственного сценария. Запирая меня в подвале, он должен был меня снабжать. Забирая меня в дом, не мог ни на секунду спустить с меня глаз. Методы оставались прежними. Но и его внутреннее напряжение возрастало. Что, если и сотни ударов будет недостаточно, чтобы держать меня под контролем? Тогда он потерпит неудачу и в

Приколопил отдавал себе отчет в этом риске. Поэтому и делал все для того, чтобы показать, что мне угрожает, попытайся я покинуть его мир. Вспоминаю одну сцену, когда он унизил меня так, что я ринулась в дом, ища в нем спасения.

Как-то после обеда я работала наверху и попросила его открыть окно — я просто хотела вдохнуть немного свежего воздуха и услышать пение птиц. Похититель накинулся на меня: «Тебе это нужно только потому, что ты хочешь закричать и сбежать!»

Я умоляла его поверить мне, что я не убегу: «Я останусь, я обещаю. Я никогда от тебя не сбегу».

Окинув меня недоверчивым взглядом, он схватил меня за локоть и потащил к входной двери. Стоял белый день, на улице ни души, но, несмотря на это, маневр был рискованным. Открыв дверь, он вытолкнул меня наружу, не разжимая железной хватки на моей руке. «Ну, беги же! Попробуй! Посмотрим, как далеко ты уйдешь в таком виде!»

Я замерла от ужаса и стыда. На мне почти ничего не было, и свободной рукой я попыталась прикрыть свое тело. Стыд, что чужой человек может увидеть меня во всей моей худобе, покрытую синяками, с торчащими на голове короткими волосами, был сильнее, чем слабая надежда, что кто-нибудь, заметив эту сцену, обратит на нее внимание.

Так он поступал несколько раз — выпихивал меня голышом за порог дома и говорил: «Ну, беги! Посмотрим, как далеко ты уйдешь!» С каждым разом внешний мир становился все более угрожающим. Я угодила в эпицентр конфликта между желанием познакомиться с ним и страхом совершить этот шаг. Месяцами я молила о возможности ненадолго оказаться на свободе, но постоянно слышала в ответ: «Чего ты хочешь? Ты ничего не теряешь, ведь снаружи точно так же, как и здесь, внутри. Кроме того, оказавшись там, ты закричишь, и я должен буду тебя убить».

Он колебался между болезненной паранойей, страхом, что его преступление будет раскрыто, и мечтой о нормальной жизни, которая предполагала неизбежные выходы во внешний мир. Он попал в замкнутый круг, и чем больше чувствовал себя зажатым в угол собственными мыслями, тем больше его агрессия оборачивалась против меня. Как и раньше, он делал ставку на смесь психологического и физического насилия, беспощадно

растаптывая последние остатки моего собственного достоинства и постоянно вдавливая мне: «Ты — ничтожество, ты должна быть благодарна, что я тебя взял. Больше ты никому не нужна!» Он рассказывал, что мои родители в тюрьме, а в старой квартире больше никто не живет. «И куда ты денешься, если убежишь? Там ты никому не нужна. Потом расквешься и приползешь ко мне на коленях». Кроме того, настойчиво повторял, что убьет любого, кто случайно станет свидетелем моей попытки к бегству. Первыми жертвами, объяснял он, возможно, станут соседи. Я же не хочу взять на себя за это ответственность? Или..?

Он имел в виду своих родственников в доме по соседству. С тех пор, как я изредка плавала в их бассейне, я чувствовала что-то вроде своеобразной связи с ними. Как будто это они позволили мне вырваться на свободу из будней дома. Я их никогда не видела, но вечером, находясь наверху в доме, я иногда слышала, как они зовут своих кошек. Голоса звучали дружелюбно и обеспокоенно. Как голоса людей, с любовью ухаживающих за теми, кого приручили. Приклопил старался минимизировать контакт с ними. Изредка они приносили ему пирог или сувенир, привезенный из отпуска. Как-то раз я была в доме в тот момент, когда позвонили в дверь, и быстро спряталась в гараже. Я слышала их голоса, пока они стояли с Похитителем возле дверей, передавая ему что-то, сделанное собственными руками. Такие угощения он тот час же выкидывал — из обостренного чувства безгливости он ни разу не съел ни кусочка.

* * *

Когда он впервые взял меня с собой, я не ощутила духа свободы. А как я радовалась долгожданной возможности покинуть тюрьму! Сейчас же я сидела на переднем сиденье, парализованная страхом. Похититель дал инструкции, что отвечать, если меня вдруг кто-нибудь узнает: «Сначала веди себя так, как будто не понимаешь, о чем речь. Если это не поможет, скажи: „Нет, это ошибка“. А если тебя спросят, кто ты, отвечай, что моя племянница». Наташи давно уже не было в помине. После этого он завел машину и выехал из гаража.

Мы ехали по Штрасхофу вдоль Гейнештрассе: палисадники, живые изгороди, за ними дома. Улица была пуста. Мое сердце билось где-то в горле. Первый раз за все семь лет я покинула дом Похитителя. Я ехала по миру, который я знала только по моим воспоминаниям и коротким видеофильмам, когда-то записанным Похитителем для меня. Мелькали пейзажи, характерные для

Штрасхофа, редкие прохожие. Когда он повернул на главную улицу и влился в поток движущихся машин, я краем глаза заметила мужчину, идущего по тротуару. Он шагал размеренно, без остановок, без лишних движений, как игрушечный робот, который заводится поворотом большого ключа в спине.

Все, что я видела, выглядело нереальным. И как в тот первый раз, когда я, двенадцатилетняя, стояла в ночном саду, меня охватило сомнение в существовании всех этих людей; так обыденно и равнодушно передвигавшихся по местности, знакомой мне, но ставшей абсолютно чужой. Яркий свет, в котором все купалось, казался льющимся из огромного прожектора. В этот момент я была уверена, что все это подстроено Похитителем. Это было съемочной площадкой, его большим «Шоу Труман»,^[43] где все люди — статисты, а мир — одна большая инсценировка, созданные для того, чтобы ввести меня в заблуждение, будто я на свободе. В то время как я остаюсь заключенной, просто в более просторной камере. То, что это была моя собственная психологическая тюрьма, в которой я томила, я поняла несколько позже.

Мы покинули Штрасхоф, проехали по сельской местности и остановились в небольшом леске. Я могла ненадолго выйти из машины. Воздух пряно пах деревом, по сухой сосновой хвое скользили солнечные зайчики. Я опустила на колени и осторожно прижала ладонь к земле. Иголки кусались, оставляя красные точки на подушечках пальцев. Пройдя несколько шагов, я прислонилась лбом к стволу дерева. Потрескавшаяся кора нагрелась от солнца и издавала сильный запах смолы. Так же, как деревья моего детства.

На обратном пути никто не сказал ни слова. Похититель выпустил меня из машины в гараже и запер в застенке, а я почувствовала, как во мне поднимается глубокая тоска. Я так долго радовалась встрече с внешним миром, раскрашивая ощущения, которые испытую, самыми яркими красками. И теперь, оказавшись в нем, чувствовала себя в иллюзорном мире. Моей реальностью были березовые обои в кухне, привычная для меня среда, в которой я знала, как себя вести. Здесь, снаружи, я растерянно топталась на месте, как будто попала в другой мир.

* * *

Это впечатление начало сглаживаться, когда я в следующий раз оказалась на свободе. Мое безропотное, испуганное поведение при первых неуверенных шагах придало Похитителю

уверенности. Уже через несколько дней он взял меня с собой в парфюмерный магазин Штрасхофа, пообещав, что я смогу выбрать для себя что-нибудь приятное. Похититель припарковал машину перед входом в магазин и прошипел: «Ни слова. Иначе здесь всем конец». После чего вышел из машины, обошел ее и открыл дверь с моей стороны.

Он пропустил меня вперед, и я вошла внутрь. Вплотную позади себя я слышала его тихое дыхание, представляя, как в кармане куртки его рука сжимает пистолет, чтобы сразу, как только я сделаю одно единственное лишнее движение, расстрелять всех. Но я буду молодцом. Я никого не подставляю под удар, я не попытаюсь бежать, я не хочу ничего иного, как урвать тот маленький кусочек жизни, который для других девочек моего возраста является само собой разумеющимся — просто пройти по отделу косметики в парфюмерном магазине. Краситься мне было не позволено — Похититель не разрешал мне даже нормальную одежду, — но мне хотелось вырвать у него хоть крошечную уступку. Он позволил выбрать две вещи, необходимые в подростковом возрасте. В моем понимании тушь для ресниц являлась вещью первостепенной важности. Это я вычитала в журналах для девочек, которые Похититель изредка приносил мне в подвал. Я постоянно рассматривала страницы с образцами макияжа, одновременно представляя, как бы я нарядилась к своему первому походу на дискотеку. Крутятся с подружками перед зеркалом, прихорашиваясь и прыская, примеряя сначала одну, потом все же другую кофточку. Прическа в порядке? Ну, пошли, нам пора!

Теперь же я стояла между длинными полками с невероятным количеством незнакомых мне баночек и флакончиков, магически-притягательных, но в то же время вселяющих неуверенность. Я растерялась от этого разнообразия впечатлений, не понимая, что мне надо и опасаясь случайно смахнуть что-нибудь на пол.

«Ну же! Поторопись!» — услышала я его голос за спиной. Я спешно схватила первый попавшийся тюбик туши для ресниц, потом из маленького деревянного шкафчика с ароматическими маслами достала бутылочку с мятным маслом. Мне хотелось поставить ее открытой в своем застенке в надежде, что аромат масла перебьет затхлый запах подвала. Все это время Похититель не отставал от меня ни на шаг. Это нервировало меня, как будто я была воровкой, еще не застуканной на месте преступления, но которую в любой момент могут схватить за руку. Стараясь сохранять спокойствие, я медленно двинулась к кассе. За ней сидела полноватая женщина лет пятидесяти с небрежно завитыми седыми волосами. Когда она дружелюбно поприветствовала меня:

«Добрый день!», я вздрогнула. Это были первые слова за семь лет, обращенные непосредственно ко мне чужим человеком. В последний раз, когда я разговаривала с кем-то, кроме самой себя и Похитителя, я была еще маленьким пухлым ребенком. Продащица же поприветствовала меня сейчас как настоящую взрослую покупательницу. Она разговаривала со мной на «Вы» и улыбалась, в то время как я молча выложила перед ней обе своих покупки. Я была безмерно благодарна этой женщине за то, что она приняла меня всерьез, за подтверждение, что я на самом деле существую. Я могла бы часами стоять перед кассой, просто чтобы чувствовать близость другого человека. Мысль попросить о помощи даже не пришла мне в голову. Вооруженный, как я была уверена, Похититель находился в сантиметрах от меня. Я бы никогда не стала подвергать опасности эту женщину, на мгновение подарившую мне ощущение жизни.

* * *

В течение следующих дней истязания снова набрали обороты. И опять Похититель в гнев запырал меня, и опять я лежала, покрытая синяками, в постели, борясь сама с собой. Я не имела права поддаваться боли. Я не имела права сложить руки. Я не имела права дать ход мыслям, что заточение было лучшим из всего, что могло случиться в моей жизни. Я без конца вбивала себе в голову, что постоянные внушения Похитителя, как мне повезло, что я живу рядом с ним, не соответствуют действительности. Эти слова были расставлены вокруг меня как силки. Я лежала в темноте, скрючившись от боли, и знала, что он не прав. Но человеческий мозг способен быстро подавлять страдания. Уже на следующий день, поверив его заверениям, я снова охотно поддалась иллюзии, что все не так уж плохо. Но если я все-таки хочу когда-нибудь вырваться из застенка, то должна освободиться от этих силков.

I want once more in my life some happiness
And survive in the ecstasy of living
I want once more see a smile and a laughing for a while
I want once more the taste of someone's love

Тогда я начала писать себе маленькие послания. Мысли, изложенные черным по белому, лучше поддаются осмыслению. В той части мозга, из которой их труднее извлечь, они воплощаются в действительность. С этой минуты я поверяла бумаге все — каждом издевательствах, трезво и без эмоций. Эти записи сохранились до сих пор. Основная часть занесена в простой школьный блокнот А5 аккуратным каллиграфическим почерком.

Остальные я писала на зеленом листе А4, строчки тесно прижаты друг к другу. Как тогда, так и сейчас эти записки имеют одно и то же предназначение. Потому что даже по прошествии времени небольшие позитивные события во времена моего заточения остаются для меня более существенными, чем невероятная жестокость, которой я годами подвергалась.

20.8.2005 Вольфганг ударил меня, по крайней мере, три раза в лицо, 4 раза пнул коленом в копчик и один раз в лобковую кость. Он принуждал меня встать перед ним на колени и сверлил связкой ключей левый локоть, отчего образовались гематома и ссадина, выделяющая желтоватый секрет. К этому добавились ругань и избиения. Шесть ударов кулаком по голове.

21.8.2005 Утром ворчание. Оскорбления без причины. Потом бил, растянув на своих коленях. Пинки и толчки. Семь ударов в лицо, удар кулаком по голове. Ругань и удары в лицо, удар кулаком по голове. Ругань и побои, завтрак без мюсли. Потом темнота у меня внизу / без объяснений/ идиотские высказывания. Царапание ногтем по десне. Сдавливание подбородка и сжимание горла.

22.8.2005 Удары кулаком по голове

23.8.2005 Минимум 60 ударов в лицо. 10–15 вызывающих сильную дурноту ударов по голове, удар кулаком со всей силы в мое правое ухо и в челюсть. Ухо чернеет. Удушье, тяжелый апперкот, так что хрустнула челюсть, пинки коленом ок. 70 раз, преимущественно в лобковую кость и по ягодицам. Удары кулаком в поясницу и по позвонкам, по ребрам и между грудями. Удары щеткой по левому локтю и предплечью (черновато-коричневый кровоподтек), а также левому запястью. Четыре удара в глаз, так, что я видела голубые искры. И т. д.

24.8.2005 Жестокие пинки коленом в живот и в область гениталий (хотел поставить меня на колени). А также в нижнюю часть позвоночника. Удары ладонью по лицу, жестокий удар кулаком по правому уху (черно-синее окрашивание). Потом темнота без воздуха и еды.

25.8.2005 Удары кулаком по бедрам и груди. После этого низкие оскорбления. Темнота. За весь день только семь сырых морковок и стакан молока.

26.8.2005 Жестокие удары кулаком по передней части ляжек и по ягодице (лодыжка). А также звонкие,

обжигающие, оставляющие красные пустулы удары по ягодицам, спине, бедрам, правому плечу, подмышкам и груди.

Кошмар одной единственной недели, которых было бесконечное множество. Иногда мне было очень плохо, меня трясло так, что я не могла удержать карандаш. Всклипывая, я вскарабкивалась на постель, в страхе, что кошмары дня накроют меня и ночью. Тогда я говорила со своим взрослым «я», которое ждет меня, чтобы взять за руку, независимо от того, что еще может произойти. Я представляла, что оно смотрит на меня сквозь трельяж, который между тем появился над умывальником в моем застенке. Когда я достаточно долго вглядывалась в него, я могла увидеть мое сильное «я», отраженное в моем лице.

* * *

Я твердо решила, что в следующий раз не оттолкну протянутой мне руки. Я найду силы попросить о помощи.

Как-то утром Похититель протянул мне джинсы и футболку. Он хотел, чтобы я сопровождала его в «Баумаркт».^[44] Я начала терять решимость сразу, как только мы повернули на магистраль, ведущую к Вене. Если он проедет по этой улице дальше, мы окажемся в районе, где я жила. Это был тот же путь, но в обратном направлении, который я проделала 2 марта 1998 года, скрючившись на полу грузового отсека. Тогда я дрожала от страха перед смертью. Сейчас, 17-летняя, сидя на переднем сиденье, я дрожала от страха перед жизнью.

Мы проезжали через Зюссенбрунн, совсем недалеко от дома моей бабушки. Меня охватила глубокая тоска по девочке, проводившей здесь выходные у своей бабушки. Это время казалось мне таким далеким, как будто с тех пор прошло несколько столетий. Я видела знакомые улицы, дома, камни мостовой, на которых играла в «классики». Но мне это больше не принадлежало. «Опусти глаза!» — прикрикнул Приклопил. Я моментально подчинилась. От близости к местам моего детства у меня перехватило горло, я отчаянно боролась со слезами. Где-то здесь, справа от нас, дорога на Реннбанвег. Где-то здесь, справа от нас, моя мать, может быть, сидит сейчас за кухонным столом. Сейчас уже, конечно, она думает, что я мертва, а я в это время проезжаю мимо всего лишь в паре сотен метров от нее. Я была совершенно раздавлена и чувствовала, что между нами лежит гораздо большее расстояние, чем это было на самом деле.

Это ощущение усилилось, когда Похититель завернул к стоянке перед магазином. Сотни раз на этом же самом углу моя мать стояла на красном светофоре, ожидая, когда можно повернуть направо. Тут неподалеку находилась квартира моей сестры. Сейчас я знаю, что Вальтрауд Приклопил, мать Похитителя, тоже жила всего в нескольких сотнях метров отсюда.

На парковке перед магазином было полно людей. Несколько человек стояло у входа в очереди перед ларьком с горячими колбасками. Другие толкали перед собой к машинам переполненные тележки. Рабочие в запятнанных синих брюках тащили через парковку деревянные доски. Мои нервы напряглись до предела. Я пристально смотрела из окна. Кто-то из этого множества людей должен же меня заметить, должен понять, что тут что-то не так. Похититель, видимо, прочитал мои мысли: «Сиди! Выйдешь только тогда, когда я скажу. Держись вплотную ко мне и медленно двигайся к входу впереди меня. Чтобы я не слышал ни звука!»

Я шла перед ним к магазину. Он направлял меня, мягко подталкивая — рука на моем плече. Я ощущала его нервозность, кончики пальцев подрагивали.

Я скользнула взглядом по длинному проходу. Мужчины в рабочей одежде стояли перед прилавками группками или по одному, со списками в руках, уйдя с головой в исполнение заказов. С кем из них мне заговорить? И что я вообще должна сказать? Уголком глаза я ощупывала каждого, стоящего в проходе. Но чем дольше я на них смотрела, тем больше человеческие лица искажались в гримасы. Внезапно они показались мне враждебными и угрюмыми. Неотесанные мужланы, занятые собой и слепые к окружающему миру. Мысли скакали. Идея попросить кого-то о помощи сразу показалась мне абсурдной. Кто поверит мне — тощему, растерянному подростку, который даже не может выдать из себя ни одного слова? Что произойдет, если я обращусь ко всем этим мужчинам со словами: «Пожалуйста, помогите мне!»

«Такое часто случается с моей племянницей. Бедненькая, она, к сожалению, не в себе — ей пора принять лекарство», — тут же найдется Приклопил, и все вокруг закивают сочувственно, когда он возьмет меня под локоть и потащит прочь. В этот момент я чуть не разразилась истерическим смехом. Похитителю вообще не придется кого-то убивать, чтобы скрыть свое преступление! Всё здесь идеально играет ему на руку. До меня никому нет никакого дела. Никому и в голову не придет, что я говорю правду: «Помогите мне, меня похитили». «Скрытая камера», ха-ха, сейчас из-за прилавков вынырнет ведущий с клоунским носом и все

разъяснит. Или же милый дядя, сопровождающий странную девочку. Невнятные голоса звучали в моей голове: «О Боже, это же так печально, нести на себе такой крест, с такой... Но как мило, что он так о ней заботится».

«Могу я вам чем-нибудь помочь?» Эти слова издевкой прогремели в моих ушах. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что они выскочили не из гомона голосов в моей голове. Перед нами стоял продавец сантехники. «Могу я вам помочь?» — повторил он свой вопрос. Его взгляд скользнул поверх моей головы и остановился на Похитителе, стоящем сзади меня. Каким же бестолковым был этот дружелюбный мужчина! Да, вы можете мне помочь! Пожалуйста! Я начала дрожать, на футболке проступили пятна пота. Мне стало плохо, разум больше не подчинялся мне. Что я еще хотела сказать? «Спасибо, все в порядке», — услышала я голос Похитителя позади меня. После этого его ладонь ввинтилась под мою руку. «Спасибо, все в порядке». И если мы больше не увидимся: «Добрый день. Добрый вечер. Спокойной ночи». Как в «Шоу Труман».

Как в тумане тащилась я по «Баумаркту». Мимо, мимо. Свой шанс я упустила. А может, его никогда и не было. Я чувствовала себя заточенной в прозрачном пузыре: я бью руками и ногами, увязая в желеобразной массе, не в силах пробить оболочку. Я брела по проходам. Вокруг были люди. Но я уже давно не из их числа. Я лишена всех прав. Я — невидимка.

* * *

После этого случая мне стало ясно, что я не могу попросить о помощи. Что знали эти люди о том запутанном мире, в котором я была пленницей, — и кто такая я, чтобы иметь право их в него втягивать? В чем виноват этот дружелюбный продавец, что я появилась именно в его магазине? Какое право имела я подвергать его опасности, исходящей от Приклопила? Хотя его голос прозвучал нейтрально, ничем не выдав нервозности, но я ощущала, как неистово колотилось сердце в его груди, чувствовала его хватку на моей руке, его взгляд, сверлящий мою спину на всем пути через магазин. Угроза убийства в слепой ярости. И ко всему моя собственная слабость, мое бессилие, мой провал.

В эту ночь я долго не могла заснуть. Нужно было сконцентрироваться на контракте с моим вторым «я». Мне уже 17, срок выполнения договора приближается. Случай в «Баумаркте» показал, что мне придется действовать в одиночку. В то же время

я чувствовала, что мои силы иссякают, и я все глубже проваливаюсь в параноидальный, странный мир, созданный для меня Похитителем.

Но как может отчаявшееся, запуганное «я» стать сильным «я», способным взять меня за руку и вывести из тюрьмы? Я не знала. Но я знала, что мне понадобится невероятно много сил и самодисциплины. Не важно, откуда я смогу их почерпнуть.

* * *

Что мне тогда действительно помогло, так это мои разговоры с моим вторым «я» и записи в дневнике. Я начала новую серию листочков; теперь я фиксировала не только издевательства, но и пыталась письменно внушить самой себе мужество. Лозунги выживания, которые я придумывала, находясь в подавленном состоянии, а потом читала вслух. Иногда это напоминало свист в глухом лесу, но все-таки срабатывало.

Не поддаваться, если он скажет, ты тупая во всем

Не поддаваться, когда он тебя бьет

Не обращать внимания, если он скажет, ты ничтожество

Не обращать внимания, если он скажет, ты не можешь без него жить

Не реагировать, если он выключит свет

Все ему прощать и не таить злобу

Быть сильнее Не сдаваться

Никогда, никогда не сдаваться

Не поддаваться, никогда не сдаваться. Проще сказать, чем сделать. Так долго мои мысли были сконцентрированы на том, чтобы вырваться из этого подвала, из этого дома. Теперь это свершилось. И ничего не изменилось. Снаружи я была точно такой же пленницей, как и внутри. Казалось, внешние стены стали более проницаемыми, но мои внутренние были забетонированы как никогда. К тому же наши «выходы в свет» вводили Вольфганга Приклопила в состояние крайней паники. Разрываясь между своей мечтой о нормальной жизни и страхом, что попыткой бегства или своим поведением я могу все разрушить, он становился все более беспокойным и неуправляемым. Несмотря на то, что в доме я была надежно укрыта. Взрывы бешенства учащались, естественно, вина возлагалась на меня, и он впадал в параноидальный бред. Его больше не успокаивало мое робкое, боязливое поведение в обществе. Может быть, в глубине души он считал, что эту неуверенность я только разыгрывала перед ним. Насколько я

была не способна к такой инсценировке, показал следующий выезд в Вену, который по идее должен был покончить с моим пленом.

Мы ехали как раз по Брюннерштрассе, когда движение замерло. Полицейский контроль. Машину и людей в униформе, машущих из нее, я увидела еще издалека. Приклопил резко втянул в себя воздух. Он ни на миллиметр не сдвинулся со своего места, но я заметила, как его руки вцепились в руль и как побелели суставы пальцев. Внешне он оставался абсолютно спокоен, когда припарковал машину у обочины и опустил стекло. «Пожалуйста, права и документы на машину!» Я осторожно подняла голову. Лицо полицейского выглядело неожиданно юным, его тон был твердым, но дружелюбным. Полицейский внимательно изучал лицо Приклопила, пока тот вытаскивал бумаги. Его взгляд только коротко скользнул по мне. В моем мозгу сформировалось слово, которое я видела в виде большого комикс-облачка, парящего в воздухе: ПОМОГИТЕ! Оно было таким явственным, что я не понимала, почему полицейский моментально не отреагировал. Но он равнодушно взял протянутые ему бумаги и просмотрел их.

Помогите! Вытащите меня отсюда! Вы контролируете преступника! Я моргала и вращала глазами, как будто подавая сигналы Морзе. Должно быть, со стороны я выглядела как припадочная. Но это было не что иное, как отчаянный сигнал SOS, посылаемый худым подростком, сидящим на переднем сиденье белого автофургона.

В моей голове проносились путанные мысли. Может быть, просто выпрыгнуть из машины и побежать? Я могла бы кинуться к полицейской машине, она же стояла прямо перед моими глазами. Но что сказать? Будут ли меня слушать? А если мне откажут? Приклопил схватит меня в охапку, красноречиво извинится за беспокойство и за то, что его помешанная племянница мешает их работе. А кроме того: попытка к бегству, это то табу, нарушить которое смерти подобно. Если я потерплю неудачу, то лучше не представлять, что меня ждет. Но все же, если получится? Я видела перед собой Приклопила, как он нажимает на педаль газа и машина срывается с места, визжа шинами. После этого его занесет и выбросит на встречную полосу. Скрипящие тормоза, раздробленное стекло, кровь, смерть. Приклопил неподвижно лежит на руле, вдалеке слышен вой сирен.

«Спасибо, все в порядке! Доброго пути!» — Полицейский коротко улыбнулся и протянул Приклопилу документы через окно. Он не имел понятия, что остановил машину, в которой почти восемь лет назад была похищена маленькая девочка. Он не

имел понятия, что эта маленькая девочка почти восемь лет содержится в плену в подвале преступника. Он не знал, что был на волосок от того, чтобы раскрыть преступление и стать свидетелем автомобильного суицида. Достаточно было одного моего слова, одной мужественной фразы из машины. Вместо этого я сжалась на сиденье и закрыла глаза, в то время как Похититель тронулся с места. Ведь я потеряла самый большой шанс вырваться из этого кошмара. Только задним числом мне пришлось на ум, что у меня вообще не возникла такая простая мысль — заговорить с полицейским. Настолько я была парализована страхом, что Приклопил расправится с тем, с кем я войду в контакт.

Я была рабыней, подневольной. Я стояла меньше, чем домашнее животное. У меня больше не было голоса.

* * *

Во время моего плена я всегда мечтала о том, чтобы зимой поехать кататься на лыжах. Синее небо, сияющий под солнцем снег, одевший ландшафт в девственный пушистый наряд. Хруст снега под ногами, мороз, окрашивающий багрянцем щеки. А после — горячее какао, как раньше, после катания на коньках.

Приклопил был хорошим лыжником. В последние годы моего заточения он часто совершал однодневные поездки в горы. В то время как я упаковывала его вещи и проверяла скрупулезно составленные списки, он уже был взволнован в предвкушении удовольствия. Воск для лыж. Перчатки. Плитка мюсли. Солнечный крем. Бальзам для губ. Шапка. Я каждый раз сгорала от тоски, когда он запирали меня в застенке и покидал дом, чтобы в горах скользить по снегу под ярким солнцем. Ничего более прекрасного я не могла себе представить.

Незадолго до моего восемнадцатилетия он все чаще заговаривал о том, чтобы как-нибудь взять меня с собой на такую лыжную прогулку. Для него это было важным шагом в направлении «нормальности». Возможно, таким образом он хотел выполнить мое желание. Но кроме этого, получить подтверждение тому, что одержал окончательную победу. Если я и в горах не сорвусь с поводка, значит, по его мнению, он все сделал правильно.

Приготовления заняли несколько дней. Похититель осматривал свои старые лыжные вещи и откладывал в сторону разные детали одежды, чтобы я их примеряла. Одна куртка подошла — пушистая штука из семидесятых годов. Не хватало

лыжных штанов. «Я их тебе куплю, — пообещал Похититель. — Мы вместе поедem в магазин». Его голос звучал взволнованно, и в этот момент он выглядел счастливым.

В тот день, когда мы поехали в «Донауцентр»,^[45] у меня упало давление. Я очень исхудала и, залезая в машину, еле держалась на ногах. Это было странное чувство — посетить торговый центр, по которому я раньше часто слонялась с родителями. Сейчас его от Реннбанвега отделяют только две станции метро, тогда это было несколько остановок на автобусе. Похоже, Похититель чувствовал себя очень, очень уверенно.

«Донауцентр» — типичный пригородный торговый центр. Магазины наклеены вплотную друг к другу на двух этажах, пахнет поп-корном и картошкой фри, музыка, хотя и достаточно громкая, не может перекрыть гомон многочисленных подростков, которые за неимением другого места встречи толпятся перед магазинами. Даже люди, привыкшие к таким столпотворениям, вскоре устают от этого и начинают тосковать по минуте тишины и глотке свежего воздуха. На меня шум, свет и толпы людей действовали как стена, как непроходимая чаща, в которой я не могла сориентироваться. Я напрягала память — не тот ли это магазин, где я с мамой?.. На короткий момент я увидела себя маленькой девочкой, выбирающей колготки. Но эта картинка была сразу поглощена картиной настоящего. Повсюду были люди: молодежь, взрослые с большими пестрыми пакетами, мамочки с колясками — сплошная суматоха. Похититель доставил меня в большой магазин одежды. Лабиринт, заполненный вешалками, прилавками с товарами и манекенами, демонстрирующими моду зимнего сезона с безразличными улыбками.

Брюки из отдела для взрослых мне не подошли. В то время как Приклопил протягивал мне в кабинку одни за другими, из большого зеркала на меня смотрело жалкое существо. Я была бледная как мел, белые волосы торчали на голове в разные стороны, и такая тощая, что с меня сваливался даже XS. Постоянное натягивание и стягивание одежды так меня измотало, что я категорически отказалась повторить процедуру в детском отделе. Чтобы подобрать подходящий размер, Похитителю пришлось прикладывать лыжные брюки к моему телу. Когда он наконец остался доволен, я еле держалась на ногах.

Я была чрезвычайно счастлива снова оказаться в машине. По дороге в Штрасхоф я думала, что моя голова вот-вот разорвется. После почти восьмилетней изоляции я была не в состоянии переработать такое количество впечатлений.

Но и остальные приготовления к поездке на лыжах притупили мою радость. Надо всем висела звенящая атмосфера

напряженности. Похититель был беспокойным и раздраженным, укорял меня расходами, спровоцированными мной. По карте он заставил меня определить точное расстояние до лыжного курорта и рассчитать, какое количество бензина потребуется на дорогу. К тому же билеты на подъемник, плата за прокат, может, кое-что из еды — для его болезненной скупости это были огромные суммы, которые он выкидывает на ветер. И за что? За то, что я постоянно вожу его за нос и подрываю его доверие.

Когда его кулак грохнул по столешнице, я вздрогнула и выронила карандаш. «Ты пользуешься моей добротой! Без меня ты ничтожество, ничтожество!» Не обращать внимания, если он скажет: «Ты не можешь без него жить». Я подняла голову и прямо посмотрела ему в глаза. И была поражена, увидев на его искаженном лице тень страха. Эта поездка на лыжах была огромным риском. Риск, на который он шел уж никак не потому, чтобы исполнить мое заветное желание. Это представление было поставлено только для него самого, желающего воплотить свои фантазии в жизнь. Как он со своей «подругой» скользит вниз по склону, как поражает ее своим умением кататься на лыжах. Идеальный фасад, самолюбование, подпитанное моим унижением, подавлением и разрушением моего «я».

Мне не доставляло радости принимать участие в этом абсурдном спектакле. По пути в гараж я сообщила, что хочу остаться здесь. Я увидела, как темнеют его глаза, потом он взорвался: «Что ты придумываешь?» — зарычал он и поднял руку, в которой держал металлический прут, служащий запором для входа в мой застенок. Я поглубже набрала в грудь воздуха, закрыла глаза и попыталась уйти в себя. Прут со всей силы врезался в мое бедро. Кожа на нем моментально лопнула.

* * *

Когда на следующий день мы ехали по автобану, энергия из Похитителя была ключом. Я же ощущала только пустоту. В виде дисциплинарных мер он снова оставил меня голодной на ночь и отключил электричество. Нога горела. Но ведь сейчас со мной уже все в порядке, все хорошо, мы едем в горы. В моей голове, перебивая друг друга, гудели голоса:

«Надо как-нибудь добраться до плитки мюсли в лыжной куртке!»

«В его сумке тоже лежит что-то съестное!»

Между ними тихо вклинился тоненький голосок: «Ты должна бежать. На сей раз ты обязана это сделать».

Под Иббсом мы съехали с автобана. Перед нашими глазами из туманной дымки медленно выплывали горы. В Гестлинге мы остановились перед пунктом проката лыж. Этого Похититель боялся больше всего. Ведь ему придется зайти вместе со мной внутрь, где контакта с продавцами не избежать. Они будут спрашивать меня, подходит ли размер лыжных ботинок, а мне придется отвечать на их вопросы.

Прежде чем выйти из машины, он с особым нажимом пригрозил, что убьет каждого, кого я попрошу о помощи — и меня заодно.

Когда я открыла дверцу машины, меня охватило незнакомое чувство. Холодный и пряный воздух пах снегом. Вдоль реки тянулись домики, своими снежными шапками на крышах напоминающие куски торта со взбитыми сливками. Слева и справа ввысь устремлялись горы. Я бы не удивилась, если бы небо было зеленым — таким нереальным показался мне окружающий ландшафт.

Прихлопил втолкнул меня в двери пункта проката, и в лицо мне ударил теплый, влажный воздух. Люди, потев в пуховых куртках, стояли у кассы; радостное ожидание на их лицах, смех, треск пряжек при примерке лыжных ботинок. К нам подошел продавец. Загорелый и жизнерадостный, этакий тип лыжного тренера, привычно сыплющий шутками хриплым, громким голосом. Он принес для меня пару обуви 37-го размера и встал передо мной на колени, чтобы проверить пригонку. В то время как я уверяла продавца, что нигде не давит, Прихлопил не спускал с меня глаз. Более неподходящего места, чтобы привлечь внимание к преступлению, чем этот магазин, было невозможно себе представить. Все непринужденно, все великолепно, все — сплошная радостная отлаженная эффективность индустрии удовольствий. Я промолчала.

«Мы не сможем подняться на фуникулере, это слишком опасно. Вдруг ты с кем-нибудь заговоришь, — сказал Похититель, когда мы, миновав длинную, петляющую улицу въехали на стоянку лыжного курорта Хохкар, — подъедем прямо к подножию».

Мы припарковали машину в сторонке. Слева и справа от нас круто взмывали вверх заснеженные склоны. Издали мне был виден кресельный подъемник. Из бара на нижней станции слабо доносилась музыка. Хохкар один из немногих лыжных курортов, до которого из Вены можно легко добраться. Небольшой — всего шесть кресельных и парочка коротких бугельных подъемников доставляют лыжников наверх, к трем вершинам. Трассы узкие, целых четыре из них обозначены как «черные» — самая трудная

категория. Я судорожно напрягала память. Когда мне было четыре года, мы уже бывали здесь с матерью и семьей наших друзей. Но ничто не напоминало о той маленькой девочке, одетой в толстый розовый лыжный костюм, которая с трудом передвигала ноги, утопая в глубоком снегу.

Приклопил помог мне надеть лыжные ботинки и вставить ноги в крепления. Я неуверенно скользила на лыжах по гладкому снегу. Он потянул меня через сугробы прямо к началу склона и подтолкнул вниз. Спуск показался мне убийственно крутым, и я ужаснулась скорости, с которой полетела вниз. Лыжи и ботинки весили, наверное, больше, чем мои ноги. Силы моих мышц не хватало, чтобы управлять ими, к тому же я давно забыла, как это делается. Единственный лыжный курс в моей жизни состоялся еще во времена посещения мной группы продленного дня. Всего неделя, проведенная в молодежном отеле в Бад Аузее. Я была напугана, отказывалась вставать на лыжи, настолько живы были мои воспоминания о поломанной руке. Но женщина-тренер по лыжам была очень милой и вместе со мной радовалась каждому удавшемуся спуску. Я делала успехи и в последний день курсов даже приняла участие в больших соревнованиях на тренировочной трассе. На финише я подняла вверх руки и ликовала. После этого упала спиной в снег. Такой свободной и гордой собой я не чувствовала себя уже давно.

Гордая и свободная — жизнь, удаленная на множество световых лет.

В отчаянии я пыталась затормозить. Но уже при первой попытке лыжа встала на ребро, и я опрокинулась в снег. «Ну как ты едешь! — ругался Приклопил, остановившись рядом со мной и помогая мне подняться на ноги. — Ты должна ехать дугой! Вот так!»

Потребовалось немало времени, пока я кое-как научилась держаться на лыжах, и мы продвинулись на несколько метров вперед. Видно, моя беспомощность и слабость успокоили Похитителя, и он все же решил купить для нас билеты на фуникулер. Мы встали в длинную очередь смеющихся, толкающихся лыжников, у которых не хватало терпения дожидаться, когда же вагончик выплюнет их на следующей вершине. Среди всех этих людей в пестрых лыжных костюмах я чувствовала себя существом с другой планеты. Если кто-то проходил слишком близко, касаясь меня, я вздрагивала. Я вздрагивала, когда лыжи и лыжные палки цеплялись друг за друга, и я вдруг оказывалась зажатой между громогласными чужаками, которые, похоже, не обращали на меня внимания, но чьи взгляды я могла на себе чувствовать. Ты здесь чужая. Тут тебе

нет места. Приклопил толкнул меня в спину: «Не засыпай, вперед, вперед!»

Как мне показалось, прошла целая вечность, пока мы наконец очутились в кабине. Я парила над зимним горным пейзажем — мгновения покоя и тишины, которыми я хотела насладиться. Но все мое тело бунтовало против непривычного напряжения. Ноги дрожали, я ужасно мерзла. Когда подъемник въехал на вершину горы, меня охватила паника. Я не знала, как спрыгнуть, и от волнения зацепилась палками. Приклопил, ругаясь, в последний момент схватил меня за руку и вытащил из лифта.

После нескольких спусков утерянная уверенность постепенно вернулась ко мне. У меня уже получалось удерживаться на ногах настолько долго, что я успевала насладиться короткими дистанциями до того, как снова валилась в снег. Я почувствовала, как ко мне возвращаются жизненные силы и ощущение чего-то, похожего на счастье.

При первой возможности я останавливалась, чтобы полюбоваться панорамой. Вольфганг Приклопил, очень гордящийся своим знанием местности, описывал мне окружающие горы. С вершины Хохкара можно увидеть массивный Отчер, за ним тянутся, исчезая в дымке, гряда за грядой. «Это уже Штирия, — вещал он. — А вот оттуда, с другой стороны, можно увидеть Чехию». Снег сверкал на солнце, небо сияло синевой. Я глубоко вдыхала воздух, мечтая остановить время. Но Похититель торопил: «Этот день мне стоит бешеных денег, мы должны использовать его сполна».

* * *

«Мне нужно в туалет!» Приклопил сердито взглянул на меня. «Мне действительно надо!» Ему не оставалось ничего иного, как сопровождать меня к ближайшей хижине. Он решился на нижнюю станцию, так как там туалеты были расположены в отдельных строениях, и нам не пришлось бы вплотную подходить к гостевому домику. Мы отстегнули лыжи, Похититель довел меня до дверей туалета и прошипел, чтобы я поторопилась. Он будет ждать и постоянно смотреть на часы. Я удивилась, что он не вошел со мной. В любой момент можно сказать, что якобы ошибся дверью. Но он остался снаружи.

В туалете никого не было. Но, оказавшись в кабинке, я услышала, как открылась одна из дверей. Душа ушла в пятки — я была уверена, что пробыла здесь слишком долго, и Похититель зашел за мной в дамский туалет. Когда я поспешно выскочила в

маленький предбанничек, там перед зеркалом стояла белокурая женщина. С начала моего заточения я впервые оказалась один на один с другим человеком.

Я не помню точно, что я тогда сказала. Я знаю только, что собрала в кулак всю свою решимость и заговорила с ней. Но слова, сорвавшиеся с моих губ, были похожи на тихий писк.

Блондинка дружелюбно улыбнулась, повернулась и вышла. Она меня не поняла. В первый раз я к кому-то обратилась, но это было точно так же, как в худшем из моих кошмаров: люди меня не слышат. Я — невидимка. И не имею права рассчитывать на помощь.

Только после побега я узнала, что та женщина была туристкой из Голландии и просто-напросто не поняла, чего я от нее хочу. Но тогда ее реакция стала для меня ударом.

Мои воспоминания о последних часах нашей поездки очень расплывчаты. Я опять упустила шанс. Оказавшись вечером снова запертой в своем застенке, я впала в такое отчаяние, какого давно не испытывала.

* * *

Прошло некоторое время. Приближался решающий день — день моего 18-летия. Это была дата, которую я с нетерпением ожидала вот уже 10 лет и твердо решила отпраздновать ее надлежащим образом — даже если это должно происходить в плену.

Несколько лет назад Похититель разрешил мне испечь пирог. Но в этот раз мне хотелось чего-то особенного. Я знала, что деловой партнер Приклопила организует праздники в расположенном особняком складском помещении. Похититель показывал мне видеозаписи, на которых были запечатлены турецкие и сербские свадьбы. Из этой пленки он хотел смонтировать рекламный фильм, чтобы презентовать место проведения мероприятий. Я жадно пожирала глазами кадры, на которых празднующие люди скакали по кругу в странном танце, держась за руки. На одном из праздников на столе с закусками лежала целая акула, на другом — теснилось огромное количество тарелок с неизвестными блюдами. Но больше всего меня очаровывали торты. Многоэтажные произведения искусства с цветами из марципана или в виде автомобиля из бисквита и крема. Именно такой торт мне и хотелось получить — в форме цифры 18, символа совершеннолетия.

Когда утром 17 февраля 2006 года я поднялась наверх в дом,

торт действительно стоял на кухонном столе: единица и восьмерка из воздушного бисквитного теста, покрытые сахаристой розовой пеной и убранные свечами. Я не помню, какие подарки еще я тогда получила — какие-то точно, ведь Приклопил обожал помпезные торжества. Но в центре моего маленького праздника стала эта цифра — 18. Она была знаком свободы. Она была символом, знаком того, что пришло время выполнить обещание.

КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Побег и свобода

Я подпалила фитиль бомбы. Шнур горел, не оставляя шанса его потушить. Я выбрала жизнь. Похитителю осталась только смерть.

Этот день начался, как и все остальные — по приказу таймера. Я лежала на своей двухъярусной кровати, когда в застенке внезапно вспыхнул свет, вырвав меня из путаного сна. Какое-то время я еще оставалась лежать, пытаюсь найти смысл в лоскутках сновидений, но чем больше я старалась их удерживать, тем быстрее они ускользали. После них осталось только одно смутное ощущение, которое привело меня в задумчивое замешательство. Глубокая решимость. Какой я давно не испытывала.

Вскоре чувство голода выгнало меня из постели. Ужин не состоялся, и в животе урчало. Подталкиваемая мыслями о чем-то съестном, я начала сползать по лестнице вниз. Еще до того, как я очутилась на полу, я вспомнила, что у меня ничего нет: вчера после полудня Похититель дал мне с собой в застенок крошечный кусочек пирога на завтрак, но я проглотила его еще вечером. Расстроенная, я почистила зубы, чтобы прогнать из рта кисловатый привкус голодного желудка. Потом с сомнением огляделась по сторонам. В это утро в моем застенке царил беспорядок: кругом валялась раскиданная одежда, на столе громоздились кипы бумаг. В другой раз я бы сразу принялась за уборку, чтобы придать моей крошечной комнатке более или менее уютный и аккуратный вид. Но в этот день у меня не было ни малейшего желания. Я чувствовала странную отрешенность от этих стен, как никак ставших моим домом.

Надев короткое оранжевое платье, которым я очень гордилась, я стала ждать, когда Похититель откроет дверь. Кроме этого платья у меня были только леггинсы и футболки с пятнами краски, свитер Похитителя с воротом — на холодное время, а также несколько чистых, простых вещей для редких «выходов в свет», куда он брал меня в последние месяцы с собой. В этом платье я могла чувствовать себя обычной девушкой. Похититель купил мне его в награду за работу в саду. Весной, после дня моего 18-летия, он часто заставлял меня работать там под его надзором. В последнее время он ослабил бдительность по отношению к подстерегающей опасности, что меня могут увидеть соседи. Уже два раза случилось так, что его родственники

обращались к нему из-за забора в то время, когда я пропалывала сорняки. «Помощница», — кратко бросил Похититель, когда сосед мне кивнул. Последний удовлетворился таким ответом, а я все так же была не в состоянии вымолвить ни слова.

Когда дверь в мой застенок наконец отворилась, я подняла глаза на Приклопила, стоящего на 40-сантиметровой ступеньке. Картина, которая даже после всех этих лет вызывала у меня страх. В искажающем действительность свете лампочки в коридоре Приклопил всегда выглядел этаким огромной, величественной тенью, как тюремщик из фильмов ужасов. Но сегодня я не заметила в нем ничего угрожающего. Я чувствовала себя сильной и уверенной в себе. «Можно, я надену трусы?» — спросила я вместо приветствия.

Похититель удивленно посмотрел на меня. «Об этом не может быть и речи», — последовал ответ.

В доме я всегда работала полуобнаженной, а в саду нижнее белье было запрещено в принципе. Это было одним из его методов, уничтожать меня. «Пожалуйста, это гораздо удобнее», — настаивала я.

Он энергично замотал головой: «Ни в коем случае! Как тебе вообще такое пришло в голову? Идем уже!»

Я последовала за ним в прихожую и ждала, пока он протиснется через лаз. Пузатая, тяжелая железобетонная дверь, ставшая одной из крепких составных частей моей жизненной декорации, была открыта. Когда я видела перед собой этот колосс из стали и бетона, у меня в горле стоял ком. Все эти годы мне чертовски везло. Любой несчастный случай с Похитителем стал бы моим смертным приговором. Эту дверь было невозможно открыть с внутренней и найти с внешней стороны. Перед моими глазами живо вставала сцена: как через несколько дней я осознаю, что Похититель исчез. Как я мечусь в безумии по своей комнате, и как меня охватывает панический ужас. Как я, возможно, собрала бы последние силы, чтобы одолеть обе деревянные двери. Но эта бетонная дверь стояла бы незыблемой границей между жизнью и смертью. Лежа перед ней, я умирала бы от голода и жажды. Каждый раз я испытывала огромное облегчение, преодолев узкий проход вслед за Похитителем. Но вот опять наступило утро, и он открыл эту дверь, не бросив меня на произвол судьбы. Еще на один день я ускользнула из моей подземной могилы. Поднимаясь по ступеням в гараж, я жадно набирала в легкие воздух. Я наверху.

Похититель приказал пойти на кухню и намазать ему два бутерброда с повидлом. С урчащим животом я наблюдала, как он с наслаждением впивается в них зубами. Они оставляли

небольшие следы. Ароматный, хрустящий хлеб с маслом и абрикосовым повидлом. Мне ничего не досталось — в конце концов, я ведь получила пирог. Я бы никогда не решилась признаться, что съела несчастный кусочек еще вчера вечером.

После завтрака Приклопила я помыла посуду и подошла к отрывному календарю, висевшему в кухне. Как и каждое утро, я отрывала листочек с напечатанными на нем жирным шрифтом цифрами и сложила его вместе. Я долго смотрела на новую дату: 23 августа 2006 года. Это был 3096-й день моего заключения.

* * *

В этот день Вольфганг Приклопил пребывал в хорошем настроении. Должна была наступить новая эра, положившая начало лучшим временам без финансовых проблем. Для ее приближения сегодняшним утром должны быть предприняты два решающих шага. Во-первых, Похититель хотел избавиться от старого автофургона, в котором я была похищена восемь с половиной лет назад. Во-вторых, он дал в Интернете объявление о сдаче квартиры, которую мы ремонтировали в последние месяцы. Он купил ее полгода назад, в надежде, что доходы от сдачи внаем уменьшат длительный финансовый гнет, вызванный последствиями совершенного им преступления. Деньги для этого, как он мне объяснял, принесла их с Хольцапфелем совместная деловая деятельность.

Это случилось вскоре после моего дня рождения, когда он утром возбужденно объявил: «Появилась новая стройплощадка. Мы сейчас же едем на Холлергассе». Его радость была заразной, а я срочно нуждалась в разнообразии. Магический день моего взросления миновал, но в жизни практически ничего не изменилось. Меня все так же унижали и контролировали, как и все предыдущие годы. Но во мне как будто щелкнул переключатель. Мои сомнения, что, может, Похититель прав, и под его опекой я нахожусь в большей безопасности, чем снаружи, постепенно исчезали. Теперь я была взрослой, мое второе «я» крепко держало меня за руку, и я точно знала: так я больше жить не хочу. Я провела годы своей юности как рабыня, боксерская груша, уборщица и подруга преступника и приспособливалась к этому миру, пока не было другой возможности. Но теперь это время миновало. В своем застенке я вызывала в памяти все планы и задумки, возвращенные мной, ребенком, к этому времени. Я хотела обрести самостоятельность. Стать актрисой, писать книги и музыку, знакомиться с другими людьми, быть свободной. Я

больше не хотела соглашаться быть вечной пленницей фантазий Похитителя. Мне осталось только дожждаться подходящего случая. Может быть, его предоставит новая стройплощадка. После всех лет, когда я была прикована к дому, я впервые получила возможность работать в другом месте. Конечно, под строгим надзором Похитителя, но все же.

Я хорошо помню нашу первую поездку на Холлергассе. Похититель поехал не самым коротким путем — через городской автобан, так как был слишком жадным, чтобы платить пошлину. Вместо этого он застрял в пробке на Венском Гюртеле. Дело было утром, с обеих сторон белый пикап теснили последние торопыги утреннего движения. Я рассматривала людей, сидящих за рулем в своих машинах. Из стоящего рядом мини-автобуса на меня смотрели мужчины с усталыми глазами. Вплотную, прижавшись друг к другу, они сидели в автофургоне. Похоже, восточно-европейские рабочие, которых местные строительные подрядчики забирали по утрам с «рабочей панели» на выездных магистралах, чтобы вечером снова высадить на том же месте.

Вдруг я почувствовала себя такой же поденщицей, как они: ни бумаг, ни разрешения на работу, абсолютное бесправие. Это была та действительность, которую в это утро я не могла перенести. Я поглубже вжалась в сиденье и окунулась в дневные грезы. Вместе со своим шефом я еду на нормальную, законную работу — как все остальные водители в машинах рядом с нами. Я — эксперт в своей области, и мой начальник придает большое значение моим советам. Я живу в мире взрослых людей, где у меня есть голос, и он будет услышан.

* * *

Мы пересекли почти весь город, когда за Западным вокзалом Приклопил свернул на Марияхильферштрассе, проехал мимо маленького рыночка, где была занята только половина прилавков, и наконец въехал в небольшой переулок. Там он припарковал машину.

Квартира находилась на первом этаже запущенного дома. Похититель долго ждал, прежде чем выпустил меня из машины. Он боялся, что нас могут увидеть, и выжидал, когда на улице не будет ни души, чтобы я незаметно проскользнула в подъезд. Я окинула взглядом улицу: маленькие авторемонтные мастерские, турецкие овощные лавки, киоски с кебабом и подозрительные крошечные барчики контрастировали с домами старой постройки эпохи Грюндерства, служивших еще в 19-м столетии съемными

казармами для бедных рабочих из Кронланда.^[46] Да и сейчас район был в основном населен мигрантами. Во многих квартирах до сих пор не было ванных комнат, туалеты располагались на лестничных площадках, и их приходилось делить с соседями. Одну из таких квартир и купил Похититель.

Он дождался, пока улица освободилась, после этого шуганул меня в подъезд. Краска отслаивалась от стен, большинство почтовых ящиков были погнуты. Когда он отпер деревянную дверь квартиры и втолкнул меня внутрь, я не поверила своим глазам — настолько крошечной она была. 19 квадратных метров — ровно в четыре раза больше моего застенка: одна комната с окном, выходящим на задний двор. В воздухе пахло затхлостью, человеческими миазмами, гнилью и старым жиром. Палас на полу, предположительно некогда бывший темно-зеленым, принял неопределенный серо-коричневый оттенок. По одной стене расплылось большое влажное пятно, на котором копошились личинки. Я тяжело вздохнула. Работа обещала быть тяжелой.

С этого дня он несколько раз в неделю брал меня с собой на Холлергассе. Только когда у него были другие заботы, он оставлял меня на целый день запертой в застенке. Сначала мы вытащили из квартиры старую обтрепанную мебель и выставили ее на улице. Когда через час мы вышли из дома, ее уже не было: растащили соседи, у которых было так мало своего, что даже эта рухлядь имела для них ценность. После этого мы приступили к ремонту. Мне потребовалась два дня только на то, чтобы отодрать от пола ковровое покрытие. Из-под толстого слоя грязи показался второй слой паласа. Клей с годами так накрепко въелся в грунт, что мне приходилось отколупывать его сантиметр за сантиметром. В итоге мы положили новую стяжку, а сверху ламинат — такой же, как в моем застенке. Содрав со стен старые обои и затерев стыки и дыры, мы наклеили новые, покрашенные в белый цвет. В малюсенькой комнатке встроили миниатюрный кухонный блок и крошечную ванную, чуть больше душевой, с новым ковриком перед ней.

Я пахала как ломовая лошадь. Я поднимала, таскала, скоблила, шпаклевала, носила кафель. Наклеивала потолочные обои, стоя на узкой доске, качающейся между двумя лестницами. Передвигала мебель. Работа, голод и постоянная борьба с низким давлением отнимали у меня столько сил, что мысли о побеге отодвигались на дальний план. Сначала я еще надеялась, что наступит момент, когда Похититель оставит меня одну. Но он не наступил. Я находилась под постоянным контролем. Меня поражало, сколько усилий он тратит на то, чтобы воспрепятствовать моему бегству. Выходя в туалет, он придвигал

к окну тяжелые балки, чтобы лишить меня возможности быстро его открыть и закричать. Если он знал, что задержится дольше чем на пять минут, то даже привинчивал их друг к другу. И здесь он строил для меня тюрьму. Когда в замке поворачивался ключ, внутренне я опять оказывалась в своем застенке. Страх, что с ним может что-нибудь случиться, и я останусь погибать в этой квартире, не покидал меня и здесь. Каждый раз, когда он возвращался, я вздыхала с облегчением.

Сейчас подобный страх кажется мне странным. Я все же находилась в жилом доме и могла кричать или колотить в стены. В отличие от подвала похитителя, здесь бы меня нашли быстро. Мой страх невозможно рационально объяснить, он пробирался по моим внутренностям навстречу, напрямую из застенка во мне.

* * *

В один из дней в квартире вдруг оказался чужой мужчина.

Мы как раз затащили ламинат для пола на первый этаж. Дверь была только прикрыта, как вдруг в прихожую вошел пожилой мужчина с проседью в волосах и громко поздоровался. Его немецкий был таким плохим, что я еле его поняла. Он хотел поприветствовать нас в доме и, по-видимому, собирался завести добрососедскую беседу о погоде и ремонтных работах. Приколопил задвинул меня себе за спину и отделался от него несколькими сухими словами. Я почувствовала, что паника, охватившая его, перекинулась и на меня. Хотя этот мужчина мог бы стать моим спасением, его присутствие было для меня обременительным — настолько я уже сжилась с образом мыслей Похитителя.

Тем вечером, лежа в своей постели в застенке, я все время прокручивала эту сцену в голове. Я поступила неправильно? Нужно было закричать? Я опять упустила подходящий шанс? Нужно попытаться настроиться на то, чтобы в следующий раз действовать более решительно. В своих мыслях я представляла расстояние между мной, стоящей сзади Похитителя, и незнакомым соседом в виде прыжка через зияющую бездну. Я реально представляла, как беру разбег, отталкиваюсь от края пропасти и совершаю прыжок. Но как бы я ни старалась, никак не могла завершить эту картину. У меня не получалось увидеть себя приземлившейся на другой стороне. Даже в фантазиях Похититель каждый раз хватал меня за футболку и возвращал назад. Только в редких случаях, когда его рука промахивалась, я на секунды зависала над бездной в воздухе, пока не падала в пропасть. Эта картина преследовала меня целую ночь.

Подтверждение того, что я почти у цели, но в решающий момент снова дам осечку.

Прошло всего несколько дней, пока сосед снова с нами не заговорил. В этот раз он держал в руке целую пачку фотографий. Похититель сразу незаметно оттолкнул меня в сторону, но я успела кинуть на них беглый взгляд. Это были семейные фотографии, изображавшие его на бывшей родине — в Югославии, и одно групповое фото футбольной команды. В то время, как Приклопил держал перед носом фотографии, сосед безостановочно болтал. И опять я могла разобрать только отдельные отрывки слов. Нет, это невозможно — прыгнуть в бездну. Как сделать так, чтобы этот дружелюбный человек понял меня? Сможет ли он разобрать, что я буду шептать ему в тот самый удачный момент, который, скорее всего, не наступит? Наташа — кто? Кого похитили? Даже если бы он меня понял, что потом? Позвонит в полицию? У него вообще есть телефон? А дальше? Полиция вряд ли ему поверит. Даже если бы патрульная машина отправилась в путь на Холлергассе, у Похитителя осталось бы достаточно времени, чтобы схватить меня в охапку и незаметно дотащить до машины. О том, что произошло бы потом, я даже думать не хотела.

Нет, этот дом не предоставит мне шанс к бегству. Но он обязательно появится, в этом я была уверена как никогда. Нужно только поймать удачный момент.

* * *

Этой весной 2006 года Похититель почувствовал, что я хочу от него сбежать. Он был непредсказуем и вспыльчив, хроническое воспаление пазух носа начало мучить его и по ночам. Днем же он прилагал еще больше усилий, чтобы подчинить меня себе. Эти попытки становились все абсурднее. «Не возражай!» — шипел он, даже если я открывала рот, чтобы ответить на его же вопросы. Он требовал абсолютного послушания. «Это что за краска?» — как-то спросил он, указывая на ведро с черной краской. «Черная», — отвечала я. «Нет, красная. Красная, потому что я так сказал. Скажи, что она красная!» Когда я воспротивилась, на него напала неуправляемая ярость, которая держалась дольше, чем раньше. Удары градом сыпались один за другим, он колошматил меня так долго, что мне казалось, это длилось часами. Прежде чем он снова потащил меня по ступеням в подвал и запер, оставив в темноте, я несколько раз чуть не потеряла сознание.

Я замечала, что сопротивление фатальному рефлексу мне

снова дается труднее. А именно — подавить мысли об издевательствах быстрее, чем заживут мои раны. Намного проще было ему уступить. Это было похоже на воронку, если я в нее попадала, она неуклонно затягивала меня в глубину, в то же время я слышала свой собственный шепот: «Идеальный мир, идеальный мир. Все же хорошо. Ничего же не случилось».

Я должна была усилием всей своей воли противиться этой воронке, создавая маленькие островки спасения — мои записи, в которых я опять фиксировала каждое его издевательство. Когда я сегодня держу в руках ученическую тетрадь в линейку, в которой ровным почерком, иллюстрируя текст аккуратными рисунками моих повреждений, я описывала всю его жестокость, мне становится плохо. Тогда я делала записи, абстрагируясь от себя самой, как будто речь шла о контрольной работе:

15 апреля 2006.

Один раз он бил меня по правой руке так долго и сильно, что внутренне я буквально чувствовала льющуюся кровь. Вся тыльная поверхность руки была синей и красноватой, синяк доходил до внутренней части и распространялся на всю поверхность. Потом он посадил мне синяк под глазом (тоже правым), который пошел от внешнего угла глаза, меняя цвета от красного и синего до зеленого, и поднялся по верхнему веку.

Остальные надругательства последнего времени, пока я их не вытеснила из памяти: в саду, так как я боялась лезть на лестницу, он атаковал меня садовыми ножницами. У меня остался окрашенный в зеленоватый цвет порез над правой лодыжкой, кожа слегка облезла. Еще он как-то кинул мне в бедро тяжелым ведром с землей, так что я ходила с уродливым красновато-коричневым пятном. Один раз я из страха отказалась подняться с ним наверх. Тогда он вырвал из стены розетки, начал швырять в меня таймером и всем, что мог сорвать со стены. У меня остался красный кровоточащий шрам под правым коленом и на икре под ним. Еще у меня есть черно-фиолетовый синяк около 8 сантиметров на левом предплечье, не знаю, отчего. Неоднократно он набрасывался и избивал меня, также по голове. Два раза разбил губу до крови, один раз так, что на нижней губе осталась опухоль величиной с горошину (слегка синеватая). Как-то от его удара у меня образовался отек под губой с правой стороны. Также у меня есть порез (не знаю, от чего) на правой щеке. Один раз он швырнул мне

в ноги чемоданчик с инструментами, вследствие чего образовались обширные бледно-зеленые синяки. Он часто бил гаечным ключом или чем-то подобным по руке. Под обеими лопатками у меня два черных симметричных синяка, также вдоль позвоночника.

Сегодня он ударил меня кулаком в правый глаз, до искр, а также в правое ухо, я почувствовала колющую боль, звон и хруст. После этого продолжал бить меня по голове.

* * *

В лучшие дни он опять начинал рисовать себе наше совместное будущее. «Если бы я только мог тебе доверять, что ты не сбежишь... — вздыхал он в один из вечеров за кухонным столом, — я бы мог везде брать тебя с собой. Я бы поехал с тобой на Нойзидлерзее или на Вольфгангзее и купил бы тебе летнее платье. Мы могли бы купаться, а зимой кататься на лыжах. Но для этого я должен полагаться на тебя на все сто процентов — ты же сбежишь». В такие моменты этот мужчина, мучивший меня все эти восемь лет, вызывал у меня безумную жалость. Я не хотела ранить его и искренне желала ему то розовое будущее, о котором он так мечтает: он выглядел таким отчаявшимся и одиноким наедине с самим собой и своим преступлением, что иногда я почти забывала, что была жертвой — и не несу ответственности за его счастье. Но, соглашаясь с ним, я никогда полностью не поддавалась иллюзии, что все пойдет очень хорошо. Нельзя никого принудить к вечному послушанию, а уж тем более к любви.

Несмотря на это, в такие минуты я клялась, что навсегда останусь с ним, утешая его: «Я не убегу, я обещаю тебе. Я всегда буду рядом с тобой». Естественно, он мне не верил, а у меня разрывалось сердце, что я ему вру. Мы оба колебались между «быть» и «казаться».

Физически я находилась здесь, в представлениях же я давно сбежала. Но до сих пор мне не удавалось приземлиться на другой стороне. Картина моего появления в реальном мире вызывала у меня невыразимый страх. Иногда у меня даже возникали мысли, что как только я покину Похитителя, сразу покончу с собой. Для меня была непереносима мысль о том, что моя свобода будет стоить ему многих лет за решеткой. Само собой, я желала, чтобы другие люди были защищены от этого мужчины, способного на все. Пока что я обеспечивала им эту защиту, оттягивая его

энергию насилия на себя. Позже задачу удерживать его от дальнейших преступлений должны будут перенять полиция и юстиция. И все равно такие мысли не доставляли мне удовлетворения. Я не испытывала чувства мести, наоборот, мне казалось, что сдав его полиции, я только переверну с ног на голову преступление, совершенное им. Сначала он запер меня, а потом я позаботилась о том, чтобы заперли его. В моем сдвинутом восприятии мира таким образом преступление невозможно искоренить, а напротив, только усугубить. Зло мира не сократилось бы, а только удвоилось.

Все эти размышления в определенной мере достигли логической кульминации эмоционального помешательства, которому я была подвержена много лет. Благодаря двум лицам Похитителя, благодаря быстрой смене насилия и псевдонормальности, благодаря моей стратегии выживания, абстрагирования от того, что могло меня убить. До тех пор, пока черное не перестало быть только черным, а белое только белым, и все погрузилось в серый туман, в котором теряешь ориентацию. Я настолько сильно впитала это все в себя, что в некоторые моменты цена предательства по отношению к Похитителю казалась мне выше цены предательства по отношению к собственной жизни. Может быть, стоит просто покориться судьбе, думала я всякий раз, когда воронка грозила затянуть меня в глубину, и я теряла из глаз свои спасительные островочки.

В другие дни я ломала голову над тем, как после всех этих летотреагирует на меня внешний мир. Воспоминания о судебном процессе Дютру все еще не стерлись из моей памяти. Я знала, что ни в коем случае не хочу быть выставлена напоказ так же, как жертвы этого преступления. Я восемь лет была жертвой и не хотела оставшееся время жизни провести как жертва. В голове складывалось четкое представление, как нужно вести себя с массмедиа. Естественно, предпочтительнее, чтобы меня просто оставили в покое. Но если кто-то все же будет обо мне сообщать, то никогда не называя меня только по имени. Я хотела вступить в жизнь взрослой женщиной. И я хотела сама решать, с кем буду иметь дело.

* * *

Это был вечер в начале августа, когда я сидела с Похитителем за кухонным столом и ужинала. В выходные его мать оставила в холодильнике колбасный салат. Он положил мне овощи, а колбаса и сыр горкой громоздились на его тарелке. Я

медленно пережевывала кусочек паприки в надежде вытянуть из каждого красного волокна последние остатки энергии. Хотя я немного и прибавила в весе — до 42 килограммов, работа на Холлергассе так измотала меня, что я чувствовала себя физически полностью обессиленной. Но разум бодрствовал. С окончанием ремонтных работ миновал и очередной период моего заточения. Чего ожидать в дальнейшем? Обычное безумие буден? Летняя прохлада на Вольфгангзее с предшествующими избиениями и последующими унижениями, а потом как леденец — платье? Нет, такую жизнь я дальше вести не хотела.

На следующий день мы работали в монтажной яме. Издалека доносился голос матери, зовущей своих детей. Изредка короткий сквознячок приносил в гараж аромат лета и свежескошенной травы, в то время как мы обновляли днище старого белого автофургона. Когда я кисточкой наносила слой чего-то похожего на воск, у меня возникали двойные чувства. Это была машина, на которой он меня похитил, а теперь хотел продать. Не только мир моего детства растаял в недостижимой дали — теперь исчезали и артефакты из первых дней моего заключения. Автофургон был связующим звеном с днем моего похищения. Теперь же я работала над тем, чтобы и оно исчезло. Мне казалось, что каждым мазком кисточки я цементирую мое будущее в подвале. «Ты создал для нас обоих такую ситуацию, в которой выжить сможет только один из нас», — вдруг вырвалось у меня. Похититель поднял на меня удивленные глаза. Но я не позволила сбить себя с толку и продолжила: «Я действительно благодарна тебе за то, что ты меня не убил и окружаешь заботой. Это действительно мило с твоей стороны. Но ты не можешь заставить меня с тобой жить. Я же человек с собственными потребностями. Этой ситуации должен быть положен конец».

Вольфганг Приклопил вместо ответа молча вынул кисточку из моей руки. По его лицу я поняла, что он страшно напуган. Должно быть, все эти годы он с ужасом ждал наступления этого момента. Момента, когда выяснится, что все его потуги не принесли плодов. Что ему не удалось сломить меня до конца. Я говорила дальше: «Это же нормально, что мне нужно уйти. Ты мог бы понять это с самого начала. Кто-то из нас должен умереть, другого выхода больше нет. Или ты убьешь меня, илипустишь на свободу». Приклопил медленно покачал головой.

«Я этого никогда не сделаю, ты же знаешь», — ответил он тихо.

Я ждала, пока какая-нибудь из частей моего тела взорвется от боли, и внутренне подготовилась к этому. Никогда не сдаваться. Я не сдамся. Когда ничего не произошло — он все так же

неподвижно стоял передо мной, я набрала в грудь воздуха и произнесла слова, изменившие всё: «Я уже столько раз пыталась лишиться себя жизни — при том, что жертва здесь я. Собственно, правильнее бы было, если бы ты убил себя. Все равно ты не найдешь другого выхода. Если ты умрешь, все проблемы решатся разом».

В этот момент в нем что-то сломалось. Перед тем, как он молча отвернулся, я уловила в его глазах отчаяние, это было невыносимо. Этот мужчина был преступником, но одновременно единственным для меня человеком в целом мире. Как на кадрах замедленной киносъемки передо мной прошли все минувшие годы. В душе что-то екнуло, и я со стороны услышала свой голос: «Не волнуйся. Если я убегу, то сразу брошусь под поезд. Я никогда не подвергну тебя опасности». Самоубийство представлялось мне высшим проявлением свободы, уходом от всего, от жизни, все равно уже давно разрушенной.

В этот момент я готова была действительно взять обратно все те слова, которые произнесла. Но они уже были высказаны: при первой же возможности я убегу. И кто-то из нас двоих этого не переживет.

* * *

Спустя три недели я стояла на кухне, уставившись в календарь. Бросив оторванный листочек в мусорную корзину, я повернулась. Рассусоливать было некогда: Похититель звал работать. В первой половине дня мы должны закончить с составлением объявления о сдаче квартиры. Приколопил принес мне городской план Вены и линейку. Я измерила расстояние от квартиры на Холлергассе до ближайшей станции метро, проверила масштаб и высчитала, сколько метров нужно идти пешком. После этого он позвал меня в коридор и велел быстро пройти из одного конца в другой. При этом засек время на своих ручных часах. Я рассчитала, сколько времени потребуется, чтобы пройти пешком от дома до метро или до автобусной остановки. Похититель в своей педантичности хотел с точностью до секунды указать расстояние от квартиры до городского транспорта. Когда объявление было готово, он позвонил своему другу, который должен был выставить его в Интернете. После этого вздохнул с облегчением и улыбнулся. «Теперь все будет легче». Казалось, никакого разговора о побеге и смерти не было в помине.

Поздним утром 23 августа 2006 года мы вышли в сад. Соседей не было, и я сорвала последнюю клубнику с грядки перед

живой изгородью и собрала последние абрикосы, лежащие вокруг дерева. Потом на кухне почистила фрукты и поставила их в холодильник. Похититель ходил за мной по пятам, ни на минуту не спуская с меня глаз.

Около полудня он привел меня к садовому домику, стоящему в левом заднем углу участка, отделенного забором от узкой дорожки. Приклопил внимательно следил за тем, чтобы садовая калитка всегда была закрыта. Даже когда он на пару минут покидал участок, чтобы выбить коврики своего красного BMW, он ее запирает. Белый автофургон, который должны были забрать в ближайшие дни, стоял между домиком и дверью в гараж. Приклопил принес пылесос, подключил его и приказал мне тщательно пропылесосить салон машины, сиденья и коврики. Я как раз управилась с половиной работы, когда зазвонил его мобильный телефон. Он отошел от машины на несколько шагов, прикрыл ухо рукой и несколько раз переспросил: «Что, простите?» По коротким отрывкам разговора, которые я уловила сквозь шум пылесоса, я сделала вывод, что на линии был клиент на квартиру. Приклопил выглядел крайне обрадованным. Углубившись в разговор, он отвернулся и отошел на несколько метров в сторону бассейна.

Я была одна. В первый раз с начала моего плена Похититель выпустил меня из поля зрения. Несколько секунд я стояла, замерев, перед машиной, пылесос в руках, чувствуя, как мои руки и ноги немеют. Грудную клетку как будто сдавило железным корсетом. Дыхание перехватило. Моя рука медленно опустила пылесос на землю. Беспорядочные, дикие картинки проносились в моей голове: Приклопил, вернувшийся назад, и не заставший меня на месте. Как он в безумии мечется, разыскивая меня повсюду. Мчащийся поезд. Мое безжизненное тело. Его безжизненное тело. Полицейские машины. Моя мать. Улыбка моей матери.

После этого все произошло очень быстро. Нечеловеческим усилием я вырвалась из парализующего песка, все глубже засасывающего мои ноги. Голос моего второго «я» барабанил в моей голове: «Если бы ты была похищена вчера, ты бы побежала. Ты должна вести себя так, как будто не знаешь Похитителя. Он — чужак. Беги! Беги! Черт тебя побери, беги же!» Я выронила пылесос и бросилась к двери гаража. Она была открыта.

* * *

На секунду я замерла в нерешительности. Мне направо или

налево? Где люди? Где железная дорога? Нельзя терять голову, поддаваться страху, оборачиваться — просто прочь отсюда. Я поспешила по узкой дорожке, завернула на Блазельгассе и побежала по направлению к поселению, растянувшемуся вдоль параллельной улицы — садовые участки с маленькими домиками, построенными на бывших делянках. В моих ушах стоял гул, легкие горели. И я была уверена, что Похититель меня вот-вот настигнет. Я слышала его шаги, я чувствовала спиной его взгляд. Вдруг мне показалось, что я ощущаю на затылке его дыхание. Но я не обернулась. Я и так почувствовала бы заранее тот момент, когда он рванет меня сзади, повалит на землю, потащит обратно в дом и убьет. Все лучше, чем назад в застенки. Я все равно выбрала смерть. Под поездом или от Похитителя. Свобода выбора, свобода смерти. Безумная путаница, мелькавшая в голове, пока я неслась дальше. Только когда мне навстречу попались три человека, я поняла, что хочу жить. И что буду жить.

Я кинулась к ним и, хватая ртом воздух, закричала: «Вы должны мне помочь! Мне нужен телефон, позвонить в полицию!» Они удивленно посмотрели на меня; пожилой мужчина, мальчик примерно двенадцати лет, и третий — наверное, отец ребенка. «Не выйдет», — сказал он. После чего все трое обошли меня и двинулись дальше. Старший еще раз обернулся: «Мне очень жаль, у меня нет с собой мобильного». Слезы брызнули из моих глаз. Кто я для этого мира? В этой жизни я никто, человек без имени и прошлого. А что, если в мою историю никто не поверит?

Дрожа, я стояла на тротуаре, опершись рукой о забор. Куда? Я должна уйти с этой улицы. Прикинул точно уже заметил, что меня нет. Я сделала несколько шагов назад, перелезла через низкую ограду в сад и позвонила в дверь дома. Никакой реакции, ни одной человеческой души. Я ринулась дальше, перепрыгивая через кусты и грядки, от одного участка к другому. Наконец в открытом окне одного из домиков я увидела пожилую даму. Я постучала в раму и тихо позвала: «Пожалуйста, помогите мне! Позвоните в полицию! Я жертва похищения, позвоните в полицию!» «Что вы делаете в моем саду? Что вы здесь ищете?», — прозвучал недовольный голос из-за стекла. Женщина с подозрением осматривала меня. «Пожалуйста, позвоните в полицию!» — повторила я, задыхаясь. «Я — жертва преступления. Мое имя Наташа Кампуш... Пожалуйста, вызовите Венскую полицию. Скажите им, что речь идет о случае похищения! Пусть они пришлют патрульную машину. Я — Наташа Кампуш. «Почему вы пришли именно ко мне?»

Я похолодела. Но потом заметила, что она колеблется. «Подождите у живой изгороди и не топчите газоны!»

Я молча кивнула, а женщина повернулась и исчезла из поля моего зрения. В первый раз за последние семь лет я произнесла свое имя вслух. Я вернулась.

* * *

Я стояла у кустов и ждала. Проходили секунда за секундой. Мое сердце колотилось где-то в горле. Я знала, что Вольфганг Приклопил будет меня искать, и испытывала панический ужас, что он полностью потеряет рассудок. Через несколько минут я увидела за заборами садовых домиков две приближающиеся полицейские машины с синими маячками. То ли дама не передала мою просьбу послать патрульную машину, то ли полиция не приняла это в расчет. Двое молодых полицейских вышли из машины и вошли в маленький сад. «Оставайтесь там, где стоите и поднимите руки!» — крикнул один из них. Не так представляла я свою первую встречу со свободой. Стоя с поднятыми руками у кустарника, я объясняла полицейским, кто я такая. «Мое имя — Наташа Кампуш. Вы должны были слышать о моем случае. Я была похищена в 1998 году».

«Кампуш?» — переспросил один из двух полицейских.

Я услышала голос Похитителя: «Никто не будет тебя искать. Они все рады, что ты исчезла».

«Дата рождения? Адрес прописки?»

«17 февраля 1988, прописана Реннбангассе 27, подъезд 38, 7 этаж, квартира 18».

«Когда и кем похищена?»

«В 1998 году. Меня держали в доме на Гейнештрассе 60. Имя преступника — Вольфганг Приклопил».

Большого контраста, чем между формальной установкой фактов и смесью эйфории и паники, сотрясавшими меня, трудно представить. Голос полицейского, сверяющего данные мной сведения по рации, с трудом доходил до моего слуха. Мне казалось, что меня разорвет от внутреннего напряжения. Я пробежала всего пару сотен метров, дом Похитителя находился в двух шагах отсюда. Я пыталась равномерно вдыхать и выдыхать, чтобы взять себя в руки. Я ни секунды не сомневалась, что для Приклопила не составит никакого труда смести со своего пути этих двух юных полицейских. Я стояла, как будто приросшая к кустарнику, и напряженно прислушивалась. Птичий щебет, звук машины вдалеке. Но мне это казалось затишьем перед бурей. Сейчас раздадутся выстрелы. Я напрягла мышцы. Наконец-то я совершила прыжок. И наконец приземлилась на другой стороне.

Специальный репортаж

Случай «Наташа Кампуш»: женщина утверждает, что она была похищена. Полиция пытается установить личность.

Вена (АРА)^[47] — случай исчезнувшей более восьми лет назад Наташи Кампуш получил невероятное развитие: молодая женщина утверждает, что является пропавшей без вести 2 марта 1998 г. в Вене девочкой. Федеральное управление криминальной полиции начало расследование с целью установления личности женщины. «Мы не знаем, идет речь о пропавшей или сумасшедшей женщине», — заявил АРА Эрих Цветтлер, представителе Федерального управления криминальной полиции. Во второй половине дня женщина находилась в полицейской инспекции Дойч-Ваграм в Нижней Австрии. (Продолжение) 23 августа 2006

Я не была сумасшедшей молодой женщиной. Для меня было шоком, что такое предположение вообще могло быть выдвинуто. Но для полицейских, сравнивающих маленькую, пухленькую школьницу с розыскной фотографии с молодой истощенной женщиной, стоящей перед ними, это было вполне нормально.

Перед тем как двинуться к машине, я попросила принести покрывало. Я не хотела, чтобы меня увидел Похититель, близкое присутствие которого я все еще ощущала, или чтобы эту сцену фотографировали. Покрывала не нашлось, но полицейские гарантировали мне визуальную защиту.

Оказавшись в машине, я вжалась в сиденье. Когда полицейский завел мотор и машина тронулась с места, меня окатила волна облегчения. У меня получилось. Я сбежала.

В полицейском участке в Дойч-Ваграме меня приняли, как потерявшегося ребенка. «Не могу поверить, что ты тут! Что ты жива!» Полицейские, занимавшиеся моим случаем, столпились вокруг меня. Большинство было убеждено в моей идентичности, только один или два хотели дождаться результата ДНК-теста. Они рассказывали, как долго меня искали. Что создавались специальные комиссии, которые сменяли друг друга. Их слова шелестели справа и слева от меня. Я была очень сосредоточена, но так как долго ни с кем не разговаривала, то такое количество

людей вскоре действовало на меня угнетающе. Я беспомощно стояла, окруженная ими со всех сторон, чувствуя себя бесконечно ослабшей, и начала дрожать в своей тонкой одежде. Одна сотрудница полиции дала мне куртку. «Ты же замерзла, одень это», — заботливо предложила она, тем самым сразу завоевав место в моем сердце.

Оглядываясь назад, я с удивлением думаю, почему меня тогда не отвезли в спокойное место и хотя бы день не подождали с допросами. Ведь я находилась в чрезвычайной ситуации. Восемь с половиной лет я верила словам Похитителя, что если я убегу, все люди вокруг меня умрут. И вот я это совершила, и ничего подобного не произошло, но страх до такой степени засел во мне, что даже в полицейском участке я не чувствовала себя спокойно и свободно. Кроме того, я не знала, как противостоять всему этому натиску из вопросов и сочувствия, и ощущала себя беззащитной. Сейчас я думаю, что мне все же должны были дать возможность немного перевести дух под чьим-нибудь заботливым присмотром.

Но тогда я принимала всю эту шумиху как должное. Не дав мне ни передышки, ни секунды покоя, меня отвели в соседнюю комнату для установления личности. Допрос доверили доброжелательной полицейской, давшей мне куртку. «Садись и рассказывай спокойно», — сказала она. Я недоверчиво осмотрела служебное помещение. Комнату со множеством папок и слегка застоявшимся воздухом, создающих деловую атмосферу. Первое помещение после моего заточения, в котором я задержалась дольше, чем где-либо. Я очень долго готовилась к этому, но все же ситуация представлялась мне нереальной.

Первое, о чем спросила меня полицейская, может ли она обращаться ко мне на «ты». Думаю, это было бы проще и для меня. Но я не согласилась. Я не хотела быть «Наташей», чтобы со мной обращались как с ребенком и пихали, как хотели. Я совершила побег, я стала взрослой, и буду добиваться соответствующего обращения.

Полицейская кивнула, соглашаясь, потом расспросила о всяких мелочах и велела принести для меня бутерброды. «Съешьте хоть что-нибудь, от вас же ничего не осталось», — уговаривала она меня. Я держала в руке бутерброд, протянутый ею, и не знала, как себя вести. Я была настолько растеряна, что забота, ласковое обращение, звучали для меня как приказ, которому я не могла последовать. Я была слишком взволнована, и слишком долго голодала, чтобы есть. И знала, что, проглотив целый бутерброд, получу ужасные спазмы желудка. «Я ничего не могу есть», — прошептала я. Но привычка следовать указаниям победила. Как мышка, я обгладывала хлебную корочку.

Понадобилось некоторое время, чтобы напряжение схлынуло, и я смогла сконцентрироваться на разговоре.

Эта сотрудница полиции сразу вызвала мое доверие. В то время, как мужчины в инспекции запугивали меня, заставляя быть настороже, я чувствовала, что с этой женщиной могу немного расслабиться. Я так давно не видела ни одной женщины, что рассматривала ее с восхищением. С гладко зачесанными на пробор темными волосами контрастировала одна светлая прядь. На ее шее на цепочке висел золотой кулон в виде сердечка, в ушах поблескивали сережки. С ней я чувствовала себя в надежных руках.

И я приступила к рассказу. С самого начала. Слова прямо-таки лились из меня. С каждой высказанной фразой о заточении с меня сваливалась часть груза. Как будто кошмар терял свою силу, когда я облекала слова в форму и диктовала под протокол. Я говорила, как радуюсь самостоятельной, взрослой жизни; что я хочу собственную квартиру, работу, позже — свою семью. В итоге у меня появилось ощущение, что я нашла в ее лице подругу. В конце допроса полицейская подарила мне свои часы. Для меня это обозначало снова почувствовать себя хозяйкой собственного времени. Больше не зависящей от чужой воли, не подчиняющейся приказам таймера, диктующего мне, когда день, а когда ночь. «Пожалуйста, не давайте интервью, — попросила я ее при прощании, — но если вы все-таки будете общаться с прессой, скажите обо мне что-нибудь хорошее». Она засмеялась: «Я вам обещаю, что не буду давать интервью, да и кто меня будет спрашивать!»

Молодой чиновнице, которой я доверила свою жизнь, удалось сдержать свое слово всего несколько часов. На следующий же день она сдалась под напором средств массовой информации и выболтала по телевизору все детали моего допроса. Позже она передо мной за это извинилась. Ей очень и очень жаль, но, как и всех остальных, ситуация вынудила ее пойти на это.

Ее полицейские коллеги из Дойч-Ваграма также не придали значения моим просьбам. Никто не был готов к такому ажиотажу, вызванному просочившейся новостью о моем освобождении из заточения. В то время как я после допроса отшлифовывала планы, месяцами вынашиваемые мною к этому дню, в полиции не было никакой концепции, чтобы быстро вытащить ее из ящика стола. «Пожалуйста, не информируйте прессу», — все время повторяла я. Но они только смеялись: «Пресса сюда не проникнет». Как глубоко они заблуждались! Когда меня после обеда должны были перевезти в полицейскую инспекцию в Вене, дом уже был окружен. К счастью, к этому моменту я уже обрела достаточно

хладнокровия и попросила покрывало, чтобы закрыть им голову до того, как выйду из здания. Но даже из-под него я могла ощущать бурю вспышек. «Наташа! Наташа!» — слышала я крики со всех сторон. Под защитой двух полицейских я как можно быстрее пробиралась к машине. Фото моих бледных, покрытых пятнами ног, выглядывающих из-под синего одеяла, открывающего только полоску моего оранжевого платья, обошло весь мир.

По пути в Вену я узнала, что мероприятия по задержанию Вальфганга Приклопила идут полным ходом. Дом был обыскан, но там никого не оказалось. «Объявлена всеобщая облава», — объясняли мне полицейские. «Мы его еще не взяли, но каждый чиновник, имеющий ноги, задействован в этой операции. Похитителю негде скрыться, а тем более за границей. Мы его поймаем». С этого момента я начала ждать известия, что Вольфганга Приклопила больше нет в живых. Я подпалила фитиль бомбы. Шнур горел, не оставляя шанса его потушить. Я выбрала жизнь. Похитителю осталась только смерть.

* * *

Свою мать я узнала сразу, как только она вошла в полицейскую инспекцию в Вене. 3096 дней прошли с того утра, когда я, не попрощавшись, покинула квартиру на Реннбанwege. Восемь с половиной лет — годы, в которые мое сердце разрывалось из-за того, что я не могу попросить у нее прощения. Вся юность без семьи. Восемь раз Рождество, все дни рождения, начиная с одиннадцатого и заканчивая восемнадцатым, бесчисленные вечера, в которые я мечтала об одном-единственном слове, одном прикосновении ее рук. И сейчас она стояла передо мной, почти не изменившаяся, как сон, внезапно претворившийся в реальность. Она громко всхлипывала, смеялась и плакала одновременно, пока бежала через комнату и обнимала меня. «Мое дитя! Мое дитя, ты снова здесь! Я всегда знала, что ты вернешься!» Я глубоко втянула воздух. «Ты снова здесь, — шептала моя мать, — Наташа, ты снова здесь». Обнявшись, мы долго не могли оторваться друг от друга. Физический контакт был так непривычен для меня, что от такой близости у меня закружилась голова.

Обе моих сестры вошли в участок сразу за ней и тоже разразились слезами, когда мы бросились друг к другу в объятия. Чуть позже появился и мой отец. Он бросился ко мне, недоверчиво оглядел меня и сразу начал искать шрам,

оставшийся у меня с детства. После этого он обнял меня, приподнял с пола и всхлипывал: «Наташа! Это действительно ты!» Большой, сильный Людвиг Кох плакал как дитя, а я вместе с ним.

«Я тебя люблю», — шептала я, как будто он мог снова исчезнуть, как в детстве, когда после выходных высаживал меня перед домом.

Просто поразительно, какие бессмысленные вопросы задают по прошествии такого времени. «Кошки еще живы? Ты все еще вместе с твоим другом? Как молодо ты выглядишь! Какая ты взрослая!» Как будто мы должны снова на ощупь узнавать друг друга. Как будто беседуешь с чужим человеком, с которым — из вежливости или от отсутствия других тем для разговора — не хочешь сближаться. Для меня самой это была чудовищно тяжелая ситуация. Последние восемь лет я выстояла только благодаря тому, что научилась уходить в себя. Я не могла слишком быстро «повернуть переключатель» и при всей физической близости ощущала невидимую стену между мной и моей семьей. Как из-под стеклянного колпака я наблюдала, как они плачут и смеются, в то время как мои слезы давно иссякли. Я слишком долго жила в кошмаре, моя психологическая тюрьма еще была во мне и стояла между мной и моей семьей. В моем восприятии все выглядели точно так же, как и восемь лет назад, в то время, как я из маленькой школьницы превратилась в молодую женщину. Я видела нас заключенными в разных временных пузырях, которые на мгновение столкнулись и стремительно разлетелись врозь. Я не знала, как они провели последние годы, что происходило в их мире. Но я знала, что не существует таких слов, чтобы описать все то, что мне пришлось пережить, и я не могла высказать свои чувства, переполнявшие душу. Я закрыла их на столько замков, что не могла так просто взломать дверь моего собственного эмоционального застенка.

Мир, в который я вернулась, больше не тот мир, который я покинула. И я тоже больше не та, что раньше. Уже никогда не будет так, как было — никогда. Это стало мне ясно немногим позже, когда я задала матери вопрос: «Как дела у бабушки?» Мать опустила глаза: «Два года назад она умерла. Мне очень жаль». Я сразу проглотила и спрятала печальную новость под толстой броней, которая выросла во время моего плена. Моя бабушка. Лоскутки воспоминаний кружились в моей голове. Запах «Францбрандвайн» и рождественских свечей. Ее фартук, чувство близости, и осознание того, что мысли о ней спасали меня в те многие ночи в застенке.

После того как мои родители выполнили «задание», подтвердив мою личность, их выпроводили. Моим же заданием сейчас было оставаться в распоряжении аппарата. До сих пор меня ни на секунду не оставляли в покое.

Полиция организовала психолога, которая должна была поддерживать меня в ближайшие дни. Меня неоднократно спрашивали, каким образом можно заставить Похитителя сдаться. На этот вопрос я ответить не могла, но была уверена в одном — он покончит с собой, хотя не имела понятия, когда и где. Я мимоходом услышала, что дом в Штрасхофе был обследован на взрывчатые вещества. Ближе к вечеру полиция обнаружила мой застенок. Пока я сидела в канцелярии, специалисты в белых костюмах перевернули вверх дном помещение, которое на протяжении восьми лет было моей тюрьмой и моим убежищем. Всего несколько часов назад я там проснулась.

Вечером меня машиной доставили в какой-то отель в Бургенланде. После того, как миссия Венской полиции по моим поискам была провалена, мое дело переняла специальная комиссия из Бургенланда. Теперь я перешла под их попечение. Когда мы прибыли в отель, уже давно наступила ночь. В сопровождении полицейского психолога чиновники провели меня в двухспальный номер с ванной комнатой. Весь этаж был освобожден и охранялся вооруженными полицейскими. В целях предотвращения мести Похитителя, который до сих пор где-то скрывался.

Первую ночь на свободе я провела под непрерывную болтовню психолога, чьи слова сплошным потоком плескались над моей головой. И опять я была отрезана от внешнего мира — для моей защиты, как заверяла полиция. Наверное, они поступали правильно, но я чуть не сошла с ума в этой комнате. Я чувствовала себя запертой, и мечтала только об одном: услышать радио. Узнать, что произошло с Вольфгангом Приклопиллом. «Поверьте, это для вас вредно», — постоянно зудела психолог. Внутри меня все переворачивалось, но я подчинялась ее указаниям. Поздней ночью я приняла ванну. Я погрузилась в воду и попыталась расслабиться. Можно было сосчитать по пальцам, сколько раз за последние годы заточения я купалась. Сегодня я сама могла напустить воду и налить столько ароматной пенки, сколько моей душе угодно. Но насладиться этим не получалось. Там, где-то в темноте за этими стенами, мужчина, бывший восемь с половиной лет единственным человеком в моей жизни, метался в поисках найти способ уйти из жизни.

Новость я узнала на следующий день в полицейской машине, везущей меня обратно в Вену. «Есть известия о похитителе?» —

это был мой первый вопрос, как только я села в машину. «Да», — осторожно произнес полицейский. «Преступника больше нет в живых. Он покончил с собой в 20.59, бросившись под поезд на Северном железнодорожном пути в Вене».

Я подняла голову и выглянула из окна. Мимо автобана проносились спокойные равнинные пейзажи Бургенланда. Над полем взметнулась птичья стая. Солнце низко стояло над горизонтом, омывая предосенние луга теплым светом. Я глубоко вдохнула воздух и протянула руки навстречу солнцу. Все мое тело — до кончиков пальцев, окатила волна тепла и безопасности. Моя голова стала легкой. Все закончилось. Я — свободна.

*You don't own me
I'm not just one of your many
toys
You don't own me*

(из песни «You Don't Own Me», написанной Джоном Мандара и Давидом Байт, исполнение Лесли Гор)

Первые дни моей новой жизни на свободе я провела в общественной больнице Вены в отделении детской и юношеской психиатрии. Это было медленное, осторожное вступление в нормальную жизнь, а также первое представление о том, что меня ожидает впереди. Обо мне заботились наилучшим образом, но я находилась в закрытом отделении, которое не могла покинуть. Отрезанная от внешнего мира, в котором я только что нашла спасение, в комнате отдыха я общалась только с больными анорексией девушками и детьми, склонными к самовредительству. Снаружи, за прочными стенами больницы, бушевал ураган общественного интереса. Фотографы забирались на деревья, чтобы первыми поймать меня в объективы своих фотоаппаратов. Репортеры, переодеваясь в одежду медперсонала, пытались проскользнуть в больницу. Моих родителей завалили просьбами об интервью. Как утверждают исследователи СМИ, мой случай стал первым, когда обычно сдержанные австрийские и немецкие журналисты снесли все барьеры. Газеты вышли с фотографиями моего застенка. Бетонная дверь стояла широко открытой. Мое немногочисленное, но дорогое мне имущество — дневники и несколько предметов одежды — бездушно раскидано по комнате мужчинами в белых защитных комбинезонах. На моем письменном столе и кровати красуются желтые таблички с номерами. Я вынуждена была наблюдать, как моя крошечная, так долго скрываемая от чужих глаз личная жизнь выкладывается на титульных страницах. Все то, что мне самой удавалось скрывать от Похитителя, было вытащено на свет божий, где царили собственные представления об истине.

Через две недели после побега я решила положить конец всем спекуляциям и лично изложить свою собственную историю. Я дала три интервью: австрийскому телевидению, самой крупной

ежедневной газете страны «Kronenzeitung» и журналу «News».

Перед этим шагом навстречу общественности я со всех сторон получала советы поменять имя и «залечь на дно» и предупреждения, что иначе у меня не останется шанса на нормальную жизнь. Но что это за жизнь, в которой я не могу показать свое лицо, не имею права больше видаться со своей семьей и вынуждена отречься от собственного имени? Что это за жизнь — именно для такой, как я, которая все годы заточения боролась за то, чтобы не потерять себя? Несмотря на насилие, изоляцию, мрак и другие испытания, я осталась Наташей Кампуш. Особенно теперь, после освобождения, я ни за что не отдам это самое важное достояние — мою тождественность. Я вышла под своим полным именем и с открытым лицом перед камерами и осветила некоторые подробности своего заточения. Но вопреки моей открытости мультимедийцы не ослабили хватку, один заголовок сменялся другим, все более абсурдные домыслы доминировали в содержании статей. Видимо, жестокая правда сама по себе не достаточно жестока и нуждается в дополнительном приукрашивании сверх всякой допустимой меры, тем самым лишая меня полномочий толкования пережитого. Дом, в котором я принудительно провела несколько лет, был окружен зеваками — каждому хотелось испытать на себе священный трепет от соприкосновения с жестокостью. Одна мысль, что этот дом может перейти в руки какого-то извращенного поклонника преступника и стать местом паломничества для тех, кто видит здесь осуществление всех своих самых темных фантазий, приводила меня в абсолютный ужас. Поэтому я позаботилась о том, чтобы он не был продан, а предложен мне в качестве «компенсации ущерба». Тем самым я отвоевала часть своей истории и взяла ее под контроль.

В первое время волна сочувствия достигла гигантских размеров. Я получала тысячи писем от абсолютно незнакомых людей, которые вместе со мной радовались моему освобождению. Через пару недель я переехала в общежитие медсестер при больнице, а спустя несколько месяцев — в собственную квартиру. Меня спрашивали, почему я не живу снова с матерью. Но сам вопрос казался мне таким абсурдным, что в голову не приходило никакого ответа. В конечном итоге, это же был мой план — с 18 лет стать самостоятельной, благодаря которому, я и продержалась все эти годы. Теперь я хотела претворить его в жизнь, встать на собственные ноги и наконец-то стать хозяйкой собственной судьбы. Мне казалось, что для меня открыт весь мир: я свободна и могу делать все, что угодно. Все. В солнечный денек купить себе мороженого, пойти потанцевать, продолжить учебу в

школе. Удивляясь всему, я совершала прогулки по этому большому, пестрому, громкому миру, пугающему и вводящему в состояние эйфории, с жадностью втягивая в себя каждую малейшую деталь. Было много всего, чего после долгой изоляции я еще не понимала. Вначале нужно было изучить, как этот мир функционирует, как общается между собой молодежь, какие коды и жесты они используют и что хотят выразить своей одеждой. Я наслаждалась свободой и училась, училась, училась. Я потеряла всю свою юность, и теперь мне нужно было столько всего нагнать!

Только со временем я заметила, что угодила в другую тюрьму. Стены, вставшие на смену моей темницы, день за днем становились все более зримыми. Более тонкие, они были выложены из кирпичей чрезмерного общественного интереса, обсуждающего каждый мой шаг и делающего для меня невозможным то, что позволено другим людям — проехать на метро или спокойно пройти по магазинам. В первые месяцы после моего освобождения организацией моей жизни занимался штаб консультантов, почти не оставляя для меня личного пространства и возможности поразмышлять, как я, собственно, намереваюсь жить дальше. Я надеялась, что шагом доверия к общественности я сумею отвоевать свою историю. Только со временем я осознала, что эта попытка не имела шанса на успех. Этому миру, так желавшему меня заполучить, я была не нужна. Знаменитой персоной меня сделало жестокое преступление. Похитителя больше нет — нет и дела «Приклопил». Я осталась — есть дело «Наташа Кампуш».

Участие, проявляемое по отношению к жертве, обманчиво. Жертву любят только в том случае, когда можно испытывать свое превосходство над ней. Уже с первым потоком корреспонденции до меня дошли несколько дюжин писем, вызвавшие во мне тошнотворные чувства. Среди них было много от сталкеров,^[48] признаний в любви, предложений руки и сердца, а также анонимных писул от извращенцев. Но даже некоторые предложения помощи иногда открывали истинные побуждения пишущих. Такова человеческая природа — человек чувствует себя лучше, оказывая помощь более слабому, жертве. И это срабатывает до тех пор, пока роли четко распределены. Благодарность по отношению к дающему — прекрасное чувство; но в случае, если ею начинают злоупотреблять, пытаясь ограничить личностное развитие другого, все это приобретает неприятный привкус. «Вы можете у меня жить и помогать мне по хозяйству, за это получите оплату, жилье и питание. Правда, я женат, но мы найдем альтернативу», — пишет один мужчина. «Вы можете у меня работать, при этом учиться готовить и убирать», —

а это женщина, которой такое «вознаграждение» кажется абсолютно адекватным. За прошедшие годы я достаточно наупражнялась в уборках. Не поймите меня превратно. Меня глубоко трогает каждое искреннее проявление участия и каждый истинный интерес к моей личности. Но очень тяжело, когда мою личность опускают до уровня нуждающейся в помощи, сломленной девочки. Это та роль, с которой я не смирилась, и не хочу соглашаться на нее и в будущем.

Соппротивление психологическому мусору и темным фантазиям Вольфганга Приклопила не позволило мне сломиться. Теперь я на свободе, но меня хотят видеть именно такой — сломленной, не способной самостоятельно подняться на ноги и нуждающейся в постоянной поддержке. Но как только я отказалась носить на себе эту Каинову печать всю оставшуюся жизнь, отношение ко мне резко изменилось.

У милосердных людей, еще недавно присылавших мне старую одежду или предлагавших работу уборщицей в их квартирах, мое желание жить по собственным правилам вызвало осуждение. Сразу же пошла молва, что я неблагодарная и хочу извлечь наибольшую выгоду из своей ситуации. Многие посчитали странным, как это я смогла купить себе квартиру, сказки о громадных гонорарах за интервью переходили из уст в уста. Постепенно сочувствие обернулось недоброжелательством и завистью, иногда даже переходящими в открытую ненависть.

Особенно мне не могли простить, что я отказалась осудить Похитителя, как того от меня ожидала общественность. От меня не хотели слышать, что нет абсолютного зла и существует не только белое и черное. Разумеется, Похититель украл мою юность, заточил меня в застенке и подвергал издевательствам, но ведь в самые важные годы жизни — между одиннадцатью и девятнадцатью годами — он был единственным близким мне человеком. Вырвавшись на свободу, я не только избавилась от мучителя, но также и потеряла человека, в силу обстоятельств ставшего мне родным. Но и проявление скорби, непостижимой для других, было мне также непозволительно. Как только я начинала рисовать более неоднозначный портрет Похитителя, люди закатывали глаза и опускали взгляд. Их всегда неприятно задает, если их категории добра и зла подвергаются сомнению, вступая в конфронтацию с аргументом, что персонифицированное зло тоже может иметь человеческое лицо. Темные стороны Похитителя не свалились с неба, никто не рождается на белый свет монстром. Теми, кто мы есть, мы становимся из-за связи с миром и другими людьми. Поэтому мы все, в конечном счете, несем ответственность за то, что происходит в наших семьях, в

нашем окружении. Признаться в этом самим себе непросто. Но несравненно труднее, когда кто-то держит перед тобой зеркало, в котором отражается чужое лицо. Своими высказываниями я попала в болезненную точку, а попытками за фасадом мучителя и чистоплюя разглядеть человека, посеяла непонимание. После своего освобождения я даже встретила с Хольцапфелем — другом Вольфганга Приклопила, чтобы поговорить с ним о Похитителе. Я хотела уяснить, что сделало его таким человеком, который смог так поступить со мной. Но вскоре я оставила эти попытки. Подобная форма анализа происшедшего не допускалась и велеречиво облекалась в форму Стокгольмского синдрома.

Со временем отношение властей ко мне тоже все больше менялось. У меня даже создалось впечатление, что они в определенной мере недовольны фактом моего самостоятельного освобождения. Ведь в данном случае они были не спасателями, а теми, кто все эти годы терпел неудачу. Нарастающее раздражение, вызванное этим у ответственных лиц, плавало в 2008 году на поверхности. Хервиг Хайдингер, бывший директор федерального управления уголовной полиции, вскрыл факты, что политики и полиция после моего побега старательно затушевывали следственные ошибки. Он опубликовал свидетельские показания того самого кинолога, который уже через шесть недель после моего похищения указал на Вольфганга Приклопила как преступника, и которые полиция не удосужилась проверить, хотя в поисках меня хваталась за любую соломинку.

В особых комиссиях, позже взявших на себя дальнейшую работу по моему делу, вообще не знали об этих важных показаниях. Акты были «утеряны». Первым, кто на них наткнулся, был Хервиг Хайдингер, который после моего освобождения перерыл множество документов. Он сразу же обратил внимание министра внутренних дел на это упущение. Но в преддверии осенних выборов 2006 года ей не хотелось возбуждать полицейский скандал, и она отдала распоряжение приостановить дальнейшее расследование. Только в 2008 году, после своей отставки, Хайдингер вскрыл этот факт и предал гласности следующее электронное письмо члена парламента Петера Пильца, составленное 26 сентября 2006, через месяц после моего побега:

«Уважаемый господин Бригадир!

Первое распоряжение, полученное мной, гласило, что по вторичным показаниям (ключевое слово: „Кинолог из Вены“) не должно приниматься никаких мер. Подчиняясь воле руководства ведомства, несмотря

на мое несогласие, я выполнил это распоряжение. Также в распоряжении имелся второй компонент, а именно, указание обождать до выборов в Национальный совет. Этот срок будет достигнут в следующее воскресенье».

Но и после выборов никто не осмелился вернуться к делу, большинство информации было затушевано.

Когда Хайдингер в 2008 году вышел с этим в общественность, его высказывания чуть не вызвали государственный кризис. Снова была сформирована очередная следственная комиссия. Как ни странно, она направила все свои усилия не на то, чтобы исследовать допущенную халатность, а на то, чтобы подвергнуть сомнению мои высказывания. Снова разыскивали соучастников преступления, а мне предъявляли обвинения в замалчивании — мне, находящейся все время с одним человеком и не имеющей ни малейшего понятия о том, что происходит вокруг. Уже в то время, как я начала работу над своей книгой, я часами подвергалась допросам. Теперь ко мне больше относились не как к жертве, а напротив, обвиняли в том, что я скрываю важные детали, и спекулировали перед общественностью, будто меня шантажируют соучастники похитителя. Видимо, властям проще представить это преступление как огромный заговор, чем признать, что за все это время им не удалось поймать безобидного на вид преступника-одиночку. Новое следствие также не дало результатов и было прекращено. В 2010 году мое дело было окончательно закрыто. Заключение властей: соучастников не было. Вольфганг Приклопил действовал в одиночку. Такое завершение принесло мне облегчение.

Теперь, через 4 года после моего освобождения, я могу вздохнуть свободно и посвятить себя работе над самой тяжелой заключительной главой — самостоятельно достигнуть соглашения с прошлым и смело двинуться навстречу будущему. Я снова начала замечать, что не так уж много людей, в основном анонимы, проявляют агрессию по отношению ко мне. Большинство же из тех, кого я встречаю, поддерживает меня на моем пути. Медленно и осторожно я делаю один шаг за другим и снова учусь доверять.

За эти четыре года я заново познакомилась со своей семьей и восстановила нежные отношения с матерью. Я завершила среднее образование и теперь занимаюсь изучением языков. Заточение останется внутри меня до конца моей жизни, но постепенно во мне растет уверенность, что оно больше не властвует над ней. Оно — часть меня, но оно — не все. Ведь в жизни еще столько удивительного, что мне хотелось бы пережить.

С помощью этой книги я попыталась завершить самую длинную и самую темную главу моей жизни. Я испытываю глубочайшее облегчение, что мне удалось найти слова для описания всего отвратительного и противоречивого. Когда я вижу их, воплощенными на бумаге, это помогает мне с уверенностью смотреть вперед. Потому что все, что я испытала, также придает мне силы: я пережила заточение в застенке, смогла вырваться из него и выстоять. Я знаю, что и на свободе смогу правильно распорядиться своей жизнью. И эта свобода начинается только сейчас, четыре года спустя после 23 августа 2006 года. Только сейчас, этими строчками, я могу подвести черту и действительно сказать: я свободна!

notes

Примечания

Judith Hermann, «Die Narben der Gewalt».

Rennbahnsiedlung — многоквартирный государственный комплекс жилых домов в 22-м районе Вены, возведенный в 1972-73 гг.

Marchfeld — равнинная местность на восточной границе Вены и Нижней Австрии.

Бидермайер — художественный стиль в немецком и австрийском искусстве, ответвление романтизма.

Hans Moser (Johann Julier), австрийский актер и киноактер.

Жидкость для втираний, спиртовая настойка.

Marco-Polo-Siedlung — микрорайон в 21 районе Вены.

Burnout — синдром эмоционального выгорания.

Хойригер (нем. Heuriger — «нынешнего года») — австрийское молодое вино, а также название традиционных в Вене, Нижней Австрии и Бургенланде питейных заведений, предлагающих молодое вино на розлив и простую домашнюю еду.

Кардинал Гроер, обвиненный в сексуальных домогательствах к собственным ученикам.

Штрасхоф-ан-дер-Нордбан (нем. Strasshof an der Nordbahn), городок в Нижней Австрии, входящий в состав округа Гензерндорф.

Marc Dutroux — бельгийский серийный убийца. Дютру насиловал девушек и снимал это на камеру. Приговорён к пожизненному заключению.

Частичное или полное лишение одного или более органов чувств внешнего воздействия. Самые простые устройства для депривации, такие как повязка на глаза или затычки для ушей, уменьшают или убирают воздействие на зрение и слух.

В Австрии начальная школа заканчивается после 4-х классов, после чего дети идут в среднюю школу или гимназию.

Административный округ, к которому относится Штрасхоф.

Ошибка в оригинале.

Нордбан (нем. Nordbahn) — Северная железная дорога.

Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес». (Перевод Бориса Заходера.)

Портативный аудиоплеер фирмы «Sony».

В русском переводе — Скрудж.

Чарльз Диккенс «Американские заметки» («American Notes for General Circulation», перевод Т. Кудрявцевой).

Kramrus — мифическая фигура, обозначающая злого духа в виде черта, который в День св. Николая запугивает детей.

«Stille Nacht, heilige Nacht» — один из самых известных христианских рождественских гимнов.

Шкафчик для ванной с зеркалами.

Strasshof an der Nordbahn.

«Das Urteil» — новелла Франца Кафки.

«Nur Puppen haben keine Tränen» — воспоминания Петера Кройдера.

22-й район Вены, один из районов на внешней границе города.

BleigieEen — традиционное новогоднее гадание. Кусочки свинца расплавляются над огнем и выливаются в холодную воду, застывают в виде фигур, служащих предсказаниями на следующий год.

Pummerin — колокол на соборе св. Стефана в центре Вены.
Вес 21,4 тонны.

В Австрии по традиции трубочист на Новый год приносит счастье.

Маленькие шоколадные конфеты в глазури.

Neusiedlersee — четвёртое по величине озеро Центральной Европы, уникальный биосферный заповедник, расположенное на границе Австрии и Венгрии.

Stiiberl (от Stube) — так называлась жилая комната, часто единственно отапливаемая в доме, где собиралась вся семья и друзья, в Австрии так часто называют питейные заведения.

Фантастический сериал «Stargate».

Хозяин (биолог.) — организм, содержащий внутри вирус, паразита, обычно обеспечивая его питанием и убежищем (Wikipedia).

Prolet — человек низшего социального сословия, сокр. от слова «пролетарий».

Психоан. процесс, посредством которого психический образ представляется вне самого себя или «внутренний объект» проецируется на некоторый объект во внешнем мире.

Величина, позволяющая оценить степень соответствия массы человека и его роста.

Расстройство приёма пищи, характеризующееся преднамеренным снижением веса, вызываемым и/или поддерживаемым самим человеком, в целях похудения или для профилактики набора лишнего веса.

Диета с повышенным содержанием жиров и пониженным — белков и углеводов, которая используется для лечения эпилептических приступов.

Эмпатия — способность поставить себя на место другого человека или животного, способность к сопереживанию.

«The Truman Show» — фильм режиссёра Питера Уира, вышедший на экраны в 1998 году.

«Baumarkt» — большой магазин стройматериалов.

Donauzentrum — большой торговый центр в 22-м районе Вены.

Административная территориальная единица в Австро-Венгрии. Кронландами были исторические земли, которых в течение столетий приобрели Габсбурги и правили ими в личной унии.

APA — Austrian Presse Agentur.

От англ. Stalker — охотники за знаменитостями, преследующие своих жертв в виде любовных признаний, слежки, постоянных домогательств.